

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

2021 Том 26 № 1

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Научный журнал
Издается с 1996 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61204 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Коваленко А.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Волкова И.И., доктор филологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Галай К.Н., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: galay-kn@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Бодор Ф., профессор факультета гуманитарных наук, Университет Бордо III имени Мишеля де Монтеня, Бордо, Франция

Борхес-Рей Э., доктор в сфере медиакоммуникаций, адъюнкт-профессор по программе журналистики, Северо-Западный университет в Катаре, Доха, Катар

Голубков М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Дрок Н., PhD, профессор, президент Европейской ассоциации преподавателей журналистики (ЕЈТА), заместитель председателя Всемирного совета по журналистскому образованию (WJEC), профессор школы медиа, Университет прикладных наук Виндсхайма, Зволле, Нидерланды

Жаккар Ж.-Ф., профессор кафедры средиземноморских, славянских и восточных языков и литератур, Женевский университет, Женева, Швейцария

Желтухина М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

Киссель В.С., ведущий научный сотрудник международной лаборатории изучения российского и европейского интеллектуального диалога, профессор восточноевропейской литературы и культуры, Бременский университет, Бремен, Германия

Кихней Л.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия

Лободенко Л.К., доктор филологических наук, профессор, директор Института медиа и социально-гуманитарных наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Панасенко Н., доктор филологических наук, профессор департамента лингвистики факультета массовых коммуникаций, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Трнава, Словакия

Саймонс Г.Дже., PhD, профессор, адъюнкт-профессор департамента государственного управления, научный сотрудник Института исследований России и Евразии, Университет Упсалы, Упсала, Швеция

Сколари К., доктор лингвистики и коммуникаций, профессор, адъюнкт-профессор факультета медиакоммуникаций, Университет Помпеу Фабра, Барселона, Испания

Тилак Г., PhD, доктор литературы, доктор менеджмента, профессор, декан факультета современных наук и профессиональных навыков, профессор департамента массовых коммуникаций, Университет Тилак Махараштра Видьяпит, Пуна, Махараштра, Индия

Флейшман Л., профессор кафедры славянских языков и литературы, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Шилина М.Г., доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА**

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), DOAJ, EBSCOhost, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области филологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала – осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными литературоведами и журналистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем междисциплинарного характера, касающихся литературоведения и журналистики, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются история русской и зарубежной литературы, теория литературы, история и теория журналистики, средства массовой коммуникации и средства массовой информации, реклама, связи с общественностью России и зарубежных стран. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала – знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области литературоведческих и журналистиковедческих исследований, рекламы и связей с общественностью, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся литературного процесса, прозы, поэзии, драматургии, литературной критики, жанров журналистики, печати, радио и телевидения, рекламы, связей с общественностью. Основные рубрики журнала: «Литературоведение», «Журналистика».

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т. д.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству литературоведов и специалистов в области средств массовой информации и массовой коммуникации, рекламы и связей с общественностью, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/literary-criticism/index>.

Электронный адрес редакции журнала: litjournalrudn@rudn.ru.

Редактор *Ю.А. Заикина*

Компьютерная верстка *Ю.А. Заикиной*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litjournalrudn@rudn.ru

Подписано в печать 23.03.2021. Выход в свет 30.03.2021. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 14,35. Тираж 500 экз. Заказ № 17. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов»

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

2021 VOLUME 26 NUMBER 1

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Founded in 1996

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander G. Kovalenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

Irina I. Volkova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Karina N. Galay, Candidate of Philology, senior lecturer of the Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
E-mail: galay-kn@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Anna E. Bazanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Eddy Borges-Rey, PhD in Media and Communication, Associate Professor in Residence Journalism Program, Northwestern University in Qatar, Doha, Qatar

Philippe Buadorre, Professor of the Department of Humanities, Bordeaux Montaigne University, Bordeaux, France

Niko Drok, Ph.D, President of European Journalism Training Association (EJTA), Vice Chair of the World Journalism Education Council (WJEC), Professor of Media & Civil Society, Windesheim University of Applied Sciences, Zwolle, Netherlands

Lazar Fleishman, Professor of the Department of Slavonic Languages and Literature, Stanford University, Stanford, USA

Michail M. Golubkov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature History and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Jean-Philippe Jaccard, Professor of the Department of Mediterranean, Slavic and Oriental Languages and Literatures, University of Geneva, Geneva, Switzerland

Liubov G. Kikhney, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russia

Wolfgang Stephan Kissel, leading research fellow of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Professor of East European Literatures and Cultures, University of Bremen, Bremen, Germany

Lidiya K. Lobodenko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Nataliya Panasenka, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Linguistic Communication of the Faculty of Mass Media Communication, University of St. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovakia

Carlos Alberto Scolari, PhD in Applied Linguistics and Communication Languages, Professor, Associate Professor of the Faculty of Communication, Pompeu Fabra University, Barcelona, Spain

Marina G. Shilina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Advertising, Design and Public Relations, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Gregory John Simons, PhD, Professor, Associate Professor at the Department of Government, researcher at Institute for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, Uppsala, Sweden

Geetali Tilak, PhD, DLit, DM, Professor, Dean of the Faculty of Modern Sciences and Professional Skills, Professor of the Department of Mass Communication, Tilak Maharashtra Vidyapeeth, Pune, Maharashtra, India

Marina R. Zheltukhina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

**RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM
Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)**

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, DOAJ, EBSCOhost, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism is a peer-reviewed international academic journal publishing research in literature and journalism. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of literature studies, journalism, public relations and advertising. The editors aim to publish original research devoted to literature and journalism: literary process, prose, poetry, drama, literary criticism, mass communication, press, radio, television, genres of journalism, public relations.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in practices in this area. General journal sections are "Literary Studies" and "Journalism".

As a Russian periodical with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/literary-criticism/index>.

E-mail: litjournalrudn@rudn.ru.

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*

Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial office:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litjournalrudn@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурмистрова Ю.Д.** «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева: заглавие цикла как историко-литературная проблема 7
- Соколов Б.В.** Прототип Вадима Рощина в «белой» версии трилогии «Хождение по мукам» А.Н. Толстого 16
- Анпилова Л.Н.** О чем расскажет лист «Чукоккалы» 33

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

- Кротова Д.В.** Онтология смерти в романе М. Шишкина «Письмовник» 43

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Банников К.В.** Автобиографика «Моего обращения» Поля Клоделя 52
- Синегубова К.В., Аксенова А.А.** Шутовство в слове героя и проблема исторической формы романа Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей» 60
- Biswas D., Das R.** The construction of insider – outsider in anglophone writings from North-east India («Свой» и «чужой» в произведениях писателей северо-востока Индии) 71
- Pathak M.K.** *The Calcutta Chromosome: an acknowledgement of indigenous caliber and extrapolation upon the history of malaria parasite discovery* (Роман Амитава Гоша «Хромосома Калькутты»: признание роли коренных жителей в открытии малярийных паразитов) 79
- Pawar P.N.** Reunion with self in Terry McMillan's *I Almost Forgot About You* (Воссоединение с собой в романе Терри Макмиллан «Я почти забыла о тебе») 85

ЖУРНАЛИСТИКА

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СМИ

- Дзялошинский И.М.** Аффордансы информационно-коммуникационного универсума, или Кто стоит за спиной массмедиа 92
- Кемарская И.Н.** Драматургия телевизионного зрелища как аналог синтаксиса аудиовизуального языка 99
- Овчаренко Е.Ф.** Медиарегионализм как историческая особенность СМИ Квебека 107
- Горобий А.В.** Жанровая характеристика передач британского телеканала «Би-Би-Си 1» 115
- Талышева М.А., Поплавская Н.В.** СМИ как проводник патриотической идеи в контексте теории поколений 123

АКСИОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

- Павлова Л.Н., Аргылов Н.А.** Новостная журналистика: практика подмены функций 132

НОВЫЕ МЕДИА

- Sharma V., Shilina M.G., Kumar M.** Reflection of India-China relations in Indian media: problems and perspectives (Отражение индийско-китайских отношений в индийских медиа: проблемы и перспективы) 142
- Расторгуева Н.Е., Барселей Рамирес Я.** Основные тенденции развития сайтов кубинских информационных агентств 149

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

- Хайруллин Р.З.** Миф в зеркале литературы народов Севера: рецензия на книгу: Жулева А.С. Мифопоэтическая модель мира в ненецкой литературе: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 328 с. 158

CONTENTS

LITERARY STUDIES

HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

- Burmistrova Yu.D.** Poems in prose by I.S. Turgenev: the cycle's title as a historical literary issue 7
- Sokolov B.V.** A prototype of Vadim Roshchin in the "white" version of Alexey N. Tolstoy's trilogy *The Road to Calvary* 16
- Anpilova L.N.** The story of a drawing from *Chukokkala* miscellany 33

CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

- Krotova D.V.** The ontology of death in M. Shishkin's novel *The Letter Book* 43

FOREIGN LITERATURE

- Bannikov K.V.** The autobiography in Paul Claudel's *Ma Conversion* 52
- Sinegubova K.V., Aksenova A.A.** Buffoonery in the speech of the character and the issue of historical form in the novel *The Winter of Our Discontent* by J. Steinbeck 60
- Biswas D., Das R.** The construction of insider – outsider in anglophone writings from Northeast India 71
- Pathak M.K.** The Calcutta Chromosome: an acknowledgement of indigenous caliber and extrapolation upon the history of malaria parasite discovery 79
- Pawar P.N.** Reunion with self in Terry McMillan's *I Almost Forgot About You* 85

JOURNALISM

HISTORY AND THEORY OF MEDIA

- Dzyaloshinsky I.M.** The affordances of the information and communication universe, or Who is behind the mass media 92
- Kemarskaya I.N.** TV show dramaturgy as an analogue of the audiovisual syntax 99
- Ovcharenko E.F.** Media regionalism as a historical feature of Quebec mass media 107
- Gorobiy A.V.** Analysis of genres of the BBC One TV programs 115
- Talysheva M.A., Poplavskaya N.V.** Media as a patriotic idea guide in the theory of generations context 123

AXIOLOGY OF MEDIA

- Pavlova L.N., Argylov N.A.** News reporting: substitution of functions 132

NEW MEDIA

- Sharma V., Shilina M.G., Kumar M.** Reflection of India-China relations in Indian media: problems and perspectives 142
- Rastorgueva N.E., Barcelay Ramirez Y.** The main tendencies in the Cuban news web sites development 149

REVIEWS

- Khayrullin R.Z.** The myth in the literature of peoples of the North: book review: Zhuleva, A.S. (2019). *Mifopoeticheskaya model' mira v nenetskoi literature* [Mythopoetic world model in the Nenets literature]. Moscow: IMLI RAS. 158

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
LITERARY STUDIES
HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-7-15

УДК 82.091

Научная статья / Research article

**«Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева:
заглавие цикла как историко-литературная проблема**

Ю.Д. Бурмистрова

*Московский городской педагогический университет,
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, корп. 1*
✉ tweeeca@gmail.com

Аннотация. Рассматривается тургеневский цикл «Стихотворений в прозе», заглавие которого неоднократно менялось при работе писателя над текстом. Долгие годы Тургенев трудился над своим последним произведением, вобравшем в себя основные мотивы его творчества, и искал наиболее подходящее заглавие, которое смогло бы передать авторские интенции, меняя его с «замогильного» Posthuma до жанроопределяющего «Стихотворения в прозе». Освещаются основные гипотезы о выборе того или иного заглавия Тургеневым, а также предложено собственное видение эволюции понятий «посмертное» – «старческое», которые оказываются тесно связанными в мировоззрении писателя. Последовательный анализ существующих заглавий издания, осуществленный в данном исследовании, обнаруживает логику тургеневских трансформаций, где страх смерти постепенно сменяется мыслями о будущей новой жизни за пределами земной жизни. Актуальность исследования продиктована отсутствием единого подхода к наименованию и трактовке последнего тургеневского цикла среди исследователей, в то время как заглавие, как полагали еще современники Тургенева, во многом предопределяет восприятие всего произведения. Научная новизна работы дополняется привлечением к анализу авторского французского перевода, который до настоящего времени фактически не рассматривался учеными, что позволяет расширить материал исследования и более четко проследить авторскую стратегию при выборе наименования цикла, которая была сохранена и при публикации цикла за рубежом.

Ключевые слова: «Стихотворения в прозе», Senilia, Posthuma, И.С. Тургенев, заглавие

© Бурмистрова Ю.Д., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 12 декабря 2020 г.; принята к публикации 9 января 2021 г.

Для цитирования: *Бурмистрова Ю.Д.* «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева: заглавие цикла как историко-литературная проблема // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 1. С. 7–15. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-7-15>

Poems in Prose by I.S. Turgenev: the Cycle's Title as a Historical Literary Issue

Yulia D. Burmistrova

*Moscow City Pedagogical University,
4 Vtoroy Selskohoziaystvenny Proezd, bldg 1, Moscow, 129226, Russian Federation*
✉ tweeeca@gmail.com

Abstract. The article deals with the I.S. Turgenev's last cycle *Poems in prose* which title has been changed several times throughout his work on it. The cycle put together the main aspects of writer's previous creative works which led to the continuous search for the most suitable title to fully express author's intentions: from the original *Posthuma* which is focused on the life after death experience to the last *Poems in prose* which additionally underlines the uniqueness of the form used for Turgenev's last creative work. The study reveals the main theories on the cycle's titles and the reasons behind their changes as well as suggests the own vision of the evolution of concepts "after death" and "senile" which are seemed to be bound in writer's world view. The sequential analysis of the existing cycle's titles undertaken in the current research finds the logic of Turgenev's title transformations where the fear of death is gradually replaced by the thoughts of future new life which will be continued beyond the Earth life. The significance of the research lies in the absence of the unified approach to the naming and understanding of the Turgenev's last cycle while the title of the book was considered to change the work's perception even by Turgenev's contemporaries. The scientific novelty of the work is added by using the author's French edition of *Poems in prose* which up until now hasn't been studied properly. It allows to expand the material of the research and look thoroughly into Turgenev's strategy of naming his final cycle which was preserved for the foreign publication as well.

Keywords: Poems in Prose, Senilia, Posthuma, I.S. Turgenev, title

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted December 12, 2020; revised December 29, 2020; accepted January 9, 2021.

For citation: Burmistrova, Yu.D. (2021). Poems in prose by I.S. Turgenev: The cycle's title as a historical literary issue. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(1), 7–15. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-7-15>

Введение

На протяжении пяти лет, начиная с августа 1877 года, И.С. Тургенев работает над реализацией на бумаге замысла своих «стихотворений без рифмы и размера», как они были определены писателем в его черновом автографе.

От первых черновых записей до наборной рукописи автор «Стихотворений в прозе» вновь и вновь обращается к структуре издания, меняя состав и расположение миниатюр, а также заглавие цикла.

В целом проблема соотношения заглавия и текста достаточно изучена. Значимость заглавия в определении текста подчеркивали еще современники писателя. В дальнейшем идеи классиков русской литературы получили свое теоретическое обоснование в исследовательских работах, среди которых необходимо отметить труды Л.С. Выготского, И.Р. Гальперина, Н.А. Кожевниковой, С. Кржижановского и др. Исследователи справедливо отмечают особую роль заглавий в объединении текстов, уточняя, что оно «намечает ту доминанту, которая определяет собой все построение рассказа» [1. С. 200]. Интересной также кажется трактовка термина И.Р. Гальперина, который предлагал рассматривать заглавие произведения как «имплицитную максимально сжатую содержательно-концептуальную информацию», стремящуюся к «развертыванию, распрямлению» и обладающую «силой ограничивать текст и наделять его завершенностью» [2. С. 134]. Думается, подобные характеристики вполне применимы и к последнему тургеневскому циклу, которому писатель так долго искал «подходящее» имя, меняя его с «замогильного» *Posthuma* до жанроопределяющего «Стихотворения в прозе».

Обсуждение

В черновиках писателя «отрывки» долгое время не имели заглавия. Фактически они приобрели его только в черновом автографе 1879 года, где Тургенев объединяет «стихотворения» группами с подзаголовком *Posthuma* (от лат. «Посмертные»). Сегодня в исследовательской литературе существуют различные трактовки первого заглавия цикла. Наиболее распространенной является точка зрения, поддерживаемая комментаторами последнего полного собрания сочинений Тургенева, согласно которой данное заглавие свидетельствует о нежелании писателя публиковать свои «стихотворения» при жизни. Такая точка зрения, в частности, подтверждается воспоминаниями редактора «Вестника Европы», где впервые были опубликованы «Стихотворения в прозе», М.М. Стасюлевича. Как вспоминал литератор, Тургенев первоначально передал ему свои рукописи с комментарием «на хранение до моей [Тургенева. – Ю.Б.] смерти» [3. С. 849]. Кроме того, обнаруженный белой автограф писателя, оформленный как отдельное издание «Стихотворений» и датированный 1880 годом, не имел заглавия, что также косвенно подтверждает идею исследователей: как только писатель задумался о публикации своего произведения, заглавие *Posthuma* стало для него неактуально.

В схожем ключе трактует первоначальное название цикла и другой современный исследователь – М.С. Рыбина, которая предлагает рассматривать тургеневский выбор заглавия как следование европейской традиции жанра [4]. Действительно, и «Гаспар из тьмы» А. Бертрана, который выступил родоначальником данного жанра во Франции, и «Парижский сплин» Ш. Бодлера, который фактически первым художественно осмыслил данную литературную модель, были опубликованы после смерти авторов. Влияние европейских предшественников жанра на тургеневский цикл переоценить

сложно, однако, в то же время нам представляется несправедливым утверждение, что выбор заглавия продиктован исключительно ориентацией писателя на европейскую традицию. На наш взгляд, определение Posthuma носило для писателя личный характер и было обусловлено авторскими размышлениями на пороге смерти о том, что ждет человека «в новом мире».

Более того, в контексте европейской традиции уместнее, думается, обратиться к «Замогильным запискам» Р. де Шатобриана, которые художественно близки тургеневскому циклу. Так, оба произведения планировались к печати после смерти авторов, содержали философские размышления на схожую тематику, а целью себе ставили определение места человека в потоке времени. Подобно «Стихотворениям в прозе» во французском произведении повествование то расширяется до всечеловеческих масштабов, то сужается до судьбы одного человека. Общим оказывается и особое ощущение «замогильности» у Тургенева и Шатобриана. В своих произведениях писатели предстают стариками, которые с высоты прожитой жизни размышляют о бренности человеческого бытия на фоне вечной природы¹.

В то же время некоторые исследователи предлагают рассматривать заглавие Posthuma не столько как формальное (собственно, нежелание публиковать миниатюры при жизни), сколько как сакральное для Тургенева. Так, Е.Ю. Геймбух, размышляя о первоначальном заглавии цикла, отмечает, что «посмертное» у писателя преобразуется в «жизнь после смерти» и служит своего рода новым отсчетом времени [5]. Разделяет точку зрения исследовательницы в данном вопросе и И.А. Беляева [6]. По мнению ученого, заглавие Posthuma фиксирует попытку Тургенева заглянуть за пределы жизни, узнать, что ждет человека в дальнейшем. При этом смерть служит высшим этапом (которым, однако, жизнь не заканчивается), позволяющим более ясно взглянуть на некоторые до сих пор непонятные вещи.

Действительно, в целом в последние годы у Тургенева наблюдается тяготение к так называемому таинственному, мистическим темам. Как художник-философ автор «Стихотворений в прозе» не мог смириться с приближающейся неизвестностью конца, а потому в своем позднем творчестве он много размышляет о том, есть ли жизнь после смерти и, если да, то что ждет человека по ту сторону. Эти темы получают дальнейшее развитие и в цикле «Стихотворений в прозе». Так, в миниатюре «Конец света» герой, сталкиваясь с разрушением мира и погибая, восклицает: «Темнота... темнота вечная!» [7. С. 135], таким образом, сомневаясь в существовании загробного мира. Кроме того, усиливается интерес к «посмертному» у Тургенева и из-за плохого здоровья, которое свидетельствует о приближающейся смерти писателя.

Таким образом, первоначальное заглавие цикла Posthuma, на наш взгляд, имеет для Тургенева два значения. С одной стороны, оно выбрано исходя из первоначального нежелания издавать миниатюры при жизни. Об этом свидетельствуют, кроме прочего, письма к друзьям и коллегам, где писатель

¹ Подробнее о состоянии «замогильности» у Р. де Шатобриана см.: Мильчина В.А. Эпопея человеческого сознания // Шатобриан Ф.Р. Замогильные записки. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995.

часто обращается к ним как слишком личным для печати². Данное утверждение даже позволило современным исследователям говорить об особом характере жанра «стихотворений в прозе», как бы «не рассчитанного на читателя» [5. С. 77], что, как нам представляется, не совсем справедливо, поскольку даже с заглавием *Posthuma* цикл планировался к печати. Для Тургенева был очень важен диалог с читателем, даже если и состоятся он мог только после смерти автора. Кроме того, в июне 1881 года, задолго до начала переговоров о возможной публикации «Стихотворений в прозе», состоялось публичное чтение некоторых из тургеневских миниатюр, что еще раз подчеркивает, что цикл предназначался к изданию.

С другой стороны, заглавие *Posthuma* также определяет размышления писателя о смерти и жизни после смерти, получивших особую актуальность в последние годы его жизни, когда смерть фактически стояла у порога писателя. Именно это отсутствие строгих рамок между двумя состояниями – на грани жизни и смерти – и предопределило выбор данного заглавия для тургеневского цикла на данном этапе работы над текстом.

В последующем заглавие, однако, было изменено. В наборной рукописи, которую Тургенев отправил М.М. Стасюлевичу – редактору «Вестника Европы», где цикл и был опубликован в декабре 1882 года, – сочинение было озаглавлено *Senilia* (от лат. «старческое») с пометой далее «40 стихотворений в прозе» (впоследствии число 40 было изменено на 50 рукой Стасюлевича). Как и в случае с первоначальным заглавием цикла, исследователи по-разному трактуют и даже переводят данное название.

Так, вслед за вступительной статьей М.М. Стасюлевича, открывающей русское издание, Н.Н. Невзоров – один из первых исследователей «Стихотворений в прозе» – предлагает трактовать заглавие *Senilia* как «стариковское», отмечая, что несмотря на пессимистические настроения, в целом свойственные циклу, в произведении нет «старческого упадка сил» [8. С. 5]. В пространстве цикла исследователь выделяет ряд оптимистических «стихотворений», наполненных жизненной силой и верой писателя в будущее, что и приводит к смене настроения цикла на более жизнеутверждающее. На наш взгляд, нельзя в полной мере согласиться с Н.Н. Невзоровым в данном вопросе, так как для Тургенева понятие «старческое» не несет в себе исключительно пессимистические настроения. Старость – это не только пора угасания, это также время, когда человек находит ответы на самые главные вопросы жизни. Необходимо отметить, что сам писатель крайне ценил эту особую «старческую ясность» в людях и часто наделял этим качеством героев своих произведений, при чем независимо от их физического возраста. Например, Федору Лаврецкому из романа «Дворянское гнездо» было всего 35 лет, в то время как автор характеризует его как «немолодого человека» [9. С. 96].

Исследователи отмечают, что фактически заглавие *Senilia* служит тематической скрепой всего цикла. Так, С.Е. Шаталов утверждает, что «в сущности тематический круг цикла складывается из немногих тем: жизнь и

² См., например, письмо к М.Г. Савину от 17 (29) сентября 1882 года или к М.М. Стасюлевичу от 5 (17) ноября 1882 года.

смерть в их различных проявлениях, в различном освещении писателя, в различном восприятии лирического героя» [10. С. 150–151]. При этом исследователь отрицает противопоставление жизни и смерти у писателя, полагая, что смерть есть лишь неотъемлемая часть жизни. Таким образом, по мнению ученого, отсутствует и антонимичность заглавий *Posthuma* и *Senilia*, между ними существует взаимосвязь, взаимообусловленность: «Для Тургенева смерть – закон жизни и одно из ее проявлений» [10. С. 151].

Схожей точки зрения придерживается и Е.Ю. Геймбух, отмечая, что «определения „старческое“ и „посмертное“ потеряли антонимичность, слившись в едином „посмертное“, которое с течением времени приобрело дополнительные оттенки значения и читается как „бессмертное“» [5. С. 76–77]. Под «бессмертным» исследователь здесь понимает особое соединение личного и всеобщего в цикле, когда личные, интимные переживания одного человека оказываются естественными и понятными для различных читателей. Именно единство личного и обобщенного является одной из основных характеристик жанра «стихотворений в прозе», что убедительно доказывается в работах последних лет. Это единство прослеживается в окончательном заглавии цикла, латинское написание которого выводит его к новому, более высокому уровню обобщения, но в тоже время сохраняет личные ассоциации писателя. Благодаря этому заглавию цикл воспринимается как «завершение жизненного и творческого пути, отражение того, что определяло и составляло всю жизнь человека» [5. С. 70]. Действительно, в цикле Тургенев фактически вновь обращается к главным мотивам своего творчества, выбирая форму, схожую со своими первыми юношескими литературными опытами.

О «старческом» как особом состоянии человека у писателя много размышляла и И.А. Беляева в своей монографии. По мнению исследователя, у Тургенева старость дарует человеку «наивысшее просветление, откровение, хотя чреватое смертью, сопряженное с ней» [6. С. 230]. Именно в этом откровении, которое оказывается доступно человеку в поздние годы жизни благодаря особой «ясности», лежит внутренняя связь первоначального и окончательного заглавий цикла.

Между заглавиями *Posthuma* и *Senilia*, как мы полагаем, действительно обнаруживается глубокая внутренняя связь, обусловленная синонимичностью названий для самого писателя. Поэтому было бы несправедливым говорить о смене заглавия исключительно по причине того, что тексты все-таки были опубликованы при жизни писателя. На наш взгляд, мотив «старческого» просто оказался ближе мироощущению писателя во многом потому, что хотя смерть и служит решением всевозможных жизненных вопросов, она все же являет собой заключительную стадию жизни. В то время как старость как свидетельствует о приближающейся смерти, так и фокусируется на будущем, новой жизни. И этот мотив будущности для писателя был крайне важен: да, его жизнь заканчивается, но мир продолжает существовать.

Думается, заглавие *Senilia* было наиболее органично поэтике Тургенева, однако при публикации цикла оно было снято, хотя и присутствовало имплицитно в сочинении в редакторском обращении М.М. Стасюлевича. Вместо него издание было озаглавлено «Стихотворения в прозе». Ученые

долгое время были уверены, что данное заглавие было предложено Тургеневу в «Вестнике Европы» и не является собственно авторским [11]. На это исследователей натолкнуло обращение М.М. Стасюлевича, которым открывалось русское издание, где редактор отмечает, что «листки не имеют общего заглавия; автор на обертке назвал их: „Senilia“ – стариковские; – но мы предпочли невзначай оброненные автором слова в вышеприведенном заключении его письма к нам: „Стихотворения в прозе“, – и печатаем листки под этим именно, общим заглавием. Оно, по нашему мнению, вполне выражает как источник, из которого могли явиться подобные заметки в душе писателя, <...> так и то впечатление, которое они могут произвести на читателя...» [12. С. 474]. Однако в современных научных работах убедительно доказывается, что заглавие «Стихотворения в прозе» возникает в письмах писателя самостоятельно, а не под влиянием М.М. Стасюлевича, что доказывает, что цикл был озаглавлен самим Тургеневым [7]. Более того, наборная рукопись, отправленная в издательство писателем, вслед за авторским заглавием – *Senilia* – содержала и последнее наименование цикла – «Стихотворения в прозе».

Для своих иностранных переводов Тургенев сохраняет оба заглавия. Так, на немецком цикл был озаглавлен *Senilia*, а французский перевод издавался под заглавием «Маленькие стихотворения в прозе» (по аналогии с Ш. Бодлером). Кроме того, во французском авторизованном переводе сохранилось и заглавие *Senilia*, помещенное в обращении редактора журнала *Revue politique et littéraire* Э. Юнга (как и в русском издании), что позволяло читателям самим выбрать наиболее подходящее заглавие, а также формировало определенный «горизонт ожидания» у публики.

Заключение

Таким образом, несмотря на то что в окончательном издании цикл носил заглавие «Стихотворения в прозе», было бы несправедливо утверждать, что писатель отказался от *Senilia* в его пользу. На наш взгляд, «старческие» размышления являются основным мотивом цикла, его доминантой, во многом предопределяют его восприятие у читателей и являются мощной скрепой всего цикла. В то же время для писателя было, вероятно, важно обозначить тот жанр, в котором он мыслил свои «отрывки», подчеркнуть их особую лирическую проникновенность. Кроме того, данное заглавие отвечало традициям жанра, сложившимся во французской литературе, с которым Тургенев не мог быть не знаком. Иными словами, каждое из заглавий несло свою функцию для писателя, и именно их синтез помог создать особое авторское настроение в цикле. Важно отметить и тот факт, что Тургенев крайне настаивал на своих заглавиях цикла, отказываясь от «зигзагов», предложенных Стасюлевичем, а также на сохранении заглавий миниатюр, входящих в издание. Очевидно, что писатель уделял много значения этому вопросу, что еще раз подчеркивает неслучайность финального заглавия цикла, а также глубокую внутреннюю преемственность определенных *Posthuma* и *Senilia*.

Список литературы

- [1] *Выготский Л.С.* Психология искусства / общ. ред. В.В. Иванова; коммент. Л.С. Выготского, В.В. Иванова; вступит. ст. А.Н. Леонтьева. 3-е изд. М.: Искусство, 1986.
- [2] *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. 4-е изд., стер. М.: КомКнига, 2006.
- [3] *Стасюлевич М.М.* Из воспоминаний о последних днях И.С. Тургенева // Вестник Европы. 1883. № 10. С. 847–854.
- [4] *Рыбина М.С.* «Senilia. Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева и «Гаспар из тьмы» А. Бертрана: поэтика жанра: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
- [5] *Геймбух Е.Ю.* Лирическая прозаическая миниатюра в системе родов и жанров (лингвостилистический аспект). М.: МГПУ, 2004.
- [6] *Беляева И.А.* Система жанров в творчестве И.С. Тургенева. М.: МГПУ, 2005.
- [7] *Алексеев М.П.* «Стихотворения в прозе». Примечания // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.: сочинения: в 12 т. Т. 10. М.: Наука, 1982. С. 442–475.
- [8] *Невzorov Н.К.* И.С. Тургенев и его последние произведения «Стихотворения в прозе» и «Клара Милич». Казань: Университетская типография, 1883.
- [9] *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.: сочинения: в 12 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 96.
- [10] *Шаталов С.Е.* Проблемы поэтики И.С. Тургенева. М.: Просвещение, 1969.
- [11] *Клеман М.К.* Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева. М. – Ленинград: Academia, 1934.
- [12] *Стасюлевич М.М.* От редакции // Вестник Европы. 1882. Т. IV. С. 473–474.

References

- [1] Vygotskij, L.S. (1986). *Psichologiya iskusstva* [Art psychology]. 3rd ed. Moscow, Iskusstvo Publ. (In Russ.)
- [2] Galperin, I.R. (2006). *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. 4th ed., stereotyped. Moscow, KomKniga Publ. (In Russ.)
- [3] Stasyulevich, M.M. (1883). Iz vospominanij o poslednih dnyah I.S. Turgeneva [From memories of the last days of I.S. Turgenev]. *Vestnik Evropy*, (10), 847–854. (In Russ.)
- [4] Rybina, M.S. (2011). “Senilia. Stihotvoreniya v proze” I.S. Turgeneva i “Gaspar iz t'my” A. Bertrana: Poetika zhanra [“Senilia. Poems in prose” by I.S. Turgenev and “Gaspar de la Nuit” by A. Bertran: Poetics of genre] (Dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Moscow. (In Russ.)
- [5] Gejmbuh, E.Yu. (2004). *Liricheskaya prozaicheskaya miniatyura v sisteme rodov i zhanrov (lingvostilisticheskij aspekt)* [Lyric prosaic miniature in the system of genres (lingo-stylistic aspect)]. Moscow, MGPU Publ. (In Russ.)
- [6] Belyaeva, I.A. (2005). *Sistema zhanrov v tvorchestve I.S. Turgeneva* [The system of genres in the works of I.S. Turgenev]. Moscow, MGPU Publ. (In Russ.)
- [7] Alekseev, M.P. (1982). “Stihotvoreniya v proze”. Primechaniya [“Poems in prose”. Comments]. In I.S. Turgenev, *Polnoe Sobranie Sochinenii i Pisem* [Complete Works and Letters] (vol. 10, pp. 442–475). Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
- [8] Nevzorov, N.K. (1883). *I.S. Turgenev i ego poslednie proizvedeniya “Stihotvoreniya v proze” i “Klara Milich”* [I.S. Turgenev and his last works “Poems in prose” and “Klara Milich”]. Kazan, Universitetskaya tipografiya Publ. (In Russ.)
- [9] Turgenev, I.S. (1981). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters] (vol. 6, p. 96). Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
- [10] Shatalov, S.E. (1969). *Problemy poetiki I.S. Turgeneva* [Problems of the poetics of I.S. Turgenev]. Moscow, Prosveshchenie Publ. (In Russ.)

- [11] Kleman, M.K. (1934). *Letopis' zhizni i tvorchestva I.S. Turgeneva* [*Chronicle of life and creative works of I.S. Turgenev*]. Moscow, Leningrad, Academia Publ. (In Russ.)
- [12] Stasyulevich, M.M. (1882). Ot redakcii [Redactor's note]. *Vestnik Evropy*, IV, 473–474. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Бурмистрова Юлия Дмитриевна, кандидат филологических наук, ассистент Института филологии Московского городского педагогического университета. E-mail: tweeca@gmail.com.

Bio note:

Yulia D. Burmistrova, Candidate of Philology, Assistant of the Institute of Philology of the Moscow City Pedagogical University. E-mail: tweeca@gmail.com.

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-16-32

УДК 82.091

Научная статья / Research article

Прототип Вадима Рощина в «белой» версии трилогии «Хождение по мукам» А.Н. Толстого

Б.В. Соколов

*Ассоциации исследователей российского общества,
Российская Федерация, 107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, корп. 7*

✉ bvsokolov@yandex.ru

Аннотация. Реконструируется замысел «белой» версии второго тома трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам», создававшегося писателем в эмиграции в 1921–1923 гг. Этот замысел принципиально отличался от того, который был воплощен А.Н. Толстым после возвращения в СССР. Для реконструкции используются материалы, опубликованные в 1918 г. в ростовском журнале «Донская волна». С их помощью удастся выявить возможного прототипа одного из главных героев, Вадима Рощина, в ключительных главах первого тома трилогии и в первых главах второго тома «белой» версии. С учетом этого прототипа, полковника В.К. Манакина, удастся воссоздать возможный замысел второго тома «белой» версии «Хождения по мукам». Для реконструкции используются также записные книжки А.Н. Толстого. Реконструкция замысла А.Н. Толстого получилась более логически непротиворечивой по сравнению с единственной существующей советской версией второго и третьего томов трилогии «Хождение по мукам». Как Рощин, так и Телегин, в эмигрантской версии первого тома трилогии, выступающие как идеологи белого дела, оказываются в рядах белых армий Юга России, а потом в эмиграции. Показано, что переход главных героев к красным в советской версии «Хождения по мукам» является художественно неубедительным, так как не соответствует первоначальному замыслу А.Н. Толстого, воплощенного в эмигрантской версии «Сестер».

Ключевые слова: А.Н. Толстой, В.К. Манакин, реконструкция, прототип, литературный источник, цензура, революция, гражданская война

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 1 декабря 2020 г.; принята к публикации 12 декабря 2020 г.

Для цитирования: Соколов Б.В. Прототип Вадима Рощина в «белой» версии трилогии «Хождение по мукам» А.Н. Толстого // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 1. С. 16–32. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-16-32>

© Соколов Б.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

A Prototype of Vadim Roshchin in the “White” Version of Alexey N. Tolstoy’s Trilogy *The Road to Calvary*

Boris V. Sokolov

Association of Researchers of the Russian Society,
11 Chusovskaya St, bldg 7, Moscow, 107207, Russian Federation

✉ bvsokolov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of the idea of the “white” version of the second volume of A.N. Tolstoy's trilogy *The Road to Calvary*, created by the writer in the emigration in 1921–1923. This idea was fundamentally different from the one embodied by A.N. Tolstoy after his return to the USSR. Materials published in 1918 in the Rostov magazine *Donskaya Volna (Don Wave)* are used for the reconstruction. Those materials help to identify Colonel V.K. Manakin as a supposed prototype of one of the main characters, Vadim Roshchin, in the final chapters of the first volume of the trilogy and in the first chapters of the second volume of the “white” version. The prototype makes it feasible to reconstruct the possible idea of the second volume of the “white” version of *The Road to Calvary*. A.N. Tolstoy's notebooks are also used for the reconstruction. The reconstruction of A.N. Tolstoy's plan turned out to be more logically consistent compared to the only existing Soviet version of the second and third volumes of the trilogy *The Road to Calvary*. Both Roshchin and Telegin, in the emigrant version of the first volume of the trilogy act as ideologists of the White Movement, find themselves in the White Armies of Southern Russia, and then in exile. The study shows that the transition of the main characters to the Red Movement in the Soviet version of *The Road to Calvary* is artistically unconvincing, since it does not correspond to the original plan of A.N. Tolstoy, embodied in the emigrant version of *Sisters*.

Keywords: A.N. Tolstoy, V.K. Manakin, reconstruction, prototype, literary source, censorship, revolution, civil war

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted December 1, 2020; revised December 6, 2020; accepted December 12, 2020.

For citation: Sokolov, B.V. (2021). A prototype of Vadim Roshchin in the “white” version of Alexey N. Tolstoy's trilogy *The Road to Calvary*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(1), 16–32. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-16-32>

Целью работы является реконструкция замысла второго тома трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам» в его «белой» версии, создававшейся в 1921–1923 гг., в период пребывания писателя в эмиграции. Для реконструкции используются некоторые литературные источники о революции и гражданской войне, опубликованные в 1918 г. в ростовском журнале «Донская волна» и предположительно известные Толстому, а также материалы записных книжек писателя.

В предисловии к первому отдельному изданию первой части «Хождения по мукам» (будущим «Сестрам»), вышедшем в Берлине в 1922 г., Алексей Толстой писал: «Вторая часть трилогии, еще не оконченная, происходит

между 17 и 22 годами (в черновой рукописи предисловия было: «Роман кончается тремя днями февральского переворота. Это – первая часть трилогии. Вторая часть – революция, годы 1917–1921, – еще не закончена». – Б.С.), в то время, когда Россия переживала не радостную радость свободы, гнилотный яд войны, бродивший в крови народа, анархию и бред, быть может гениальный, о завоевании мира, о новой жизни на земле, междоусобную войну, разорение, нищету, голод, почти уже не человеческие деяния, и новый государственный строй, сдавивший, так что кровь брызжет между пальцами, тело России, бьющейся в анархии». В третьей части, как можно понять, Толстой собирался дать жизнь героев в эмиграции [1. С. 2–3; 2, С. 400].

Первоначально трилогия «Хождение по мукам» задумывалась как эпическое произведение о трагедии белого движения на Юге России. Замысел эпопеи, призванной показать переход интеллигенции на сторону Советской власти, родился уже после возвращения Толстого в СССР. Хотя писатель пытался искренне полюбить новый замысел, внутренне он оставался ему чуждым. Толстой перешел на сторону Советской власти из чисто прагматических соображений. Это предопределило художественную неудачу советской версии второй и третьей частей трилогии. Пришлось срочно перелицовывать героев, и в новых ролях они порой выглядели нелепо. Вероятно, этих недостатков во многом была лишена «белая» версия.

Хотя сам писатель был родом из Поволжья и хорошо знал здешние места, он показал главным образом гражданскую войну на Юге России, которую в течение некоторого времени наблюдал непосредственно, находясь в тылу белых армий. И в эмиграции Толстой встречался главным образом с теми, кто принимал участие в белом движении на Юге России, которому также было посвящено подавляющее большинство изданных в начале 1920-х годов белых мемуаров.

В июне 1921 года берлинский журнал «Русская книга» сообщал: «Граф А.Н. Толстой работает над новым романом, который составит вторую часть задуманной им трилогии и явится продолжением его романа „Хождение по мукам“. В нем будет изображена эпоха революции» [3. С. 25–26. Цит. по: 4. С. 351]. Неизвестно, был ли этот том завершен. В письме от 4 мая 1927 года редактору «Новый мир» В.П. Полонскому Толстой говорил, что собирается писать в трилогии о крестьянских бунтах и Кронштадте [5. Т. 10. С. 108]. Не исключено, что работу над «белой» версией Толстой продолжал вплоть до отъезда в СССР в 1923 году, уже без всякого расчета на публикацию, а просто для того, чтобы выговориться перед самим собой в соответствии со своими подлинными взглядами на революцию и гражданскую войну. Если вторая часть «белой» версии все же была завершена, она могла быть лучшим романом Толстого, который, кроме самого писателя, никому не суждено было прочитать. Завершать же трилогию, начатую в Париже в 1919 году, пришлось много лет спустя и совсем в других условиях.

Школьники, изучавшие в советское время «Хождение по мукам» в школе, не представляли, что существовало совсем другое «Хождение по мукам», где путь главных героев лежал к белым, а потом в эмиграцию. Эмигрантская версия первой части трилогии в советское время не переиздавалась.

А про написанную в эмиграции, но так и не опубликованную часть трилогии, явно трактовавшую революцию и гражданскую войну с «белых» позиций, вообще мало кто знал даже из литературоведов, не занимавшихся непосредственно творчеством Толстого. Вариант трилогии, создававшийся в эмиграции и доведенный в лучшем случае до конца второй части, мы условно называем «белой» версией.

Вероятно, в отличие от первой, преимущественно «мужской» была вторая часть «белой» версии, где речь шла о гражданской войне. Но в советском варианте второй и третьей частей главные женские образы художественно убедительнее мужских, те эпизоды, где Роцин и Телегин выступают в роли красных, порой просто неловко читать.

Обращение к белогвардейским источникам трилогии позволяет установить одного очень важного прототипа Роцина в последних главах «белой» версии первой части «Хождения по мукам» и, по всей вероятности, в первых главах второй части. Вот портрет Роцина: «...Катя, приотворила дверь и увидела сидящего на диване большого человека в военной рубашке, бритая голова его была перевязана черным. Он торопливо встал. У Кати начали дрожать колени, похолодело, стало пусто под сердцем. Человек глядел на нее светлыми, расширенными, страшными глазами. Прямой рот его был сжат, на скулах надуты желваки. Это был Роцин, Вадим Петрович» [6. С. 168]. Это описание очень похоже на портрет полковника Виктора Константиновича Манакина (1887–1964) работы художника Леонида Кудина, помещенный на обложку ростовского еженедельника «Донская волна» № 17 за 1918 год с подписью: «Полк. В.К. Манакин, организатор ударных батальонов» [7. С. 1]. Мы предполагаем, что Манакин был прототипом Роцина в эмигрантской версии будущих «Сестер».

Вероятно, это случайность, но Манакин на этом портрете достаточно сильно похож на актера Михаила Ножкина, игравшего роль Роцина во второй советской экранизации «Хождения по мукам» – телесериале 1977 года режиссера Василия Ордынского. По мнению большинства критиков, Ножкин стал лучшим Роциным советского и российского кино, выиграв заочное соревнование даже у такого признанного мэтра как Николай Гриценко, который исполнял роль Роцина в первой советской экранизации трилогии, осуществленной в 1957 году режиссером Григорием Рошалем.

В реальной жизни рост Роцина в чинах от прапорщика, каковым он предстает в «белой» версии «Сестер» летом 1916 года, до подполковника уже в 1917 году (во втором томе советской версии «Хождения по мукам» Роцин фигурирует как подполковник) был невозможен, и Толстой это понял. Поэтому в советской версии первого тома он повысил Роцина до капитана в 1916 году и из офицера военного времени превратил в кадрового офицера. Можно не сомневаться, что если бы Толстому пришлось издавать второй том трилогии в эмиграции, то он бы внес примерно такие же изменения и в первый том.

Манакин же, бывший гвардейский артиллерийский офицер, до начала Первой мировой войны успел с отличием окончить Военную академию и был причислен к Генеральному штабу, а за подвиги в годы Первой мировой

войны был удостоен многих орденов и Георгиевского оружия и 1917 год встретил подполковником, как и Рошин.

После Февральской революции Манакин стал одним из инициаторов создания в русской армии добровольческих ударных формирований. Другой сторонник создания ударных частей в 1917 году – подполковник, командир стрелкового батальона 12-й кавалерийской дивизии, ставший в белой армии генерал-майором и командиром Туземной горской дивизии, а в эмиграции – известным писателем под псевдонимом «Николай Белогорский», Николай Всеволодович Шинкаренко (1889–1960), племянник генерала А.А. Брусилова, вспоминал в очерке, посвященном Манакину, что в мае 1917 года на съезде Юго-Западного фронта в Каменце-Подольском тот одним из первых высказал предложение о создании ударных батальонов. Николай Всеволодович отзывался о Манакине исключительно комплементарно: «Были люди, вспомнившие о Карно и о четырнадцати армиях конвента. И они замыслили пойти путем Карно, обратиться к призыву волонтеров... 16 мая молодой подполковник Генерального штаба, делая съезду доклад о положении на театре мировой войны, внес предложение об организации новых войск из волонтеров, об организации ударных батальонов, которые должны были послужить ядром новой армии. Подполковника, не забывшего в угаре русской революции о том, как была подготовлена победа армий конвента, звали: Виктор Манакин. По его мысли, одни ударные батальоны должны были быть сформированы из готовых уже солдат, из добровольцев фронта. Старая умирающая армия должна была отдать рождающейся новой свои жизнеспособные элементы. Но должны были быть созданы и батальоны другого рода, батальоны, составленные исключительно из необязанных военной службой волонтеров, набранных в тылу...

Кто шел в батальоны? Главным образом, такая же молодежь допризывного возраста, как та, что позже обороняла Дон, шли воспламененные Федором Баткиным черноморские матросы, шли в небольшом числе правые эсеры. Дело шло и шло довольно успешно, но размах его не стал и не мог стать грандиозным. Новая армия не родилась.

Революционная Франция дала конвенту четырнадцать армий, революционная Россия подарила юго-западному фронту четырнадцать батальонов» [8. С. 3].

Шинкаренко вспоминал, что 30 августа 1917 года Манакин был ранен на позиции у Языжиска, но продолжал командовать 1-м Революционным полком. Точно так же Рошин приезжает в 1917 году к Кате в Москву после ранения, о чем свидетельствует черная повязка на голове.

В том же номере «Донской волны» сразу вслед за очерком Шинкаренко был помещен небольшой очерк «Октябрьский переворот и ударники», подписанный инициалами Г.Ф. Там рассказывалось об участии в боях в Москве Брянского и Московского ударных батальонов, составленных из волонтеров тыла, причем упоминался и «сектор между Никитским бульваром и Молчановкой (то есть рядом с квартирой Толстых. Неслучайно Алексей Николаевич в дневниковой записи, относящейся к тем дням, упоминает ударников. – Б.С.). Условия обороны были нечеловечески трудны. В течение

недели никто не спал. Посты сменялись через 12 часов. Вылазки делались непрерывно. Всякий раз лазутчики приводили с собой пленных, впятеро и более превосходивших их числом. В штабе Московских ударников в художественном электрическом театре на Арбатской площади сидело 300 пленных, тогда как весь отряд охраны сектора насчитывал 35 человек. На колокольне церкви св. Бориса и Глеба находился пулемет, беспокоивший отряд. Один охотник-ударник ворвался на колокольню, переколот 3 красных и, сняв пулемет, доставил его своим. Все соревновались друг с другом в подобном удалстве. Вместе с тем до последней минуты сохраняли образцовый порядок. Большевиков вид красно-черной ленты приводил в ярость. Ни один ударник в плен не сдался» [9. С. 6].

Сам Манакин тоже опубликовал в «Донской волне» два очерка об ударниках. 28 октября 1918 года появился очерк «Ударные батальоны 1917 года (наброски и воспоминания)». Манакин вспоминал: «На какой бы ступени развития не находилась та или иная народность, в душе каждого народа неизбежно живет национальная идея.

Выражаясь в первой, низшей своей стадии идеей защиты своего очага, национальная идея эволюционирует и прогрессирует в соответствии с расширением умственного горизонта массы.

Задача живых сил страны, ее интеллигенции, пробуждать и культивировать в душах своего народа этот священный огонь в самой первобытной его форме, так как только таким путем возможно объединение масс и создание государства.

Много ли осталось в России людей, верящих в ее национальное возрождение?

А если не верить? Что делать?» [10. С. 11].

25 ноября 1918 года Манакин опубликовал в «Донской волне» свой второй и последний очерк «Последняя русская Ставка». Там рассказывалось, как Ударный революционный полк охранял Ставку, как Манакин безуспешно пытался убедить Н.Н. Духонина перенести Ставку в Киев, обещая своим полком сдерживать отряды большевиков у Могилева, пока эвакуация не будет завершена. Манакин также подробно описал, как он после захвата Могилева красногвардейцами с боями пробивался на юг со своим полком и другими присоединившимися к нему ударными батальонами [11. С. 11–13].

В статьях Шинкаренко и Манакина содержалось достаточно информации о формировании ударных батальонов, о их попытке оборонять Ставку и последующем походе на Дон. Думаем, что в «белой» версии Толстой в начале второй части «Хождения по мукам» уделено много внимания ударническому движению и роли в нем Рощина, а также описано пребывание ударников в Ставке и их последующему походу на Дон. Скорее всего, Рощин, как и Манакин, узнавал о печальной судьбе Духонина.

Кстати сказать, из статей Шинкаренко и Манакина однозначно следовало, что наиболее боеспособными в начинавшейся гражданской войне оказались именно те ударники, которые являлись волонтерами тыла, тогда как ударники из кадровых солдат от участия в гражданской войне старались уклониться. Тут уже сказывались определенные социально-классовые раз-

личия. Волонтеры тыла происходили из относительно состоятельных кругов общества, прежде всего, из интеллигенции, тогда ударники из кадровых военных происходили из крестьян. Из кадровых ударников с Манакиным оставались главным образом унтер-офицеры, значительная часть которых была вольноопределяющимися, то есть в социальном отношении была близка волонтерам тыла. Волонтеры тыла были гораздо более мотивированы на борьбу в начинавшейся гражданской войне, чем солдаты-ударники из числа фронтовиков.

В эмигрантской версии первой части трилогии Рошин везет в Ставку план, который призван спасти Россию от большевиков: «— Я везу план военному министру, но не надеюсь, чтобы его одобрили, — сказал Рошин, — план такой: объявить полную демобилизацию в быстрые сроки, то есть организовать бегство и тем спасти железные дороги, артиллерию, огневые и продовольственные запасы. Твердо заявить нашим союзникам, что мы войны не прекращаем.

В то же время выставить в бассейн Волги заграждение из верных частей, таковые найдутся; в Заволжье начать формирование совершенно новой армии, ядро которой должно быть из добровольческих частей; поддерживать и формировать одновременно партизанские отряды... Опираясь на Уральские заводы, на сибирский уголь и хлеб, начать войну заново... Другого выхода нет... Надо понять, какое теперь время... В русском народе не действуют больше ни разум, ни воля, действуют из самых темных тайников поднятые инстинкты земляного человека. Инстинкт один — вспахать и засеять... И пашней будет все русское государство... пройдут плугом по всей земле наподлицо... Так пускай уже они скорее это делают...» [6. С. 250]. Этот эпизод сохранился и в советской версии, но в измененном виде. Там автором плана выступает не сам Рошин, а «несколько господ генералов» [5. Т. 5. С. 302].

Тот проект, который по свидетельству Шинкаренко и Манакина рассматривали в последние дни существования русской Ставки Духонин, Дитерихс, Вырубов и Врангель, во многом совпадает с планом, который еще в мае — июне 1917 года предлагал Манакин. В романе же его осенью 17-го везет в Ставку Рошин.

Фактически здесь Рошин выступает как один из идеологов будущей белой Добровольческой армии. Телегин и Рошин много рассуждали о судьбах России. Очевидно, предполагалось, что и в последующих частях они тоже будут резонерами, выражающими авторские мысли о современности и будущем. Но вторая и третья части «Хождения по мукам» были написаны и опубликованы уже в СССР. А там крамольными считались бы любые рассуждения положительных героев, которые не вели бы к выводу о закономерности и благодетельности победы большевиков. Сам Толстой очень хорошо понимал цензурные границы, равно как и то, что его творческая свобода в Советском Союзе ограничена несравнимо больше, чем в эмиграции. Друживший с Толстым критик и драматург О.С. Литовский свидетельствовал: «Я спросил Алексея Николаевича: „Будете писать третью часть “Грозного” или пьесе так и суждено остаться диалогией?“

Толстой усмехнулся, посмотрел на меня, как на человека, предлагающего ему какое-то безумное предприятие. Покачал головой и сказал:

– Гм... Третья часть... Для того чтобы писать третью часть, надо мне уехать из России» [12. С. 98].

В третьей части пьесы об Иване Грозном должна была быть показана опричнина. Учитывая трепетное отношение Сталина к создателю опричнины, Толстой понимал, что откровенно об этом можно было бы писать, только находясь в эмиграции.

Хорошо известный Толстому В.В. Вырубов имел отношение к проекту «народной армии», который очень напоминает проект устройства новой армии, который везет в Ставку Рощин. По воспоминаниям подполковника Виктора Константиновича Манакина (в Донской армии атамана Краснова он стал полковником), одного из организаторов ударных батальонов, «в Ставке, ко времени моего приезда (в начале ноября 1917 года в Ставку по приказу Духонина прибыл 1-й ударный революционный полк, которым командовал Манакин. – Б.С.), был еще генерал Врангель... он к этому времени... с благословения Дитерихса, Вырубова (помощника начальника штаба по гражданской части. – Б.С.) и Духонина работал над проектом организации Русской Народной армии, во главе которой должен был стать Вырубов и которую предполагалось создать из ударных частей» [11. С. 11].

В середине декабря (ст. ст.) 1916 года Толстой выехал в Минск, где размещался комитет Западного фронта при Всероссийском земском союзе городов. По свидетельству Натальи Васильевны Крандиевской, Алексея Николаевича вызвал туда Василий Васильевич Вырубов (1879–1963), заведующий земскими делами при Ставке Главнокомандующего Западным фронтом, после Февральской революции ставший товарищем министра внутренних дел Временного правительства, и помощник по гражданским делам при начальнике Штаба Верховного главнокомандующего в Ставке после ареста Л.Г. Корнилова. Василий Васильевич был племянником первого главы Временного правительства князя Г.Е. Львова, являвшегося также председателем Всероссийского земского союза помощи больным и раненым военным и главой Земгора (главного по снабжению армии комитета Всероссийских земского и городского союзов). В 1919 году Вырубов был генеральным секретарем русской делегации на Парижской мирной конференции. В эмиграции он был успешным банкиром и масоном, помогал деятелям русской культуры.

15 января (ст. ст.) 1917 года Толстой успел опубликовать в «Русских ведомостях» панегирическую по отношению к В.В. Вырубому статью «Земской союз. Из дневника на 1917» [13. С. 2].

Как отмечает автор единственной биографии В.К. Манакина саратовский историк А.В. Посадский, «в своей публицистике Манакин не боится ставить знак равенства между офицером и интеллигентом. Для многих это были антагонистические понятия и до, и после 1917-го года! И навсегда для Манакина образцом гражданственности и патриотической сознательности остались волонтеры 1917 года. В известных нам произведениях проводится идея единства политически ориентированного офицера и интеллигента, по-

нимаемого как образованный гражданин своей страны, мотив продуктивной социальной активности» [14. С. 380]. Эти мысли были очень близки Толстому как в период гражданской войны и эмиграции, так, возможно, и в более поздний период его жизни. Олицетворением таких офицеров-интеллигентов наверняка были в «белой» версии «Хождения по мукам» Роцин и Телегин. Манакин упоминал георгиевского кавалера, инженера и полковника Талалаева, ныне полковник, командир донского саперного полка. Возможно, Толстой взял эту цитату для воплощения судьбы Телегина в «белой версии». Там, судя по восходящему к нему полковнику Никитину из рассказов «В бреду» [15. Цит. по: 16. С. 414–415] и «Четыре картины волшебного фонаря» [17. Цит. по: 16. С. 596–601], Иван Ильич становился полковником Вооруженных сил Юга России и командиром саперного полка, только, скорее всего, не в Донской, а в Добровольческой армии или в Кавказской армии Врангеля во время похода на Царицын.

Не исключено, что первоначально Толстой, сразу опознав в Манакине интеллигента, ошибочно решил, что тот является офицером военного времени, и потому сделал таковым и своего Роцина. Но при работе над «белой» версией он наверняка эту ошибку исправил и сделал своего героя кадровым офицером, да еще, возможно, и с академическим образованием.

Харизма, которой, несомненно, обладал Манакин, передана Роцину. Манакин после прихода к власти большевиков и начала гражданской войны являлся одним из немногих деятелей Белого движения, которые пытались всерьез расширить его социальную базу, обустроить тыл и включить в программу белых хотя бы некоторые завоевания Февральской революции. Виктор Константинович пытался найти опору в крестьянстве, из которого и формировался главным образом находившийся под его командованием Саратовский корпус, в дальнейшем переименованный в бригаду. Он, в частности, пытался опереться на крестьянское самоуправление, на наиболее авторитетных стариков, отстаивал необходимость немедленного проведения ряда социальных реформ, в частности аграрной. Фактически Манакин предлагал ту программу, которую в значительной степени реализовывали в ходе гражданской войны в Испании Франсиско Франко и его генералы, которые в районах, контролируемых франкистами, заставляли помещиков «добровольно» делиться с крестьянами землей и списывали имеющиеся долги беднейшей части населения. Однако Манакин так и не встретил понимания со стороны военно-политических вождей белых – сначала Донского атамана генерала Петра Краснова, а затем генералов Антона Деникина и Петра Врангеля. В результате, как Виктор Константинович с грустью писал своей сестре Зинаиде, он был в мае 1920 года уволен генералом Врангелем в бессрочный отпуск «после того как организованное при моем участии в Новороссийске Общество объединения русских офицеров и добровольцев – было признано Гл. Командованием несвоевременным и ненужным, хотя идеи, положенные в основание Общ-ва, самим ген. Врангелем были признаны правильными, главный же недостаток был в том, что мы заявили о необходимости русским офицерам самим начать думать и разбираться в обстановке...» [14. С. 345]. Здесь проявилось еще одно важное качество Манакина, благодаря которому

он оказался неугоден руководству Добровольческой, а потом Русской армии. Виктор Константинович хотел, чтобы рядовые участники Белого движения тоже имели свой голос и могли, пусть с известными цензурными ограничениями, высказывать свое мнение в прессе, независимой от командования, и также имели возможность вести агитацию за белых. Однако Деникин, да и Врангель делали в первую очередь ставку на хорошо подготовленных, убежденных и мотивированных бойцов из числа офицеров и добровольцев и на волевых и пользующихся авторитетом у подчиненных командиров, откладывая решение всех политических и социальных вопросов до созыва Учредительного собрания после победы над большевиками. Они не понимали, что без немедленного решения ряда политических вопросов победа недостижима. В Добровольческой армии Виктор Константинович, на которого косились, как на «февралиста», был обречен на роль Кассандры, поскольку видел неизбежность поражения белых и безуспешно предлагал пути спасения.

Можно предположить, что в начале «белой» версии второй части судьба Рощина была примерно такой же, какой и судьба Манакина, но с той существенной разницей, что Толстой хотел показать в «белой» версии октябрьские бои в Москве, которые наблюдал воочию. Во время этих боев Толстой не мог не общаться с ударниками Московского батальона, которые сражались буквально рядом с его квартирой. Во время Октябрьской революции Толстой находился в Москве и наблюдал бои между сторонниками Временного правительства, преимущественно юнкерами и немногочисленными офицерами и ударниками, и сторонниками большевиков, к которым относились основная часть гарнизона, рабочие и городские низы, объединившиеся в красную гвардию, а позднее – прибывшие им на помощь из Петрограда матросы. Толстой записывал в дневнике, как шли бои на дорогах ему московских улицах, предполагая, очевидно, использовать эти записи в будущих произведениях [18. С. 353–354].

Н.В. Крандиевская-Толстая, третья жена писателя, вспоминала: «Пули подкарауливали за каждым углом. Я переживала мучительные минуты, когда Толстой вместе с группой разведчиков выходил на улицу. Он говорил:

– Мне это надо для впечатлений, пойми!

Я понимала и все же не находила себе места, ожидая его возвращения» [19. С. 132].

В финале первой части трилогии все главные герои накануне Октябрьской революции оказываются в Петрограде. Очевидно, в начале второй части штурм Зимнего и связанные с ним события должны были быть увидены глазами Рощина и Телегина, Кати и Даши. Вероятно, осознав, что в Петрограде все проиграно, Рощин спешно возвращался в Москву, где участвовал в боях с большевиками, командуя Московским ударным батальоном. Затем Вадим Петрович с остатками батальона добирался до Могилева, где выполнял примерно ту же роль, какую в реальности играл Манакин. По всей видимости, глазами Рощина был показан колеблющийся Духонин и другие руководители Ставки. Далее Рощин, приняв командование ударным отрядом, прорывался на Дон.

Затем, после «Ледяного похода», Рошин «белой» версии становился полковником и дорастал до командования бригадой. В записных книжках подробно описывается второй захват Екатеринослава Махно и также упоминается генерал Я.А. Слащев: «Город освободил Слащев. Малиновая черкеска, белая папаха. Жена его на лошади, в черкеске, белая папаха» [20. С. 289. Книжка № 1, запись 72.] Однако в «Хмуром утре» этот сюжет так и не появился. В 30-е годы цензура изображения гражданской войны ужесточилась. И тема второго захвата Екатеринослава махновцами внезапно стала нецензурной – тогда бы подробно пришлось рассказывать о рейде Махно по тылам Деникина, предпринятом в самый разгар похода Вооруженных сил Юга России на Москву, и признать, что махновцы внесли свой вклад в победу красных над Деникиным.

Можно предположить, что в «белой» версии Рошин вместе с корпусом Слащева освобождал Екатеринослав от махновцев, преследуя махновцев, убивал своего бывшего ординарца Алексея Красильникова, ставшего махновским атаманом, освобождал Катю из махновского плена, а потом вместе с ней и Слащевым отступал в Крым, а из Крыма вместе с Русской армией Врангеля эвакуировался в Галлиполи. Вероятно, подробно описывались бои в Крыму, которым были посвящены многие из первых белых мемуаров 1921–1922 годов.

В «Восемнадцатом годе» Рошин лишь кратко вспоминает об октябрьских боях в Москве, находясь у своего тестя Булавина в Самаре, куда его увезла Катя после ранения. При этом указывается, что Рошин ожидал войск из Ставки: «Москва была занята войсками ревкома. На другой же день на улицах можно было видеть молодых людей в штатском, в руке – узелок, в глазах – недоброе. Они пробирались к вокзалам – Курскому и Брянскому... И хотя на ногах у них были военные обмотки или кавалерийские сапоги, – никто их не задерживал. Если бы не контузия, ушел бы и Рошин. Но у него случился легкий паралич, затем слепота (временная), затем какая-то чертовщина с сердцем. Он все ждал – вот-вот подойдут войска из ставки и начнут бить шестидюймовыми с Воробьевых гор по Кремлю. Но революция только еще начинала углубляться в народные толщи. Катя уговорила мужа уехать, забыть на время о большевиках, о немцах. А там будет видно» [5. Т. 5. С. 325].

Рошин, как мы помним, подполковник. Значит, во время октябрьских боев в Москве он должен был командовать каким-то достаточно большим отрядом сторонников Временного правительства уровня батальона, учитывая, что сам командующий Московским военным округом К.И. Рябцев, возглавивший военное сопротивление большевикам, был всего лишь в чине полковника. Однако из воспоминаний Рошина о московских боях в «Восемнадцатом годе» никак не следует, что он занимал какую-то руководящую должность. По всей вероятности, в «белой» версии Рошин командовал Московским ударным революционным батальоном и другими войсками в секторе, примыкавшем к Молчановке. И совершенно нелепо и подло выглядело бы, если бы Вадим Петрович бросил своих солдат, собиравшихся продолжать борьбу с большевиками в другом месте. Можно не сомневаться, что

история с его отъездом в Самару появилась только в советской версии трилогии. В «белой» версии московские бои наверняка были описаны гораздо подробнее, и Роцин играл в них видную роль. А после завершения боев он, скорее всего, с остатками своих ударников отправлялся в Могилев, в Ставку, а оттуда, как и Манакин, пробивался на Дон. Эпизод с поездкой Роцина и Кати в Самару в «Восемнадцатом годе» призван был заменить присутствовавший в «белой» версии эпизод с поездкой Роцина и ударников в Могилев и последующими боями по дороге на Дон.

А вот далее биография Роцина, по всей вероятности, уже существенно отличается от биографии Манакина. По всей вероятности, Виктор Константинович прибыл на Дон во второй половине декабря (ст. ст.) 1917 года. Пока не установлено, что именно делал он в первые месяцы 1918 года. В корниловском «Ледяном походе» Манакин точно не участвовал. После гибели атамана Каледина и краха антибольшевистского сопротивления на Дону он, возможно, ушел в Степной поход под командованием походного атамана генерал-майора П.Х. Попова. Возможно, Манакин участвовал в походе под чужой фамилией и в качестве своей первоначальной специальности артиллерийского офицера. Нельзя также исключить, что в Степном походе Манакин не участвовал, а сражался в немногочисленных партизанских отрядах на юге Донской области, а в апреле 1918 года участвовал в антибольшевистском восстании, которое привело к власти атамана Петра Николаевича Краснова.

Но дальнейшей биографии Манакина Толстой не знал. Кроме того, ему принципиально важно было сделать Роцина участником корниловского «Ледяного похода», в котором Манакин точно не участвовал. Вероятно, для изображения Роцина в корниловском походе в качестве прототипа был использован один из офицеров – участников похода.

Причины, по которым Толстой «сменил вехи» как своей жизни, так и судьбы героев «Хождения по мукам», были понятны современникам.

24 февраля 1945 года драматург А.К. Гладков записал в дневнике: «Третьего дня умер от рака груди А.Н. Толстой. Он был уже с год, как приговорен врачами, но не знал об этом и успел написать несколько сочных и ярких глав „Петра“. Это был необыкновенно одаренный писатель, но легкомысленный, суетный, больше всего любивший вкусно жить. Говорят, он был способен и на пакости. Среди написанного им останется меньше половины» [21. С. 477].

Вернувшись в СССР, Толстой добился всего, чего хотел – славы и практически неограниченных материальных благ. Можно сказать, что он жил, как при коммунизме, сполна удовлетворяя все свои материальные потребности. Фактический уровень жизни Толстого, вероятно, был даже выше, чем уровень жизни секретаря обкома партии и даже члена Политбюро. Достаточно сказать, что писатель имел три автомобиля, тогда как в некоторых обкомах имелся всего один автомобиль. Разумеется, Толстой, в отличие от секретарей обкомов и членов Политбюро, не обладал никакой политико-административной властью, но он к этому и не стремился, тем более что власть была связана с риском репрессий, тогда как Толстому, который как

никто другой чувствовал конъюнктуру на самом верху и не был связан ни с какими оппозиционерами, репрессии не грозили. Но платой за материальный комфорт стали многочисленные вещи-однодневки, равно как и постепенное ухудшение художественного качества тех трилогий-эпопей, работа над которыми началась еще в годы гражданской войны и эмиграции.

Ценой официального почета стал недюжинный литературный талант Алексея Николаевича Толстого, который в СССР буквально пришлось зарывать в землю, приспособливая под идеологические установки и цензурные рамки. Но беда была в том, что в СССР талант Толстого практически не развивался, и писатель не смог реализовать весь свой немалый творческий потенциал. «Белая» версия «Хождения по мукам, будь она завершена и опубликована, могла бы стать лучшим произведением Толстого, а его талант мог бы получить новое развитие. Но для этого требовалось только одно условие: остаться в эмиграции, не поддаваясь на щедрые советские посулы. С голоду бы Толстой не умер и достаточно сносный быт себе и семье, при своей поразительной трудоспособности, сумел бы обеспечить. Но роскошная жизнь, о которой он мечтал, либо не наступила бы вовсе, либо ее пришлось бы ждать много лет, пока Толстой не стал бы всемирно известным и широко переводимым на все языки писателем, как, например, Владимир Набоков (но что будет именно так, никаких гарантий не было). Думаем, что на решение Толстого вернуться в СССР, среди прочего, повлияло и то обстоятельство, что он, в отличие от того же Набокова, толком не знал иностранных языков и некомфортно чувствовал себя в иноязычной среде.

Толстой не без оснований рассчитывал, что в Советской России его писательское имя, полученное еще до революции, и готовность исполнять, в сущности, любой идеологический заказ, позволят ему легче выйти на первые роли среди писателей. Не говоря уж о том, что читательская аудитория в Советском Союзе была несравнима по объему с эмигрантской аудиторией. А ведь Толстой всегда заботился о читателе своих произведений. По верному замечанию Е.Д. Толстой, писатель «строил свою литературную нишу на грани келейной и массовой литературы, популяризируя элитные идеи в произведениях, в высшей степени читабельных, всегда снабженных захватывающим мелодраматическим сюжетом. Эстетический смысл такой прозы состоял в создании языка – общепонятного, но способного рассказывать ярко и просто о сложном. Такой язык – доброкачественный и чистый, одновременно старый и новый, прихотливый, субъективный и гибко передающий „чужое слово“ – и был сферой „изобретения“ Толстого» [16. С. 12]. В эмиграции за первенство пришлось бы конкурировать с Буниным, Куприным, Мережковским, Гусевым-Оренбургским, Чириковым, Шмелевым, Амфитеатовым и другими писателями, успевшими уже сделать себе имя в России. В СССР же, где литература все жестче загонялась в определенные идеологические рамки, в начале 1920-х годов еще почти не было известных писателей, вставших на сторону большевиков. Да и молодые писатели, воспитывавшиеся в следовании догмам Пролеткульта, не пользовались популярностью у читающей публики. Недаром Ф. Степун в своем обзоре русской литературы игнорировал «всю коммунистическую агитмакулатуру с пролет-

культщиной во главе» [22. С. 236, примеч. 1]. Те же, кто могли составить конкуренцию, вроде Михаила Булгакова, не допускались в печать по идеологическим основаниям. В эмиграции же, в условиях свободы слова Толстой мог ожидать в скором времени конкуренции со стороны новых писателей, как молодых, вроде Владимира Набокова, так и представителей его поколения, вроде Марка Алданова.

И была еще одна причина, почему Толстой вернулся на родину. Наталья Крандиевская в 1922 году выпустила сборник стихов «От лукавого», в который вошло одно из лучших ее стихотворений, посвященное именинам Толстого, «Алексей – с гор вода!». В нем есть такие строки:

Стала я на ломкой льдине,
И несет меня – куда?
.....
А в милой Москве еще снег,
Звон великопостный и тихий,
И санок раскидистый бег
В сугробах широкой Плющихи.
Теперь бы пойти на Арбат
Дорогою нашей всегдашней!
Над городом галки кричат,
Кружат над кремлевскою башней.
Ты помнишь наш путь снеговой,
Счастливый и грустный немножко,
Вдоль старенькой церкви смешной, –
Николы на Курьих Ножках?
[23. С. 58–60].

Это стихотворение отразилось в 1928 году в пьесе Михаила Булгакова «Бег», где главные герои, доцент Голубков и Серафима Корзухина, решают вернуться из эмиграции в Москву, чтобы вновь увидеть снег на Караванной. Точно так же Крандиевская и Толстой хотели вернуться в Москву, чтобы увидеть снег, только не на Караванной, а на Молчановке. Крандиевская связывает пребывание в эмиграции с жизнью на льдине. У Булгакова весь бег в Крым, а потом в эмиграцию у героев ассоциируется с оледенением крымской станции, где они встретились [24. С. 470–423]. И у Крандиевской, и у Булгакова звучит мотив заматаемого снегом следа, забвения прежнего бега с белыми и эмиграции.

Многие писатели отмечали, что талант у Толстого – телесный, нутряной. Он очень хорошо умеет показать своих героев так, что читатель видит настоящий портрет живого человека. Отсюда и чрезвычайно внимание к деталям трапезы, одежды, мебели и иным предметам быта. Отсюда и очень колоритный язык, который в исторических произведениях превращается в замечательную стилизацию. Отсюда и талант рассказчика, способность к увлекательному повествованию. Но вот больших философских вопросов Толстой в своих вещах не ставил. Поэтому реалистическая манера письма для Толстого была вполне органична, а декадентство – скорее следование моде. И психологически его герои убедительны, не менее, чем герои «Войны и мира», но только тогда, когда он следует свободному полету мысли, а не подгоняет их под заданные идеологические схемы. А вот по части философского осмысления истории «Третий Толстой» сильно уступал «Первому Толстому», причем вне зависимости от каких-либо идеологических или цензурных рамок. История переживается в его произведениях, прежде всего,

через чувства героев. Если бы трилогия «Хождение по мукам» писалась в условиях свободного творчества, то, наверное, все герои выглядели бы психологически убедительно. Но в СССР Толстому пришлось спешно перелицовывать тех героев, которые в эмигрантской версии первой части предназначались для будущего участия в белом движении, тех же Телегина и Рощина, чтобы хоть как-то обосновать их последующий переход к красным. Наоборот, от тех героев, которым предстояло во второй и третьей частях трилогии выступать за красных, пришлось либо вообще избавиться, либо изобразить их образы от первоначальных негативных черт, поскольку эти герои мыслились в подавляющем большинстве отрицательными в «белой» версии. Поэтому, как главные герои, так и другие персонажи «Восемнадцатого года» и «Хмурого утра» значительно проиграли в психологической убедительности. Женские образы в меньшей степени подверглись подобной переделке, поскольку были гораздо менее политизированными и скорее отдавались на волю революционной стихии. И получилось так, что вторая и третья часть трилогии больше держатся на них, тогда как Рощин и Телегин, особенно в «Хмуром утре», выглядят бледно и представляют собой образы, искусственная сконструированность которых бросается в глаза.

Список литературы

- [1] *Толстой А.Н.* Хождение по мукам: роман. Берлин: Москва, 1922. 462 с.
- [2] *Воронцова Г.Н.* Текстологические принципы издания // Толстой А.Н. Хождение по мукам / сост., статья, примеч. Г.Н. Воронцовой. М.: Наука, 2012. С. 400–411.
- [3] Русская книга. 1921. № 6. С. 25–26.
- [4] *Воронцова Г.Н.* «Сквозь пыль и дым»: первый роман о русской революции // Толстой А.Н. Хождение по мукам / сост., статья, примеч. Г.Н. Воронцовой. М.: Наука, 2012. С. 303–399.
- [5] *Толстой А.Н.* Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1958–1961. Т. 5. 638 с. Т. 10. 711 с.
- [6] *Толстой А.Н.* Хождение по мукам / сост., ст., примеч. Г.Н. Воронцовой. М.: Наука, 2012. 478 с.
- [7] Донская волна. 1918, 7 октября. № 17. 20 с.
- [8] *Шинкаренко Н.* Ударники Манакина // Донская волна. 1918, 7 октября. № 17. С. 3–6.
- [9] *Г.Ф.* Октябрьский переворот и ударники // Донская волна. 1918, 7 октября. № 17. С. 6.
- [10] *Манакин В.* Ударные батальоны 1917 года (наброски и воспоминания) // Донская волна. 1918, 28 октября. № 20. С. 11–13.
- [11] *Манакин В.* Последняя русская ставка (воспоминания) // Донская волна. 1918, 25 ноября. № 24. С. 11–13.
- [12] *Литовский О.С.* Так и было. М.: Советский писатель, 1958. 248 с.
- [13] *Толстой А.Н.* Земской Союз. Из дневника на 1917 год // Русские ведомости. 1917, 15 января. № 12. С. 2.
- [14] *Посадский А.В.* Полковник В.К. Манакин и Саратовский корпус. Эпизод гражданской войны. М.: АИРО-XXI, 2018. 520 с.
- [15] *Толстой А.Н.* В бреду // Толстой А.Н. Лихие годы. Рассказы. Берлин; Пг.; М.: Изд. 3. Гржебина, 1923. 272 с.
- [16] *Толстая Е.Д.* «Деготь или мед»: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1923). М.: РГГУ, 2006. 684 с.
- [17] *Толстой А.Н.* Четыре картины волшебного фонаря // Жар-птица. 1922. № 6. С. 3–10.

- [18] Толстой А.Н. Дневник 1917–1936 гг. / вступ. ст. и публ. А.М. Крюковой // Толстой А.Н. Материалы и исследования / под ред. А.М. Крюковой. М.: Наука, 1985. С. 340–390.
- [19] Крандиевская-Толстая Н.В. Воспоминания. Л.: Лениздат, 1977. 432 с.
- [20] Толстой А.Н. Записные книжки / предисл. и публ. Ю.А. Крестинского, Л.И. Толстой; примеч. Ю.А. Крестинского, П.И. Якира // Литературное наследство. М.: Наука, 1965. Т. 74. С. 277–352.
- [21] Михеев М.Ю. Александр Гладков о поэтах, современниках и – немного о себе. 2-е изд. М.: ЯСК, 2019. 511 с. (Из дневников и записных книжек).
- [22] Стенун Ф.А. Встречи и размышления. Лондон: Overseas Publications, 1992. 287 с.
- [23] Крандиевская-Толстая Н.В. От лукавого. Книга стихов. Берлин: Геликон, 1922. 94 с.
- [24] Булгаков М.А. Пьесы 20-х годов / под ред. А.А. Нинова. Л.: Искусство, 1989. 591 с.

References

- [1] Tolstoy, A.N. (1922). *Khozhdenie po mukam* [The road to calvary]. Berlin, Moskva Publ. (In Russ.)
- [2] Vorontsova, G.N. (2012). Tekstologicheskie printsipy izdaniya [The textual principles of the publication. In A.N Tolstoy, *Khozhdenie po Mukam* [The Road to Calvary] (pp. 400–411). Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
- [3] *Russkaja kniga* [The Russian book]. (1921). Issue 6 (pp. 25–26). (In Russ.)
- [4] Vorontsova, G.N. (2012). “Skvoz’ pyl’ i dym”: Pervyj roman o russkoy revoljutsii [“Through dust and smoke”: The first novel about the Russian revolution]. In A.N. Tolstoy, *Khozhdenie po Mukam* [The Road to Calvary] (pp. 303–399). Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
- [5] Tolstoy, A.N. (1958–1961). *Sobranie sochineniy* [Compilation of works] (vols 5 & 10). Moscow, GiKHL Publ. (In Russ.)
- [6] Tolstoy, A.N. (2012). *Khozhdenie po mukam* [The road to calvary]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
- [7] *Donskaya Volna* [Don’s Wave]. (1918, October 7). Issue 17. (In Russ.)
- [8] Shinkarenko, N.V. (1918, October 7). Udarniki Manakina [Manakin’s udarniks]. *Donskaya Volna* [Don’s Wave], (17), 3–6. (In Russ.)
- [9] G. F. (1918, October 7). Oktjabr’skiy perevorot i udarniki [The October coup d’état and udarniks]. *Donskaya Volna* [Don’s Wave], (17), 6. (In Russ.)
- [10] Manakin, V. (1918, October 28). Udarnye batal’ony 1917 goda. Nabroski i vospominaniya [The attack battalions of 1917 (sketches and memoirs)]. *Donskaya Volna* [Don’s Wave], (20), 11–13. (In Russ.)
- [11] Manakin, V. (1918, November 25). Poslednyaya russkaya stavka [The last Russian supreme command headquarters]. *Donskaya Volna* [Don’s Wave], (24), 11–13. (In Russ.)
- [12] Litovskiy, O.S. (1958). *Tak i bylo* [And so it was] Moscow, Sovetskiy pisatel Publ. (In Russ.)
- [13] Tolstoy, A.N. (1917, January 15). Zemskoy Sojuz. Iz dnevnika na 1917 god [The Zemstvo Union. From a diary for 1917]. *Russkie Vedomosti*, (12), 2. (In Russ.)
- [14] Posadskiy, A.V. (2018). *Polkovnik V.K. Manakin i Saratovskiy korpus. Epizod Grazhdanskoy voyny* [Colonel V.K. Manakin and the Saratov Corps. The episode of the Civil War]. Moscow, AIRO-XXI Publ. (In Russ.)
- [15] Tolstoy, A.N. (1923). V bredu [In delirium]. In A.N. Tolstoy, *Likhie Gody: Rasskazy* [Dashing Years: Stories]. Berlin, Petrograd, Moscow, Z. Grzhebin Publishers. (In Russ.)
- [16] Tolstaya, E.D. (2006). “Degot’ ili med”: Aleksey N. Tolstoy kak neizvesnyy pisatel’ (1917–1923) [“Tar or honey”: Aleksey N. Tolstoy as an unknown writer (1917–1923)]. Moscow, RGGU Publ. (In Russ.)
- [17] Tolstoy, A.N. (1922). Chetyre kartiny volshebnogo fonorya [Four pictures of the magic lantern]. *Jar Ptitsa*, (6), 3–10. (In Russ.)

- [18] Tolstoy, A.N. (1985). *Dnevnik 1917–1936 gg.* [Diary of 1917–1936]. In A.N. Tolstoy, *Materialy i Issledovaniya [Materials and Studies]* (pp. 340–390). Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
- [19] Krandievskaya-Tolstaya, N.V. (1972). *Vospominaniya [The memoirs]*. Leningrad, Lenizdat Publ. (In Russ.)
- [20] Tolstoy, A.N. (1965). *Zapisnye knizhki [The Notebooks]*. *Literaturnoe Nasledstvo [Literary Legacy]*, 74, 277–352. (In Russ.)
- [21] Mikheev, M.Ju. (2009). *Aleksandr Gladkov o poetakh, sovremennikakh i – nemnogo o sebe [Alexander Gladkov about poets, contemporaries, and some words about himself]*. 2nd ed. Moscow, YASK Publ. (In Russ.)
- [22] Stepun, F.A. (1992). *Vstrechi i razмышleniya [Meetings and reflections]*. London, Overseas Publications. (In Russ.)
- [23] Krandievskaya-Tolstaya, N.V. (1922). *Ot lukavogo. Kniga stikhov [From evil. The book of poems]*. Berlin, Helikon. (In Russ.)
- [24] Bulgakov, M.A. (1989). *P'esy 30-kh godov [The plays of 1930s]*. Leningrad, Iskusstvo Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Соколов Борис Вадимович, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI). E-mail: bvsokolov@yandex.ru.

Bio note:

Boris V. Sokolov, Dr. hab. of Philology, Ph.D. in History, senior researcher of the Association of Researchers of the Russian Society (AIRO-XXI). E-mail: bvsokolov@yandex.ru.

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-33-42

УДК 82-221

Научная статья / Research article

О чем расскажет лист «Чукоккалы»

Л.Н. Анпилова

Россия, Старый Оскол

✉ anpilova_ln@mail.ru

Аннотация. Впервые подробно анализируется лист из рукописного альманаха Корнея Чуковского «Чукоккала» с рисунками Юрия Анненкова, датированный мартом 1923 года. Привлечение архивных источников позволяет установить историю создания изображения. Выявляется, что лист рукописного альманаха заполнялся одновременно с работой Анненкова над портретом Льва Троцкого. Анализ стилистических особенностей рисунка позволяет реконструировать элементы литературного быта 1920-х годов. Изучение состава изображенных лиц уточняет круг творческих и дружеских контактов видных деятелей культуры первого послереволюционного десятилетия. Приводятся малоизвестные биографические данные об изображенных на листе персонажах: уточняется история знакомства Анненкова и ближайшего соратника Горького, видного общественного деятеля Альберта Пинкевича; освещаются малоизвестные страницы дружбы Пинкевича, писателя Бориса Пильняка и художника-авангардиста Бориса Шапошникова; рассмотрена история создания графических портретов советских писателей, выполненных Анненковым. Делается вывод о том, что страница рукописного альманаха, как и «Чукоккала» в целом, является уникальным памятником, запечатлевшим живое течение времени.

Ключевые слова: «Чукоккала», Юрий Анненков, Борис Пильняк, Альберт Пинкевич, портрет Троцкого, литературный быт, 1920-е годы, творческие связи

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 6 ноября 2020 г.; принята к публикации 1 декабря 2020 г.

Для цитирования: Анпилова Л.Н. О чем расскажет лист «Чукоккалы» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 1. С. 33–42. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-33-42>

The Story of a Drawing from *Chukokkala* Miscellany

Larisa N. Anpilova

Stary Oskol, Russia

✉ anpilova_ln@mail.ru

Abstract. A novel detailed analysis of a page from *Chukokkala*, Korney Chukovsky's handwritten miscellany with drawings by Yuri Annenkov, dated March 1923, is given. Involvement of archival sources makes up the history of the drawing creation. It turns out that

Annenkov worked at the page of the miscellany and the portrait of Leo Trotsky at the same time. The analysis of the stylistic features of the drawing reconstructs the elements of the literary life of the 1920s. The study of the depicted persons clarifies the circle of friends and associates of prominent cultural figures of the first post-revolutionary decade. The article provides little-known biographical information about the characters depicted in the drawing. It specifies how Annenkov met Gorky's closest associate, the prominent public figure Albert Pinkevich. The author highlights little-known facts of friendship of A. Pinkevich, Boris Pilnyak, a Soviet writer, and the avant-garde artist Boris Shaposhnikov. The history of the creation of graphic portraits of Soviet writers made by Annenkov is considered. In conclusion, the page of the handwritten miscellany, and *Chukokkala* as a whole, are presented as a unique monument that captures the living passage of time.

Keywords: Chukokkala, Yuri Annenkov, Boris Pilnyak, Albert Pinkevich, portrait of Trotsky, literary life, 1920s, associates

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted November 6, 2020; revised November 15, 2020; accepted December 1, 2020.

For citation: Anpilova, L.N. (2021). The story of a drawing from *Chukokkala* miscellany. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(1), 33–42. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-33-42>

Введение

В 2020 году на выставке «Юрий Анненков: революция за дверью» в Музее русского импрессионизма в Москве широкой публике был показан лист из рукописного альманаха К.И. Чуковского «Чукоккала» с портретами Троцкого, Полонского, Пильняка, Чуковского, Пинкевича и Шапошникова. Этот лист представлен в каталоге выставки [1. С. 48], а впервые был опубликован во втором издании печатной версии «Чукоккалы» в 1999 году [2. С. 190] (в первое издание 1979 года он не вошел).

Известно, что К.И. Чуковский очень серьезно относился к подготовке к печати «Чукоккалы». Он настаивал на том, чтобы в книге были опубликованы портреты участников альманаха, выполненные Анненковым. Добиться этого было непросто, поскольку и сам художник, и многие его портретируемые были не в чести у советской власти. В середине 1960-х годов, когда возобновилась переписка Чуковского и Анненкова, они обсуждали эту тему. В феврале 1966 года Чуковский пишет Кодрянским: «Если увидите Юрия Павловича, скажите ему, что издательство „Искусство“ печатает фототипическим способом мою „Чукоккалу“, где есть и его рисунки» [3. С. 593]. Анненков горячо поддержал идею публикации «Чукоккалы». В апреле 1966 года он напишет Чуковскому: «Издание „Чукоккалы“ будет подлинным памятником, мое скромное участие в котором меня весьма тронуло» [4. С. 86]. Три года спустя 25 марта 1969 года он вновь вернется к этой теме: «Когда же выйдет „Чукоккала“? Жду, жду!» [4. С. 113]. К сожалению, ни сам Чуковский, ни Анненков так и не дождались выхода в свет этой книги. Она появилась лишь в 1979 году стараниями дочери Чуковского.

Рукописный альманах «Чукоккала» не раз являлся предметом серьезных исследований, однако лист с рисунками Юрия Анненкова, датированный мартом 1923 года, целостному анализу никогда не подвергался. Рисунок

примечателен тем, что стал последней зарисовкой художника, выполненной в «Чукоккале». Обращение к архивным источникам позволяет не только установить историю создания изображения, но и реконструировать малоизвестные биографические данные о видных деятелях отечественной культуры первого послереволюционного десятилетия.

Обсуждение вопроса

Судя по всему, лист рукописного альманаха, датированный 2 марта 1923 года, был заполнен Анненковым во время поездки Чуковского в Москву в феврале – марте 1923 года для проведения переговоров с Госиздатом. В это же самое время Юрий Анненков был в Москве: при посредничестве Вяч. Полонского, возглавлявшего литературно-издательский отдел Политуправления РККА, он получил заказ на написание портретов крупных военачальников. Для выполнения этого заказа в январе 1923 года художник приехал в Москву. Работая в «ставке» Наркомвоенмора в Архангельском и в здании Реввоенсовета, он создал несколько портретов военачальников (Склянского, Антонова-Овсиенко, Ворошилова и др.), самым значительным произведением стал известный сегодня только по фотографиям гигантский портрет председателя РВСР Л.Д. Троцкого.

Об истории создания этого портрета художник подробно написал в книге воспоминаний «Дневник моих встреч». Судя по всему, работа продвигалась быстро: уже 18 марта того же года портрет Троцкого стал центральным экспонатом масштабной выставки «Красная Армия, 1918–1923», открытой в Музее Красной Армии и Флота. А в следующем 1924 году портрет был выставлен в русском павильоне на XIV Венецианской Биеннале, где вызывал широкий резонанс. И.В. Обухова-Зелинская напишет об этом: «Во второй половине 1924 года и в течение всего 1925 года мировая пресса была полна сообщениями о Венецианской Биеннале, о портрете Троцкого писали в журналах всех европейских стран» [5]. Портрет Троцкого стал поистине судьбоносным для художника: участие картины в крупной европейской выставке явилось для него поводом выехать в Европу. Осенью 1924 года Анненков покинул пределы России и на родину уже не вернулся.

Автошарж на знаменитый портрет Троцкого занимает центральную часть листа из «Чукоккалы». Ко времени заполнения страницы альманаха работа над картиной была закончена или близилась к завершению. Уверенной рукой художника несколькими линиями поразительно точно воспроизведены композиция и детали портрета Троцкого: поворот головы, указующий жест правой руки, силуэт пальто, португепя и даже летящие вдали самолеты. Справа от изображения вождя на листе размещен профильный портрет Вяч. Полонского, за ним – в правом верхнем углу – очертания лестницы, отсылающей к условиям работы над гигантским холстом. Можно сделать предположение, что лист заполнялся одновременно с рассказом о выполнении этого заказа. О доверительности отношений со слушателями говорит характер изображенного. Все образы на листе трагестированы. Это относится и к изображению Троцкого: если на картине его облик грозен, носит устрашающий характер, то на рисунке он передан в ироническом ключе.

На живописном портрете внимание приковывает суровый, напряженный взгляд, направленный в сторону врагов, а на рисунке голова наркомвоенмора излишне завалена назад, от этого поза выглядит более напыщенной, а грозный силуэт вождя приобретает черты театральности. Комизм усиливают и некоторые другие детали, придающие изображению карикатурный оттенок. В частности, элементы одежды.

Известно, что Анненков сам придумал костюм для портрета Троцкого. Он писал об этом в книге воспоминаний: «Я набросал карандашом темную, непромокаемую шинель с большим красным карманом на середине груди и фуражку из черной кожи, снабженную защитными очками. Мужичьи сапоги, широкий черный кожаный кушак и перчатки, тоже из черной кожи, с обшлагами, прикрывавшими руки почти до локтей... Вспоминаю, как во время одной из примерок, я сказал:

– В этом нет ничего военного.

Троцкий улыбнулся:

– Но в этом есть что-то трагическое.

– Не трагическое, – ответил я... – но угрожающее» [6. С. 299].

Это описание соответствует тому, что мы видим на портрете. Но на рисунке угрожающая «одежда революции» приобретает выраженный комический оттенок: кожаная фуражка вождя («снабженная защитными очками») превращается в низкий цилиндр, напоминающий шляпу то ли извозчика, то ли гробовщика, а очки переезжают на нос, закрывая «грозный взор» неистового революционера. Завершает образ Троцкого в «Чукоккале» еще одна крамольная деталь: вместо обломков «старого мира» под ногами наркомвоенмора нарисованы стакан и огромная бутылка с надписью «Керосин» (очевидно, символизирующие главные инструменты для реализации «пожара» мировой революции).

Не вызывает сомнений, что лист рукописного альманаха заполнялся художником во время одной из дружеских посиделок. Характер изображения красноречиво свидетельствует об атмосфере, сопутствующей созданию рисунка. Но он примечателен и другим – благодаря этому листу из «Чукоккалы» восстанавливается круг общения Чуковского и Анненкова. Большой исследовательский интерес представляет состав изображенных на листе персонажей.

Это прежде всего сам Чуковский, ставший за долгие годы знакомства излюбленной моделью художника. Помимо репрезентативного портрета 1921 года, включенного автором в знаменитый альбом «Портреты» (Portraits), вышедшей в издательстве «Петрополис» в 1922 году, Анненков создал многочисленные шаржированные изображения Чуковского, большая часть из которых сохранилась на страницах «Чукоккалы». Шарж на Чуковского размещен в центре верхней части листа – «...свободным уверенным росчерком Анненков обозначил легко узнаваемый носатый профиль, усы, челку» [7. С. 70].

В левом верхнем углу листа расположен малоизвестный портрет Бориса Пильняка, которого связывала с Анненковым крепкая дружба и тесные творческие связи. Судя по воспоминаниям художника, Анненков и Пильняк

были знакомы с 1918 года. В 1922–1923 годах они активно сотрудничали в издательстве «Круг». Зимой 1923 года Анненков гостил у Пильняка в Коломне, где они вместе встречали Рождество.

Известно о четырех портретах Пильняка, выполненных Анненковым. Два из них сохранились в «Чукоккале». Наиболее ранний опубликован во всех печатных версиях альманаха и может быть датирован осенью 1922 года. Это дружеский набросок, легкий, чуть ироничный, отражающий атмосферу непринужденного отдыха, радушия, баловства. Пильняк изображен в широкополой шляпе, неизменных круглых очках и с трубкой во рту. Изображение Пильняка на листе 1923 года иное. Писатель изображен анфас, с папиросой, с включенным чубом, венчающим высокий лоб неправдоподобно вытянутого лица. Портретные черты узнаваемы, но иронически гипертрофированы. Образ писателя серьезен и деловит и хорошо соотносится с характеристикой из «Дневника» Чуковского тех дней. 27 февраля 1923 года Корней Иванович запишет: «...я был у Пильняка, в издательстве „Круг“ ...Ходят без толку какие-то недурно одетые люди – ...Буданцев, Казин, Яковлев и проч. ...Я с Пильняком познакомился поближе. Он кажется шалым и путаным, а на самом деле – очень деловой и озабоченный. Лицо у него озабоченное – и он среди разговора, в трактире ли, в гостях ли – непременно удалится на секунду поговорить по телефону, и переход от разговора к телефону – у него незаметен... Очень забавна его фигура, длинное туловище, короткие ноги, голова назад, волосы рыжие и очки. Вечно в компании, и всегда куда-нибудь идет предприимчиво, с какой-то надеждой» [8. С. 238–239].

Эта дневниковая запись интересна не только психологической характеристикой Пильняка – она отлично характеризует круг писательских контактов, что уже не раз становилось предметом серьезных исследований [9; 10]. С этой точки зрения важна еще одна запись в дневнике Чуковского тех дней. 15 февраля 1923 года он пишет: «Из Дома Печати мы всей ватагой: я, Анненков, Пинкевич, Пильняк, Соболев, Ключарев – пошли к Васе Каменскому <...> На др. день вечером все сошлись у меня: Вася, Пильняк, Пинкевич. Анненков надул. Пин[кевич] и Пильняк были в бане и привели с собой какого-то сановника из Госиздата – молодого, веселого и важного. Впрочем, он снизошел к нам настолько, что съел у меня несколько орехов и выпил бутылку вина...» [8. С. 237]. В числе других лиц здесь трижды упоминается имя Альберта Пинкевича, чье изображение также размещено на листе «Чукоккалы» 1923 года. Пинкевич сыграл немалую роль в судьбе Пильняка и Анненкова. В 1924 рукой этого человека будет подписан «Договор между особым комитетом по организации заграничных артистических турне и художественных выставок и Ю.П. Анненковым с разрешением на выезд в Италию сроком по 15 окт. 1924 г. для устройства выставки его работ» [7. С. 194, 552]. К сожалению, имя Пинкевича сегодня известно немногим. Между тем, его судьба столь необычна, а личный вклад в формирование культурной политики советского государства столь значителен, что об этом человеке стоит сказать особо.

Альберт Петрович Пинкевич (1884–1937) – педагог, издатель, общественный деятель. В дни Октябрьского переворота он был «гласным» Петро-

градской Думы от фракции меньшевиков-интернационалистов. Его отношение к свершившейся революции увековечил Джон Рид, процитировав выступление Пинкевича на заседании Думы в книге «Десять дней, которые потрясли мир»: «Если всякий, кто против большевиков, есть контрреволюционер... то я не понимаю, в чем же разница между революцией и анархией... Большевики подчиняются всем страстям разнuzданных масс, а у нас нет ничего, кроме нравственной силы» [11. С. 148]. Позиция Пинкевича в годы революции и тот факт, что он не был членом партии большевиков, не стали препятствием в его привлечении к организаторской и педагогической работе. По приглашению Луначарского он активно занимался работой по созданию системы высшего образования в советской республике, был членом Государственного ученого совета при Наркомпросе. С лета 1918 года Пинкевич возглавлял созданный им Третий педагогический институт в Петрограде, а в 1920–1921 годах параллельно с этим являлся ректором созданного им Уральского университета. Автор научной биографии Пинкевича петербургский историк В.С. Волков справедливо заметил: «В стабильном обществе трудно представить себе ситуацию, чтобы один и тот же человек был одновременно ректором двух вузов, причем один из них находился в Петрограде, а другой за тысячи километров – в Екатеринбурге, на Урале. Но Альберт Петрович Пинкевич жил в такое время, когда подобное было возможным и даже в определенных пределах разумным, поэтому в 1920–1921 годах он, сохраняя за собой пост ректора Педагогического института имени А.И. Герцена, находился в командировке в Екатеринбурге, где возглавлял работу по созданию университета и свыше 10 месяцев был его ректором» [12. С. 301].

Уникальность судьбы А.П. Пинкевича заключалась в том, что он умел совмещать педагогическую работу с активной общественной деятельностью. После революции он являлся заместителем Горького в ПетроКУБУ – Петроградской комиссии по улучшению быта ученых, созданной в январе 1920 года для помощи научной и творческой интеллигенции. О деятельности ПетроКУБУ писал в своей книге Юрий Анненков: «Это учреждение, боровшееся с нищетой... Научным деятелям, приходившим туда в лохмотьях, в рваных ботинках, с рогожными мешками и детскими салазками, выдавался недельный паек: столько-то унций конины, столько-то крупы, соли, табака, суррогатов жира и плитка шоколада» [13. С. 33]. Объемы помощи, оказываемой ПетроКУБУ, уточняет В.С. Волков: «В 1920 году академические пайки получало 1849 человек, в 1921 году – 2000, а 1922 – 5700 научных работников и приравненных к ним деятелей культуры» [12. С. 392–393]. Не трудно предположить, что в числе других петербуржцев помощь от КУБУ получали Чуковский и Анненков.

Обстоятельства знакомства Пинкевича и Анненкова неизвестны. Они могли встречаться у Горького еще до революции. В октябре 1921 они вместе провожали Горького, уезжавшего с семьей Гржебиных за границу. К этому времени относится создание репрезентативного портрета Пинкевича, выполненного Анненковым. Портрет Пинкевича экспонировался на выставке «Мир искусства» в Петрограде в 1922 году и в том же году был опубликован в альбоме «Портреты» [14. С. 75–76]. По свидетельству самого художника, заказчиком этого портрета стал З.И. Гржебин [4. С. 63].

Гржебина, Пинкевича и Анненкова связывало сотрудничество сразу в двух издательствах. Во-первых, в созданном Горьким в 1919 году издательстве «Всемирная литература», где Гржебин заведовал издательской частью, а Пинкевич был одним из заместителей Горького (с октября 1921 года, после создания отделения издательства «Всемирная литература» в Москве, Пинкевич исполнял обязанности директора издательства в Петрограде). Художник Анненков сотрудничал с «Всемирной литературой» с момента создания, став автором одной из издательских марок.

Вторым издательством, в котором пересеклись пути Пинкевича и Анненкова, было «Издательство З.И. Гржебина», выпускавшего книги на базе европейских типографий. Соучредителями этого издательства являлись Горький, Гржебин и Пинкевич: Горький был идейным лидером, Гржебин – директором, а Пинкевич выполнял функции ближайшего помощника Горького и заместителя директора. В издательстве Гржебина вышло несколько книг в оформлении Анненкова: «Пламенный круг» Ф. Сологуба (1922), «Сестра моя жизнь» Б. Пастернака (1922), «Ограда» Вл. Пяста (1922), «Вереск» Г. Иванова (1923) и др.

Любопытно, что с берлинским представительством издательством Гржебина связана история знакомства Пинкевича и Пильняка. Судя по всему, они познакомились в феврале – марте 1922 года во время поездки Пильняка в Берлин. В это же время Пинкевич на несколько месяцев был командирован в Европу для изучения системы народного образования, а в Берлин он приехал в качестве заместителя З.И. Гржебина в его издательстве [15. С. 75]. Находясь в командировке, Пинкевич писал: «В настоящее время работа развернулась и идет широкий фронт. Печатаются книги – около 60–70 названий в работе, и, наверное, еще в апреле – мае появятся в свет новые книги. В финансовом отношении дела издательства, независимо от советских заказов, резко улучшились, и работа кипит» [12. С. 381]. Среди книг, вышедших в апреле 1922 года в издательстве Гржебина, был и знаменитый роман Пильняка «Голый год», принесший его автору всемирную известность.

Пинкевич и Пильняк были дружны до конца своих дней. Уже после «проработок» Пильняка второй половины 1920-х годов Пинкевич оказывал ему значительную поддержку: стал автором предисловия к восьмитомному собранию сочинений (М. – Л.: Госиздат, 1929–1930), в начале 1930-х годов представлял интересы писателя во время его длительных зарубежных поездок (вел переговоры с издательствами, получал гонорар, делал финансовые распоряжения и т. д.). Их жизнь оборвалась почти одновременно. Оба были арестованы в октябре 1937 года. Два месяца спустя Альберт Пинкевич был расстрелян, в апреле 1938 года его участь разделил Борис Пильняк.

И, наконец, еще один персонаж, запечатленный на листе «Чукоккалы», – Борис Валентинович Шапошников, чье изображение размещено в верхней части листа между портретами Пильняка и Чуковского. Б.В. Шапошников (1890–1956) – художник-авангардист, член объединения «Бубновый валет», в советские годы – музейный работник, член правления и президиума Государственной Академии художественных наук (ГАХН). Бориса Шапошникова можно отнести к московскому окружению Анненкова и Пильняка. Анненко-

вы и Шапошниковы дружили семьями. Сыну своего друга художник посвятил иллюстрации к «Мойдодыру» (в первом издании книги посвящение звучало так: «Ирушке и Дымку, чтоб зубы чистили. Ю. Анненков»), где Ирушка – это Ирина Лебединская, племянница Анненкова, а Дымок – Вадим Шапошников, сын Бориса Валентиновича). По свидетельству правнука Шапошникова, даже в эмиграцию Юрий Анненков уезжал из московской квартиры своего друга: в 1924 году они вместе были направлены в командировку от ГАХН на Международную художественную выставку в Венецию. В последний раз они встретились в 1925 году на международной выставке в Париже [16].

Сохранились документы, подтверждающие знакомство Шапошникова и Бориса Пильняка: в РГАЛИ хранится личное дело писателя из Государственной академии художественных наук, в котором имеется справка от 13 января 1925 года, подписанная лично Б.В. Шапошниковым: «Борис Андреевич Пильняк состоит научным сотрудником Государственной академии художественных наук» [17]. Скорее всего, эта справка являлась основанием для получения академического пайка (подобного помощи, оказываемой ПетроКУБУ).

Остается добавить, что все изображения на листе «Чукоккалы» подписаны автором, это облегчает определение круга изображенных лиц и обеспечивает достоверность анализа.

Заключение

Дружеская зарисовка, сделанная Анненковым весной 1923 года, позволяет реконструировать не только атмосферу времени, но и определить круг творческих и дружеских контактов видных деятелей культуры первого послереволюционного десятилетия. Это бесценный документ, донесший до нас свидетельства о событиях культурной жизни и особенностях литературного быта 1920-х годов. Страница рукописного альманаха, как и «Чукоккала» в целом, является уникальным памятником, запечатлевшим живое течение времени.

Список литературы

- [1] Юрий Анненков. Революция за дверью: каталог выставки. М.: Музей русского импрессионизма, 2020. 224 с.
- [2] Чукоккала: рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Премьера, 1999. 398 с.
- [3] *Чуковский К.И.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 15. Письма (1926–1969) / вступ. ст. Е. Ивановой; сост. Е. Иванова, Л. Спиридонова, Е. Чуковская; общ. ред., подг. текстов и коммент. Е. Ивановой, Е. Чуковской. 2-е изд., электронное, испр. М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2013. 800 с.
- [4] *Обухова-Зелинская И. К.И. Чуковский и Ю.П. Анненков: «Несмотря на разлучающее нас расстояние и истекшие годы...»:* из архивных сокровищ. М.: МИК, 2017. 144 с.
- [5] *Обухова И.В.* Графические портреты Юрия Анненкова: автореф. дис. ... к. иск. М., 2005. URL: <http://cheloveknauka.com/graficheskie-portrety-yuriya-annenkova#ixzz5ReJz8МЕВ> (дата обращения: 10.08.2020).
- [6] *Анненков Ю.* Дневник моих встреч: цикл трагедий: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1991. 336 с.
- [7] *Обухова-Зелинская И.В.* Юрий Анненков. Портреты сквозь время. М.: Музей русского импрессионизма, Кучково поле Музеон, 2020. 560 с.

- [8] Чуковский К.И. Дневник (1901–1929). М.: Советский писатель, 1991. 544 с.
- [9] Малыгина Н.М. «Питомцы» Бориса Пильняка // Москва и «московский текст». Москва в творчестве русских писателей: сборник научных статей / ред.-сост. Н.М. Малыгина. М.: МГПУ, 2013. Вып. 7. С. 46–64.
- [10] Малыгина Н.М. Роль Бориса Пильняка в писательской биографии Андрея Платонова // *Avtobiografiya*. 2016. № 5. С. 95–115.
- [11] Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. URL: <http://zarubezhom.com/10DaysReed.pdf> (дата обращения: 10.08.2020).
- [12] Волков В.С. Первый ректор Третьего педагогического института в Петрограде: страницы жизни А. Пинкевича / под общ. ред. Г.А. Бордовского, В.А. Козырева. СПб: Изд-во РГПУ имени А.И. Герцена, 2007. 583 с.
- [13] Анненков Ю. Дневник моих встреч: цикл трагедий: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1991. 346 с.
- [14] Пинкевич Н.Н. Юрий Анненков: портрет А. Пинкевича // Художественный вестник. 2008. № 2. С. 75–78.
- [15] Ремизов А.М. «На вечерней заре». Главы из рукописи; письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. / вступ. заметка и коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной, А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 7. С. 46–81.
- [16] Шапошников М. В объективе Серебряного века // Наше наследие. 2018. № 124. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/12416.php> (дата обращения: 10.09.2020).
- [17] Личное дело Пильняка Бориса Андреевича // РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 478. Л. 2.

References

- [1] Annenkov, Yu. (2020). *Revoluciya za dver'yu: Katalog vystavky [Revolution behind the door: Exhibition catalog]*. Moscow, Museum of Russian Impressionism. (In Russ.)
- [2] *Chukokkala: Rukopisniy almanah Korneya Chukovskogo [Chukokkala: Handwritten miscellany of Korney Chukovsky]*. (1999). Moscow, Primiera Publ. (In Russ.)
- [3] Chukovsky, K.I. (2013). *Sobranie sochineniy. T. 15. Pis'ma (1926–1969) [Collected works. Vol. 15. Letters (1926–1969)]*. Moscow, Agentstvo FTM, Ltd. (In Russ.)
- [4] Obukhova-Zelinskaya, I. (2017). K.I. Chukovskii i Yu.P. Annenkov: “*Nesmotrya na razluchauschee nas rastoyanie i istekschie gody...*”: *Iz arhivnih sokrovishch [K.I. Chukovsky and Y.P. Annenkov: “Despite the distance separating us and the past years...”: From archival treasures]*. Moscow, MIK Publ. (In Russ.)
- [5] Obukhova, I.V. (2005). *Graficheskiye portrety Yuriya Annenkova [Graphic portraits of Yuri Annenkov]* (abstract of the Ph.D. dissertation). Moscow. Retrieved October 8, 2020, from <http://cheloveknauka.com/graficheskie-portrety-yuriya>. (In Russ.)
- [6] Annenkov, Yu. (1991). *Dnevnik moih vstrech: Cikel tragediy [Diary of my meetings: The cycle of tragedies]* (vol. 2). Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russ.)
- [7] Obukhova-Zelinskaya, I.V. (2020). *Yuri Annenkov. Portrety skvoz vremya [Yuri Annenkov. Portraits through time]*. Moscow, Museum of Russian Impressionism, Kuchkovo Pole Muzeon Publ. (In Russ.)
- [8] Chukovsky, K.I. (1991). *Dnevnik (1901–1929) [Diary (1901–1929)]*. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ. (In Russ.)
- [9] Malygina, N.M. (2013). “Pitomcy” Borisa Pilnyaka [“Pupils” by Boris Pilnyak]. In N.M. Malygina, *Moskva i “Moskovskiy Tekst”. Moskva v Rabotah Russkikh Pisateley: Kolekciya Nauchnih Statey [Moscow and “Moscow Text”. Moscow in the Works of Russian Writers: Collection of Scientific Articles]* (issue 7, pp. 46–64). Moscow, MGPU Publ. (In Russ.)
- [10] Malygina, N.M. (2016). Rol Borisa Pilnyaka v pisatelskoy biografii Andrey Platona [The role of Boris Pilnyak in the writer's biography of Andrei Platonov]. *Avtobiografiya*, (5), 95–115. (In Russ.)
- [11] Reed, J. (n.d.). *Desyat' dnei, kotorye potryasli mir [The ten days that shook the world]*. Retrieved October 8, 2020, from <http://zarubezhom.com/10DaysReed.pdf> (In Russ.)

- [12] Volkov, V.S. (2007). *Perviy rektor Tret'ego pedagogicheskogo universiteta v Petrograde: Stranicy zhizny A. Pinkevicha* [*The first rector of the Third Pedagogical Institute in Petrograd: Pages of A. Pinkevich's life*]. Saint Petersburg, RGPU imeni A.I. Herzena Publ. (In Russ.)
- [13] Annenkov, Yu. (1991). *Dnevnik moih vstrech: Cikl tragediy* [*Diary of my meetings: The cycle of tragedies*] (vol. 1). Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russ.)
- [14] Pinkevich, N.N. (2008). Yuri Annenkov: Portret A. Pinkevicha [Yuri Annenkov: Portrait of A. Pinkevich]. *Khudozhestvennyy Vestnik* [*Art Bulletin*], (2), 75–78. (In Russ.)
- [15] Remizov, A.M. (2018). “Na vecherney zare”. Glavy iz rukopisi; pis'ma k S.P. Remizovoj-Dovgello. 1921–1922 gg. [“At the Evening Dawn”. Chapters from the manuscript; letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1921–1922]. *Literaturniy Fact* [*Literary Fact*], (7), 46–81. (In Russ.)
- [16] Shaposhnikov, M. (2018). V obiekte Serebryanogo veka [In the lens of the Silver Age]. *Nashe Nasledie* [*Our Heritage*] (no. 124). Retrieved October 9, 2020, from <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/12416.php> (In Russ.)
- [17] Lichnoye delo Borisa Andreevicha Pilnyaka [Personal file of Boris Andreevich Pilnyak]. (n.d.). *RGALI*. F. 941. Op. 10. Ed. khr. [Unit] 478. L. [Sh.] 2. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Анпилова Лариса Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, независимый исследователь. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-8138-5357>, eLIBRARY SPIN-код: 9105-0771. E-mail: anpilova_ln@mail.ru.

Bio note:

Larisa N. Anpilova, Candidate of Philology, Associate Professor, independent researcher. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-8138-5357>, eLIBRARY SPIN-code: 9105-0771. E-mail: anpilova_ln@mail.ru.

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-43-51

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Онтология смерти в романе М. Шишкина «Письмовник»**Д.В. Кротова**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.*

✉ da-kro@yandex.ru

Аннотация. Выявляются и характеризуются ключевые бытийные грани осмысления феномена смерти в романе М. Шишкина «Письмовник». В анализируемом произведении, как и в художественном мире Шишкина вообще, категория смерти предстает одним из важнейших объектов художественной рефлексии. Исследование раскрывает противоположные грани постижения названного феномена: смерть как безусловное зло и чудовищный абсурд (что подчеркивается многочисленными антиэстетическими характеристиками образов умирания и гибели в романе), и в то же время преодолимость смерти и того зла, которое она несет в себе, расценивание смертности в художественном пространстве романа не только как деструктивного начала, но и как необходимого элемента онтологического равновесия и выражения скрытой от несовершенного человеческого сознания мудрости мироустройства. Аргументируется идея о глубинном внутреннем единстве категорий смерти и любви в романе. Осмысливается парадоксальная идея Шишкина о танатологической стихии как сфере жизнепорождения. Формулируются выводы о неомодернистских ориентирах творчества писателя.

Ключевые слова: русская литература, современная литература, Шишкин, «Письмовник», тема смерти, образ вечности, категория слова, неомодернизм

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Шанхайского фонда философии и общественных наук, проект «Направления и школы современной русской литературы» (2019BWY028).

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 декабря 2020 г.; принята к публикации 25 декабря 2020 г.

Для цитирования: *Кротова Д.В.* Онтология смерти в романе М. Шишкина «Письмовник» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 1. С. 43–51. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-43-51>

© Кротова Д.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The Ontology of Death in M. Shishkin's Novel *The Letter Book*

Daria V. Krotova

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

✉ da-kro@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to characterize the understanding of the phenomenon of death in M. Shishkin's novel *The Letter Book*. In this work, as well as in the literary world of Shishkin in general, the category of death appears as one of the most important objects of reflection. The opposite facets in comprehension of this phenomenon are revealed: death as unconditional evil and monstrous absurdity (which is emphasized by the numerous anti-aesthetic characteristics of the images of dying and death in the novel), but at the same time, the phenomenon of death and the evil that it carries in itself are overcome, and mortality in the literary sphere of the novel is regarded not only as a destructive beginning, but also as a necessary element of ontological balance and an expression of the wisdom of the world order hidden from imperfect human consciousness. The idea of the deep internal unity of the categories of death and love in the novel is argued. Shishkin's paradoxical idea of the thanatological element as a sphere of life creation is understood. Conclusions about the neo-modernism guidelines of the writer's work are formulated.

Keywords: Russian literature; modern literature; Shishkin; *The Letter Book*; the theme of death; the image of eternity; category of word; neomodernism

Acknowledgements and Funding. The study has been carried out with a financial support of Shanghai Foundation for Philosophy and Social Sciences, the project "Directions and Schools of Contemporary Russian Literature" (2019BWY028).

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted December 10, 2020; revised December 15, 2020; accepted December 20, 2020.

For citation: Krotova, D.V. (2021). The ontology of death in M. Shishkin's novel *The Letter Book*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(1), 43–51. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-43-51>

Введение

Роман М. Шишкина «Письмовник» (2010) – одно из значимых явлений современного литературного процесса. Произведение привлекает читателей и исследователей искренностью чувства, мастерством стиля и, безусловно, глубиной онтологической проблематики. Роман посвящен размышлениям об основополагающих бытийных аспектах, среди которых важнейшее место занимает проблема смерти. В «Письмовнике» смерть предстает одной из фундаментальных категорий, во многом определяющих контуры художественного мира произведения. Шишкин сам неоднократно подчеркивал особую роль названной темы в своем романе [1]. В «Письмовнике» изображено много смертей, весь текст буквально пронизан сюжетом ухода из этого мира, расставания с жизнью. Смерти, описанные здесь, очень различны: внезапные и подготовленные долгими болезнями, неожиданные и печально ожидаемые, насильственные и закономерно завершающие естественный

процесс старения. Как признается Владимир, главный герой романа, участник подавления Ихэтуаньского восстания в Китае, смерть «здесь кругом. С утра до поздней ночи и даже во сне» [2. С. 204]. И Володя, и его возлюбленная Сашенька постоянно размышляют о смерти, и это явление осмысливается многогранно, объемно и разнопланово. Задача настоящей статьи заключается в характеристике того видения феномена смерти, которое представлено в произведении.

Обсуждение

В «Письмовнике» М. Шишкина наиболее очевидная грань онтологии смерти связана с восприятием ее как *безусловного зла*. Этот аспект осмысления идеи смерти включает такие коннотации, как тотальная абсурдность, бессмысленность. Смерть зачастую предстает необъяснимой, катастрофической, вопиющей игрой случая. Так, гибель Володи разрушает (как читателю кажется поначалу) счастливый союз влюбленных; абсурдными предстают многочисленные смерти солдат, отдающих свои жизни в разрушительном и бесполезном военном столкновении. Гибель на войне, часто в жесточайших страданиях, молодых, сильных, здоровых людей показывается в романе трагичной и полностью лишенной какого бы то ни было разумного оправдания.

Мысль о смерти как чудовищном абсурде подтверждается даже стилизованным обликом похоронки, сообщившей Володиной матери о гибели сына: язык этого извещения становится гротесковым напластованием официальных штампов, бюрократических и сугубо речевых оборотов, перечислением разных возможных (но в равной мере абсурдных) вариантов кончины Володи. Смерть раскрывается здесь как фатальное зло – непостижимое и страшное в своих уродливых гримасах.

Смерть в обыденных житейских обстоятельствах также изображается отнюдь не возвышенно. Здесь тоже на первом плане оказываются физиологические детали (нередко отталкивающего характера): так, больная раком мать Саша накануне ухода из жизни превращается в «истощенную болезнью старуху», у которой «огромные безобразные шрамы вместо груди» [2. С. 329], в описании умирающего отца главной героини еще более нагнетается физиологизм – обвисшая и дряблая кожа, пролежни, запах нездорового тела. Даже Саша, любящая дочь, «морщится от вони», ухаживая за отцом. Нарочитый антиэстетизм в изображении смерти подчеркивает ее разрушительную, деструктивную суть, противостоящую благим жизненным началам.

Вместе с тем видение смерти в романе Шишкина неоднозначно, сложно и включает различные, даже противоположные грани. Так, смерть и, соответственно, то зло, которое она несет в себе, оказываются не всемогущими. В художественном пространстве романа смерть принципиально преодолима. Так, связь между влюбленными не распадается после ухода Володи из жизни, их душевное единство не утрачивается, и роман в письмах продолжается. Более того, на последних страницах произведения Володя и Сашенька вот-вот встретятся («Любимая! Родная моя! Я иду к тебе. Осталось совсем немного» [2. С. 411]). Смерть не способна воспрепятствовать их соединению, и сила любви преодолевает тлен.

Смерть в романе расценивается не только как деструктивное начало, но и как *бытийная необходимость, выражение скрытой от несовершенного человеческого сознания мудрости мироустройства*. Особенно очевидно подобные смыслы выходят на первый план в сцене беседы Саши с высшим началом, именуемым «Весть и вестник», которое ранее являлось уже ей в образе горящего куста (несомненно здесь библейская аллюзия). «Весть и вестник» объясняет Саше, что смерть является оборотной стороной любви: нужно уметь жертвовать, отдавать, и чем сильнее испытываемое чувство, тем большую онтологическую значимость обретает жертва. Смерть вовсе не оказывается бессмысленной потерей, она в конечном счете служит благу: Саша, пройдя длинный жизненный путь, пережив уход любимого в мир иной, оказывается достойна встречи с ним в пространстве вечности.

Важный элемент бытийных размышлений Шишкина в этом романе – идея о *глубинном внутреннем единстве категорий любви и смерти*. В одном из своих писем к Володе Саша даже говорит о том, что «все великие книги, картины не о любви вовсе. Только делают вид, что о любви, чтобы читать было интересно. А на самом деле о смерти» [2. С. 15]. В истории мирового искусства сущностное родство этих категорий далеко не единожды становилось объектом многогранной рефлексии. Особенно пристально взаимосвязь категорий смерти и любви осмысливалась художниками второй половины XIX – начала XX вв. Достаточно вспомнить оперу Р. Вагнера «Тристан и Изольда» (1865), драму М. Метерлинка «Пеллеас и Мелизанда» (1892), а также написанную на основе этого произведения одноименную оперу К. Дебюсси (1902). В русской культуре обозначенного периода эта тема также обрела яркое художественное воплощение – например, в поэме-сказке М. Горького «Девушка и Смерть» (1892), где близость этих категорий основана, главным образом, на представлении о том, что с возвышенным и прекрасным всегда соседствует уродливое и разрушительное, и жизненный процесс в значительной степени и заключается в борьбе противоположных начал.

У Шишкина в осмыслении единства этих начал на первом плане оказывается нравственная грань. Смерть, неизбежно коррелируя с любовью, становится моральной необходимостью, предопределенной потерей, которая лишь укрепит в вечности союз любящих и сделает души, пережившие страдание, достойными друг друга. Шишкин, с одной стороны, следует представлению о единстве Эроса и Танатоса, намеченном научными (З. Фрейд) и художественными исканиями рубежа веков, а с другой стороны, предлагает и иное, собственное прочтение идеи глубинной взаимосвязи этих категорий.

Существенный ракурс онтологии смерти раскрывается в сцене ухода из жизни Сашиного отца: героиня романа характеризует минуту смерти как «самую важную в жизни человека» [2. С. 395]. Держа отца за руку в этот момент, она «чувствовала себя счастливой» [2. С. 395]. Здесь смерть предстает вовсе не как зло, а как *неизбежный и исполненный наивысшей значимости момент человеческого бытия*.

Именно смерть, как это ни парадоксально, осмысливается в ряде эпизодов романа как *стихия жизнепорождения*. Подобные смыслы раскрываются уже на первых страницах произведения: одновременно и иронически

постулируется, и гротесково опровергается мысль о том, что «сперва был большой взрыв и все сущее разлетелось. Причем все якобы существовало уже до взрыва – и все еще не сказанные слова, и все видимые и невидимые галактики» [2. С. 5]. Жизнь началась с того, что «первоарбуз треснул. Семь на разлетелись и дали ростки» [2. С. 5]. Взрыв, покончивший с прежним состоянием мира, таким образом, дал начало новому витку существования вселенной и стал двигателем новой жизни.

Аллюзии, связанные с жизнепорождающей стихией, возникают в романе и при осмыслении природных реалий, традиционно ассоциирующихся со смертью. Речь идет о фантастическом появлении на свет Сашиной дочери, которая была слеплена из снега, а затем, отогретая материнским теплом, превратилась в обычного ребенка. Образ зимы в привычном семантическом спектре, сложившемся в фольклоре и литературе, нередко сопрягается с такими коннотациями, как умирание, безжизненность, застылость. В «Письмовнике» же именно в зимней стихии зарождается новая жизнь, в результате чего и существование самой Саши наполняется прежде небывалым смыслом.

Глубинное онтологическое значение смерти заключается и в том, что осознание конечности человеческого бытия *предельно обостряет чувства, делает ощущение жизни более ярким, наполненным и отчетливым*. Володя накануне сражения пишет Сашеньке: «Может быть, это из-за ожидания первого боя, не знаю, но я все здесь чувствую острее. <...> Я все вижу по-другому, ярче, будто какая-то пелена спала с глаз, через которую смотрел на жизнь раньше. Все чувства напряжены, я слышу ночь кругом пронзительно – все шорохи, крики птиц, шуршание в траве. Звезды над головой ближе, крупнее. Будто я жил в каком-то ненастоящем мире, а теперь вот я начинаюсь – настоящий» [2. С. 122]. Высказывая подобную идею, Шишкин следует определенной традиции. Так, представление об особой обостренности эмоции в лирике А. Ахматовой высказывал М. Кузмин, вспоминая об обществе в Александрии, «члены которого для более остро и интенсивного наслаждения жизнью считали себя обреченными на смерть. Каждый день их, каждый час был предсмертным. <...> Сама мысль о предсмертном обострении восприимчивости и чувствительности эпидермы и чувства более чем справедлива» [3]. Герой романа Шишкина также ощущает всю полноту бытия именно накануне близкой смерти, и даже его любовь к Саше в это время становится иной: «Я ведь говорил тебе не раз: я тебя люблю. Но сейчас мне кажется, что я говорю это тебе впервые. Потому что теперь я люблю тебя совсем по-другому, иначе. Слова те же, а значат для меня намного больше» [2. С. 123].

В связи с размышлениями о жизни и смерти в тексте романа многократно возникает лейтмотивный образ – *трамвай, который движется к вечности*. Прогуливаясь по городу, Саша вдруг понимает, что «трамвайные рельсы идут к невидимому гвоздику, на котором держится мир. И вдруг так отчетливо увидела: от всех предметов тянутся к этой точке схода линии, будто нити. Вернее, будто туго натянутые резиночки» [2. С. 175]. Этот же образ в ироническом контексте, скрывающем самую глубокую боль переживания, возникает и в эпизодах смерти матери, а потом и отца Саши. Когда

умирает мать, отец восклицает: «Видите ли, она умирает! А мы, значит, не умираем? В трамвае едем! А куда мы едем? Туда и едем!» [2. С. 345]. И почти теми же словами Саша вскоре отвечает отцу: «Умирает он! А мы не умираем? В трамвае едем?» [2. С. 394]. Лейтмотивный образ движущегося трамвая появляется и в ряде других сцен романа, становясь знаком нескончаемого потока бытия и быта. Возникают семантические параллели со стихотворением Н. Гумилева «Заблудившийся трамвай», где заглавный образ вырастает до сложнейшего онтологического символа: трамвай увозит лирического героя за пределы земного бытия, тем путем, который ведет в «Индию Духа». В романе Шишкина, как и в стихотворении Гумилева, трамвай оказывается мистическим символом, в своем движении он свободно преодолевает времена и пространства. У Гумилева трамвай пролетает «сквозь рощу пальм», «через Нил и Сену» и влечет лирического героя туда, где вновь встречается «нищий старик, – конечно, тот самый, / Что умер в Бейруте год назад» [4. С. 298], и сам лирический герой тоже предстает мертвецом: «В красной рубашке, с лицом как вымя, / Голову срезал палач и мне, / Она лежала вместе с другими / Здесь, в ящике скользком, на самом дне» [4. С. 298]. Так же и в романе Шишкина трамвай становится связующим звеном между мирами. Так, Саша, сев в трамвай, встречается со своим отцом, на самом деле уже перешагнувшим порог земного бытия. И у Гумилева, и у Шишкина образ трамвая включает в себя целый спектр бытийных смыслов: это и символ жизненного движения как такового, и знак мистического проникновения в иные миры и пересечения границ между ними, и атрибут погружения в смерть и одновременно избавления от нее.

Размышляя о путях преодоления смерти в романе Шишкина, нельзя не упомянуть и о *категории слова*, которая является одной из важнейших в мышлении писателя и подвергается глубокой художественной рефлексии в целом ряде его текстов. Слово наделяется у Шишкина статусом подлинной реальности; персонажи Шишкина, по мнению Н.М. Солнцевой и М.А. Хлебуса, «живут в пространстве языка» [5. С. 37]. В «Письмовнике» значимость категории слова подчеркивается уже самим названием произведения. О том, что такое слово и какова его бытийная специфика, размышляют в «Письмовнике» оба участника переписки. Среди самых ярких метафор, возникающих при осмыслении этой категории, – например, образ слова как Ноева ковчега, который спасает от небытия явления и предметы действительности. В одном из своих писем Володя называет слово единственной подлинной дорогой к бессмертию. Он вспоминает о существовании человека, «такого же реального, как ты и я, который написал когда-то: „В начале было слово“. И вот слова его остались, а он – в них, они стали его телом. И это единственное реальное бессмертие. Другого не бывает» [2. С. 217].

С размышлениями Володи резонируют и суждения Сашиного отца, который, желая одержать верх над своими недругами и отомстить им, придумал самый действенный способ: не упоминать об этих людях в своих мемуарах. Ведь остается живо только то, что получило отклик в слове, а остальное бесследно уходит. Поэтому врагов и обидчиков отец грозился не упоминать «ни единым словом! Будто их не было! Вычеркнуть из жизни! Сашка,

скажи, разве это не идеальное убийство?» [2. С. 387]. Таким образом, слово в романе противостоит небытию, обретая значение истинного пути в бессмертие.

Заключение

В исключительной роли универсальных категорий в художественном мире Шишкина – таких, как любовь, вечность, смерть и бессмертие – проявляется неомодернистский вектор мышления писателя. Суть неомодернизма как тенденции современной литературы определяется именно стремлением к универсализации, то есть осмыслению неких общезначимых начал человеческого бытия, не зависящих от политической конъюнктуры, не связанных напрямую с историческим контекстом и социальным окружением. Этот принцип неомодернистское художественное сознание наследует от модернистов, для которых первостепенно важным оказывается именно онтологический план содержания.

Неомодернизм как тенденцию современной русской литературы мы уже характеризовали в ряде работ (например, в [6]). Творчество М. Шишкина, с нашей точки зрения, также может быть соотнесено именно с этим направлением развития литературного процесса, на что справедливо указывает в своей статье и Я.В. Солдаткина [7]. Писатель сам подчеркивает, что действие его романа «Письмовник» намеренно выведено за пределы какой бы то ни было конкретно-исторической эпохи: «Ответить на прямой вопрос, где и когда происходит действие, сложно – оно происходит всегда и везде. И роман повествует про всех» [8].

Вектор универсализации сказывается и в том, что роман посвящен размышлениям о самых общих, онтологических основаниях человеческой жизни. Как отмечает И.Б. Ничипоров, «корреспонденция центральных персонажей, а также включенные в нее тексты иных авторов запечатлели архетипы войны и мира, которые оказываются то разведенными на полюса, то взаимодополняющими ракурсами познания бытия» [9. С. 17]. Социальное, временное при этом намеренно отодвинуто на второй план, ведь влюбленные даже живут в разных эпохах, что не препятствует объединяющему их подлинному и искреннему чувству. Сам Шишкин признается, что, по его мнению, «настоящая проза начинается, когда временное выпотевает и остается только то, что живо всегда» [1]. В подобных выводах Шишкин в какой-то степени наследует опыт предшественников, в частности Саши Соколова, который, по словам А.Г. Коваленко, «создает в произведениях некий внепространственный-вневременной мир» [10. С. 432].

Пристальное художественное исследование темы смерти также соответствует логике универсализации. Шишкин в своем романе разворачивает детальную и объемную парадигму осмысления феномена смерти, его онтологической сущности. Особенное внимание к названной проблематике в принципе характерно для неомодернистского художественного сознания, в частности, для Е. Водолазкина («Лавр», «Авиатор», «Брисбен»), А. Варламова («Мысленный волк»), М. Голубкова («Миусская площадь»), раннего П. Крусанова («Ночь внутри»). Каждый из названных авторов ставит свои

акценты в размышлениях об онтологии смерти. Взгляд Шишкина, отраженный в романе «Письмовник», характеризуется концептуальностью, многогранностью и глубиной художественного подхода, одновременно новаторского и учитывающего длительную эстетическую и интеллектуальную традицию.

Список литературы

- [1] М. Шишкин о своем новом романе «Письмовник». Беседа с Л. Данилкиным // Афиша Daily. 2010, 16 августа. URL: https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/archive/mihail_shishkin/ (дата обращения: 20.07.2020).
- [2] Шишкин М. Письмовник. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2017. 414 с.
- [3] Кузмин М. Предисловие к сборнику А. Ахматовой «Вечер». URL: <http://kuzmin.lit-info.ru/kuzmin/kuzmin-kritika/k-sborniku-anny-ahmatovoj-vecher.htm> (дата обращения: 20.07.2020).
- [4] Гумилев Н. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1991. 590 с.
- [5] Солнцева Н.М., Хлебус М.А. Буква и слово в пространстве художественного текста (С. Есенин, М. Шишкин) // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 1. С. 36–40. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-1-36-41>
- [6] Кротова Д.В. Современная русская литература. Постмодернизм и неомодернизм. М.: МАКС Пресс, 2018. 224 с.
- [7] Солдаткина Я.В. Неомодернистские тенденции в современной русской прозе // Литературоведение на современном этапе. Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. К 130-летию со дня рождения Е.И. Замятина: по материалам Международ. конгресса литературоведов (1–4 октября 2014 г.). Тамбов – Елец: Елецкий гос. ун-т имени И.А. Бунина, 2014. Вып. 2. Кн. 2. С. 377–381.
- [8] Шишкин М. «Роман всегда умнее автора». Беседа с Н. Кочетковой // Известия. 2010, 12 февраля. URL: https://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/mihail_shishkin/interview.html (дата обращения: 20.07.2020).
- [9] Ничипоров И.Б. Люди и тексты в романе Михаила Шишкина «Письмовник» // Русистика без границ. 2019. № 3. С. 15–22.
- [10] Коваленко А.Г. Очерки художественной конфликтологии. Антиномизм и бинарный архетип в русской литературе XX века. М.: РУДН, 2010. 491 с.

References

- [1] Danilkin, L. (2010, August 16). M. Shishkin o svoem novom romane “Pis’movnik” [M. Shishkin about his new novel “The letter book”]. *Afisha Daily*. Retrieved July 20, 2020, from https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/archive/mihail_shishkin/ (In Russ.)
- [2] Shishkin, M. (2017). *Pis’movnik [The letter book]*. Moscow, AST Publ., Redaktsiya Eleny Shubinoi Publ. (In Russ.)
- [3] Kuzmin, M. (1912). *Predislovie k sborniku A. Akhmatovoi “Vecher” [Preface to A. Akhmatova’s collection “Evening”]*. Retrieved July 20, 2020, from <http://kuzmin.lit-info.ru/kuzmin/kuzmin-kritika/k-sborniku-anny-ahmatovoj-vecher.htm> (In Russ.)
- [4] Gumilev, N. (1991). *Sobranie sochinenii [Collected works]* (vol. 1). Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russ.)
- [5] Solnceva, N.M., & Khlebus, M.A. (2018). The letter and the world in the fictional realm of works by S. Esenin, M. Shishkin. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23(1), 36–41. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-1-36-41> (In Russ.)
- [6] Krotova, D.V. (2018). *Sovremennaya russkaya literatura. Postmodernizm i neomodernizm [Modern Russian literature. Postmodernism and neomodernism]*. Moscow, MAKS Press Publ. (In Russ.)

- [7] Soldatkina, Ya.V. (2014). Neomodernistskie tendentsii v sovremennoi russkoi proze [Neomodern tendencies in contemporary Russian prose]. *Literaturovedenie na Sovremennom Etape. Teoriya. Istoriya Literatury. Tvorcheskie Individual'nosti. K 130-letiyu so Dnya Rozhdeniya E.I. Zamyatina* [Literary Criticism at the Present Stage. Theory. History of Literature. Creative Individualities. To the 130th Anniversary of the Birth of E.I. Zamyatin]: Materials of the International Congress of Literary Scholars (October 1–4, 2014) (issue 2, book 2, pp. 377–381). Tambov, Yelets, Yelets State University named after I.A. Bunin. (In Russ.)
- [8] Shishkin, M. (2010, February 12). “Roman vseгда umnee avtora”. [The novel is always smarter than the author]. *Izvestiya*. Retrieved July 20, 2020, from https://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/mihail_shishkin/interview.html (In Russ.)
- [9] Nichiporov, I.B. (2019). People and texts in the novel by Mikhail Shishkin “The letter book”. *Russian Studies without Borders*, (3), 15–22. (In Russ.)
- [10] Kovalenko, A.G. (2010). *Ocherki khudozhestvennoi konfliktologii. Antinomizm i binarnyi arkhetyip v russkoi literature XX veka* [Essays on artistic conflictology. Antinomism and binary archetype in Russian literature of the twentieth century]. Moscow, RUDN University. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Кротова Дарья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. eLIBRARY SPIN-код: 9368-4746. E-mail: da-kro@yandex.ru.

Bio note:

Daria V. Krotova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process of the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. eLIBRARY SPIN-code: 9368-4746. E-mail: da-kro@yandex.ru.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА FOREIGN LITERATURE

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-52-59

УДК 821.133.1

Научная статья / Research article

Автобиографика «Моего обращения» Поля Клоделя

К.В. Банников

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 603014, Нижний Новгород, Сормовское шоссе, д. 30

✉ kbannikov@hse.ru

Аннотация. Рассматривается автобиографика в творчестве Поля Клоделя на примере его программного эссе *Ma Conversion* («Мое обращение») 1913 г., написанного по просьбам его почитателей, считающих, что его биография более не принадлежит ему, поэтому опыт его обращения в веру должен стать всеобщим достоянием. Оно несет осознание и осмысление себя, перенесенные в последующие «биографические» художественные произведения. В нем сочетаются разные типы исповеди, проявляются черты проповеди, самовыражения, автобиографии. Язык произведения исполнен образности и многосмысленности. В клоделевском творчестве дистанция проявляется разными способами, от явного биографического автора – *moi, Paul* – до концепированного – *le poète*. Писатель начинает в исповедальной нерешительной манере, но по мере профессионального становления все меньше прибегает к «биографическому автору», оставаясь чаще в стороне в роли творца. В сборнике *Conversations* («Беседы», 1926–1937 гг.), где рефлексии все меньше, поэт рассуждает о действительности, но не описывает свои чувства и поступки, как делал это в молодом возрасте. Автобиографика П. Клоделя позволяет соединить в себе сакральное и профанное, в том время как интимное и публичное выступает в качестве «подготовительного» этапа к многотомному экзегетическому «роману».

Ключевые слова: авторефлексия, образ автора, Поль Клодель, биографический автор, концепированный автор

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 декабря 2020 г.; принята к публикации 25 декабря 2020 г.

Для цитирования: Банников К.В. Автобиографика «Моего обращения» Поля Клоделя // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 1. С. 52–59. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-52-59>

© Банников К.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The Autobiography in Paul Claudel's *Ma Conversion*

Konstantin V. Bannikov

HSE University,
30 Sormovskoe Shosse, Nizhny Novgorod, 603014, Russian Federation

✉ kbannikov@hse.ru

Abstract. The article deals with the autobiography of Paul Claudel in his essay *Ma Conversion* written in 1913 at the request of readers. The readers believe that his biography no longer belongs to him, so the experience of his conversion should be of common property. It reveals his confessional retrospective traits and self-awareness in “biographical” literary works. Different types of confession, features of preaching, self-expression and autobiography are interwoven in the essay. The language of the essay is poetic and polysemantic. Distance is manifested in many ways in Claudel’s works, from the explicit biographical author – “moi, Paul” to the literary author – “le poète”. The writer begins in a confessional, indecisive manner, but as he becomes more professional, he resorts to the “biographical author” less willingly, more often remaining on the sidelines as a literary author. There is less open reflection in the collection of works *Conversations* (1926–1937), so the poet discusses reality, but he does not describe his feelings and actions as he did when he was younger. Claudel's autobiography combines the sacred and the secular, while the intimate and the public act as a “preparatory” stage to a multi-volume exegetic “novel”.

Keywords: autobiography, an author’s image, Paul Claudel, a biographical author, a literary author

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted December 10, 2020; December 15, 2020; accepted December 20, 2020.

For citation: Bannikov, K.V. (2021). The autobiography in Paul Claudel’s *Ma Conversion*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(1), 52–59. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-52-59>

Поль Клодель (1868–1955) занимает особое место во французской литературе. Его творческое наследие обширно: поэзия, драматургия, мемуары, публицистика и экзегетические сочинения. В российской культуре Поль Клодель известен как поэт и драматург. Прозаических сочинений П. Клоделя, известных в России, мало, среди них: «Познание востока», «Глаз слушает», «Капля божественного меда». При этом грандиозные филолого-экзегетические сочинения, собранные в двухтомник «Поэт и Библия» (*Le poète et la Bible*), остаются в стороне от внимания филологов.

Творчеству П. Клоделя свойственна всемирность и всеохватность [1]. Осознание и созидание себя как человека творческого начинается для П. Клоделя в 18 лет, 25 декабря 1886 года, когда он пришел на Рождественскую мессу в Нотр-Дам-де-Пари: «*En un instant mon coeur fut touché et je crus*» («В один миг мое сердце было тронуто, и я поверил» [здесь и далее перевод наш. – К.Б.]) [2. С. 1010]. Несмотря на то, что семья поэта была католической, и сам поэт принимал причастие в подростковом возрасте, они были далеки от религии. После потрясения в соборе Парижской Богоматери

П. Клодель открывает для себя «Озарения» Артюра Рембо и постоянно читает Библию. Позднее настольной книгой становится Вульгата Иеронима Стридонского. После обращения, в период с 1886 по 1913 год, когда был опубликован автобиографический текст *Ma Conversion*, П. Клодель начинает как поэт и одновременно пробует себя на театре, сочиняет прозу время от времени. В этот период он *prosateur occasionnel* [2. С. XXIV], и становление его прозы связано с выговариванием собственного «я».

Цель исследования – маркирование границ и форм автобиографики в одном из ранних произведений «Мое обращение» (1913). Несомненно влияние этого свидетельства на становление писателя, что было неоднократно ранее отмечено исследователями [3. С. 142; 4. С. 12]. В череде рассуждений об этом пратексте П. Клоделя в данной статье прослеживается трансформация автобиографического в художественное. В дальнейшем это позволяет соотнести эстетические поиски П. Клоделя с открытиями русского Серебряного века, запечатленными в творчестве В.С. Соловьева, Вяч.И. Иванова, М. Волошина, В.Э. Мейерхольда, М.И. Цветаевой, начавших создавать «русского Клоделя» [5. С. 713; 6; 4. С. 287].

Авторефлексивность

Одной из характерных черт выговаривания собственного «я» в прозе П. Клоделя является самоотражение, проявляющееся на двух уровнях, в первую очередь – визуальном, идеографическом, где писатель изображает словом и интерпретирует языковые знаки, вводя новые и обогащая существующие образы. Во-вторых, П. Клодель встраивает свое «я», вводя персонаж *le poète* не только в поэзию, но и в драматургию, и в прозу [2. С. 820].

Клодель указывает на важность рефлексии и авторефлексии творчества. В его писательском словаре глагол *refléter* – «отражать» («*Se refléter les dieux!*», «*L'eau qui commence à refléter dès qu'elle s'arrête*» [2. С. 829, 840]), пересекается с глаголом *réfléchir* – «размышлять», что создает синестезический перенос – «Глаз слушает» («*L'Œil écoute*»). П. Клодель часто дает название произведениям через *réflexion* и *refléter*, например: «*Réflexions et propositions sur le vers français*», «*Réflexions sur la poésie*». Рефлексивная окказиональная образность очень близка внутреннему строю П. Клоделя. Один из первых исследователей клоделевского творчества С. Фюме отмечает, что не только глаз слушает, но и ухо видит («*L'oreille voit*»). Таким образом, авторефлексия не только отражение самого автора в тексте, но и размышления о самом себе, творчестве, предназначении и просто о жанре произведения: «*Claudiel, sans le savoir, esquissait ainsi le programme de ses futurs commentaires bibliques mais retrouvait, sur un autre plan, une histoire d'amour! Roman, drame, épopée, poème, c'est ainsi qu'il va concevoir ce qu'il appelle justement 'l'histoire d'amour' de Dieu avec les hommes*» («Клодель, не зная того сам, наметил таким образом программу своих будущих библейских комментариев, но находил, в другой перспективе, историю любви! Роман, драма, эпопея, поэма, таким он создает то, что он называет историей любви Бога и людей») [7. С. XXVI].

Автобиографичность

Светское и религиозное в художественном мире П. Клоделя пересекаются. [8. С. 14–16] Он художник с религиозным самосознанием, о чем он заявляет сразу. Свидетельство тому автобиографический текст *Ma Conversion*, который сочетает в себе исповедальность и мемуарность. Текст написан в 1913 году, через 27 лет после потрясения в соборе Парижской Богоматери, с которого начинается духовный и творческий путь П. Клоделя.

В письме к Андре Жиду он отмечает: *«Вы скажете, что в таком случае я не должен был публиковать рассказ о моем обращении, который Вы без сомнения прочли. Поверьте, что мне это далось тяжело. Но меня просили люди, которым я не имел права отказать, и есть вещи, которые важнее целомудрия»* (*«Vous me direz que dans ce cas je n'aurais pas dû laisser publier ce récit de ma conversion que vous avez lu sans doute. Croyez que cela m'a été très pénible. Mais il m'était demandé par des gens à qui je n'avais pas le droit de le refuser, et il y a des choses plus importantes qu'un sentiment de pudeur»*) [2. С. 1531].

«Мое обращение» поэт начинает со слов: *«Je suis né le 6 août 1868»* («Я родился 6 августа 1868 года») [2. С. 1008], а также упоминает *«moi, Paul»* («я, Поль») [2. С. 1011], что сразу свидетельствует об изображении самого себя. П. Клодель очень эмоционален, повествует о личном и биографическом, он молод, но уже знаменит. Каждое его произведение вызывает большой общественный и творческий резонанс.

Здесь биографический автор не отделим от автора концептированного, П. Клодель, как на исповеди, повествует о том, что привело его к обращению к Богу, рассказывая историю детства в католической семье, которая оставалась безразличной по отношению к вере. Поэт пускается в пространные описания чувств, обнажая душевные переживания молодого человека: *«Tout cela me semblait d'ailleurs triste et fort ennuyeux»* («Впрочем, все это мне казалось печальным и очень скучным»), *«J'avais complètement oublié la religion et j'étais à son égard d'une ignorance de sauvage»* («Я абсолютно забыл религию и был по отношению к ней незнанием дикаря») [2. С. 1009]. П. Клодель описывает и создает себя как писателя, проявляя рациональность «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо.

П. Клодель вплетает в повествование потрясшие его события: смерть деда от рака желудка, открытие «великого поэта» Артюра Рембо. Он пишет, что в тот самый знаменательный вечер 25 декабря 1886 начался интерес к Библии и религии, который стал всепоглощающим в его жизни: *«En un instant mon coeur fut touché et je crus»* («В один миг мое сердце было тронут, и я поверил») [2. С. 1010].

Мемуарность

Перспектива самовыражения проявляется в аффективном изложении событий: *«Dure nuit!»* («Тяжелая ночь!»), *«Ce fut la grande crise de mon existence»* («Это был большой кризис моего существования»), *«Ce qui était le plus répugnant à mes opinions»* («Что было наиболее чуждым моим мнениям») [2. С. 1011], *«J'ai été élevé, ou plutôt instruit, d'abord par un professeur libre, puis*

dans des collèges (laïcs) de province, puis enfin au lycée Louis-le-Grand («Я был воспитан, скорее обучен, сперва преподавателем вольнодумцем, затем в провинциальных коллежах (светских), затем, в конце концов, в лицее Людовика Великого») [2. С. 1008]. Ma Conversion вбирает в себя все возможные модели исповеди: самовыражение, проповедь, автобиография [9].

Перспектива проповеди задана топосом обращения. Проповеднический пафос направлен не только на читателя, но и на самого себя, потому что литература, по мнению П. Клоделя, должна иметь моральный облик, ибо: «*Avant le mot une certaine intensité, qualité et proportion de tension spirituelle*» («Слово рождается из определенной интенсивности, качества и толики духовного напряжения») [2. С. 3].

Перспектива автобиографики раскрывается П. Клоделем через упоминание мест, дат, событий собственной жизни: «*Là, dans cette même église Saint-Médard, je trouvai un jeune prêtre miséricordieux et fraternel, M. l'abbé Ménard, qui me réconcilia, et plus tard le saint et vénérable ecclésiastique, l'abbé Villaume, qui fut mon directeur et mon père bien-aimé, et dont, du ciel où il est maintenant, je ne cesse de sentir sur moi la protection. Je fis ma seconde communion en ce même jour de Noël, le 25 décembre 1890, à Notre-Dame*» («Там, в той же церкви Сен-Медар, я встретил молодого сострадательно-го священника, который меня по-братски утешил и вернул к вере, и позже святой и почтенный служитель Церкви аббат Вийом, который стал моим духовником и горячо любимым отцом, и защиту которого я не перестану чувствовать на себе до сих пор, уже с небес, где он сейчас. Я причастился во второй раз в тот же рождественский день, 25 декабря 1890, в Нотр-Даме») [2. С. 1014].

Поль Клодель постоянно делает отсылки к себе, «*C'est à moi, Paul*», и к реалиям: Нотр-Даму, дате своего рождения, событиям церковного календаря, встречам. П. Клодель понимает, что его биография уже факт литературы, о чем свидетельствует вышеприведенный фрагмент из переписки с Андре Жидом.

Перспектива эстетики выражения проявляется в использовании и тщательном отборе П. Клоделем лексических и грамматических средств. «*En un instant mon cœur fut touché et je crus*» («В один миг мое сердце было тронут, и я поверил») [2. С. 1010]. Возникает вопрос: кем было тронут сердце поэта, он оставляет некую недвусмысленную двусмысленность, которую просто разрешает – текст о Боге, здесь можно смело предположить, что Бог спустился и прикоснулся к нему, либо остаться на уровне художественной образности, не достраивая логический конец фразы.

К месту приходятся слова М.М. Бахтина о том, что автор творит в присутствии третьего [10. С. 284]. У П. Клоделя третий открыто обозначен – это Бог. Авторефлексия уже здесь начинает переходить в стиль или новое «романное слово», что проявилось позднее в его экзегетике.

П. Клодель пишет красиво и поэтично: «*C'est à moi, Paul, entre nous, qu'il s'adressait et il me promettait son amour*» («Он обращался ко мне, к Полю, между нами и мне обещал свою любовь») [2. С. 1011], где «он» – Бог. «*C'était l'homme nouveau en moi qui parlait ainsi, mais l'ancien restait de toutes ses*

forces et ne voulait rien abandonner de cette vie qui s'ouvrait à lui. L'avouerai-je ?» («Это был новый человек во мне, который так говорил, но предыдущий оставался всеми силами и никак не хотел покидать эту жизнь, которая открывалась перед ним. Признаюсь ли я в этом?») [2. С. 1012]

Грамматически П. Клодель в одном произведении использует два схожих времени: *passé simple*, *passé composé*. Известно, что использование *passé simple* обозначает переход регистра в формальный/возвышенный и историзм, отстраненность от событий [11. С. 1093–1094]. Действительно, П. Клодель повествует о событиях, уже ставших историей, но он также использует *passé composé*, что наталкивает на мысль о том, что *passé simple*, как позже и латынь, для поэта – это переход к профетическому от обыденного профанного языка, ведь использует он его именно описывая озарение. Сравним: *«J'ai été élevé, ou plutôt instruit, d'abord par un professeur libre» («Я был воспитан, или точнее обучен вольнодумцем»)* [2. С. 1008] – *«En un instant mon coeur fut touché et je crus» («В один миг мое сердце было тронут, и я поверил»)* [2. С. 1010].

П. Клодель, как и блаженный Августин, повествует *de profundis*: *«Je priais Dieu avec larmes en secret» («Я молился Богу втайне в слезах»)*, *«Je ne pouvais me rassasier du spectacle de la messe» («Я не мог насытиться зрелищем мессы»)*, он совершает реальный и литературный шаг исповедания, признаваясь в том, что было уже непринято в современном ему обществе. Так, в *Ma Conversion* есть описание его рассказа о пережитом прихожанину церкви Сен-Медар: *«Je trouvai un vieil homme qui me parut fort peu ému d'une histoire qui à moi semblait si intéressante; il me parla des 'souvenirs de ma première communion' (à ma profonde vexation), et m'ordonna avant toute absolution de déclarer ma conversion à ma famille: en quoi aujourd'hui je ne puis lui donner tort» («Я нашел старичка, который мне показался сильно смущенным историей, которая казалась мне такой интересной; он поговорил со мной о „воспоминаниях о моем первом причастии“ (к моему глубокому смущению) и приказал мне до отпущения грехов объявить о моем обращении моей семье: в чем я не могу его сегодня винить»)* [2. С. 1013].

Заключение

Таково начало не только духовной, но и поэтической, творческой жизни. Произведение задает его дальнейшую риторическую позицию и «делает его поэтом»: *«L'éveil de l'âme et celui des facultés poétiques» («Пробуждение души и пробуждение поэтических способностей»)*, *«Ah, ce n'était plus le pauvre langage des livres de dévotion! C'était la plus profonde et la plus grandiose poésie, les gestes les plus augustes des êtres humains» («Ах, это больше не тот бедный язык благочестивых книг! Это была самая глубокая и грандиозная поэзия, самые священные людские жесты»)* [2. С. 1012].

Достигая цели исследования, можно отметить, что в *Ma Conversion* П. Клодель, молодой поэт, через авторефлексию и автобиографику делает важный метафизический шаг к обретению собственного голоса. Тронутый благодатью, он не растрчивает ее, а превращает в творчество, стремясь вернуться к Ренессансу через символизм и барокко, труды святого Фомы Аквинского [12] и традицию средневековой схоластики. Он переосмысляет веру и творчество на свой манер через призму современности.

Список литературы

- [1] Lioure M. Claudel et l'Europe // *Travaux de littérature*. 1993. VI. Pp. 285–296.
- [2] Claudel P. *Oeuvres en prose*. Gallimard, 1965. 1627 p.
- [3] Гришин Е. В. Религиозная драма поля Клоделя: эстетика и творчество // *Вестник ТГУ*. 2007. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-drama-polya-klodelya-estetika-i-tvorchestvo> (дата обращения: 12.03.2020).
- [4] Некрасова И.А. *Поля Клодель и европейская сцена XX века: монография*. СПб.: Изд-во СПбГАТИ, 2009. 464 с.
- [5] Millet-Gérard D. *Anima et la Sagesse: pour une poétique comparée de l'exégèse claudélienne*. Paris: Editions P. Lethielleux, 1990.
- [6] Millet-Gérard D. Claudel et Ivanov traducteurs d'Eschyle // *Художественная реальность и литературный концепт: сб. материалов Международной научной конференции «Лингвистические основы международной коммуникации», 20–22 сентября 2007 г.* Нижний Новгород, 2007. С. 73–84.
- [7] Fumet S. *Claudiel*. Gallimard, 1958. 252 p.
- [8] Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиографика и православие в России конца XVII – начала XX века: сборник статей / под ред. Л. Манчестер, Д.А. Сдвижкова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 408 с.
- [9] Степина А.Н. Формально-содержательные модели литературной исповеди в книжности древней Руси // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2012. № 1. С. 34–38.
- [10] Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества* / сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцев, С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- [11] Grevisse M. *Le bon usage. Grammaire française*. 14e. éd. / refondue par A. Goosse. Paris – Gembloux: Duculot, 2008. 1322 p.
- [12] Millet-Gérard D. *Claudiel-thomiste?* Paris: Honoré Champion, 1999.

References

- [1] Lioure, M. (1993). Claudel et l'Europe. *Travaux de Littérature*, VI, 285–296.
- [2] Claudel, P. (1965). *Oeuvres en prose*. Gallimard.
- [3] Grishin, E.V. (2007). Religioznaya drama Polya Klodelya: estetika i tvorchestvo [Religious dramatic art of Paul Claudel: aesthetics and creativity]. *Tomsk State University Journal*, (4). Retrieved March 12, 2020, from <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-drama-polya-klodelya-estetika-i-tvorchestvo>. (In Russ.)
- [4] Nekrasova, I.A. (2009). *Pol Klodel i evropeyskaya stsena XX veka* [Paul Claudel and the European scene of the 20th century]. Saint Petersburg, SPbGATI Publ. (In Russ.)
- [5] Millet-Gérard, D. (1990). *Anima et la Sagesse: pour une poétique comparée de l'exégèse claudélienne*. Paris, Editions P. Lethielleux.
- [6] Millet-Gérard, D. (2007). Claudel et Ivanov traducteurs d'Eschyle. *Artistic Reality and Literary Concept: Collection of Materials of the International Scientific Conference "Linguistic Foundations of International Communication"* (pp. 73–84). Nizhny Novgorod.
- [7] Fumet, S. (1958). *Claudiel*. Gallimard.
- [8] Manchester, L., & Sdvizhkova, D. (Eds.). (2019). *Vera i lichnost v menyayushchemsya obshchestve. Avtobiografika i pravoslavie v Rossii kontsa XVII – nachala XX veka* [Faith and personality in a changing society. Autobiography and orthodoxy in Russia in the late XVII – early XX century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russ.)
- [9] Stepina, A.N. (2012). Formal and content model of literary confession in Old Russian literature]. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, (1), 34–38. (In Russ.)
- [10] Bakhtin, M.M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creation]. Moscow, Iskustvo Publ. (In Russ.)

- [11] Grevisse, M. (2008). *Le bon usage. Grammaire Française*. 14e. éd. Paris, Gembloux, Duculot.
- [12] Millet-Gérard, D. (1999). *Claudiel-thomiste?* Paris, Honoré Champion.

Сведения об авторе:

Банников Константин Валерьевич, преподаватель департамента литературы и межкультурной коммуникации Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ – Нижний Новгород). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-2046-6919>. E-mail: kbannikov@hse.ru.

Bio note:

Konstantin V. Bannikov, Assistant Professor of the Department of Literature and Intercultural Communication of the HSE University, Nizhny Novgorod. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-2046-6919>. E-mail: kbannikov@hse.ru.

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-60-70

УДК 82.01

Научная статья / Research article

Шутовство в слове героя и проблема исторической формы романа Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей»

К.В. Синегубова , А.А. Аксенова

Кемеровский государственный университет,
Российская Федерация, 650000, Кемерово, ул. Красная, д. 6
 AA9515890227@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности взаимодействия формы романа и слова героя в произведении Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей». Целью является объяснение некоторых аспектов гибридизации языкового сознания в данном литературном произведении. Ставится задача прояснить актуализированную М.М. Бахтиным проблему слова в романе. Выдвигается общий тезис о том, что тенденция к гибридизации позволяет объяснить соседство серьезного и смешного в пределах высказывания героя: граница между прозаичной реальностью и собственным миром героя обнаруживается именно в тех моментах, когда герой обращается к шуткам. Слово героя указывает на тенденцию к эстетизации бытовой обстановки. Такая тенденция приводит к учащенной гибридизации повседневных слов и Священного Писания. Роман «Зима тревоги нашей» выходит за пределы дидактического произведения и обнаруживает некоторые черты плутовского романа, однако постоянным атрибутом плутовского романа является повествование от первого лица. Вместо этой формы повествования в романе Дж. Стейнбека возникает сближение точек зрения героя и рассказчика. Опираясь чертами плутовского романа, произведение остается многомерным, не сводится лишь к какой-то одной из существующих романских форм и типологически является скорее экспериментальным, антиплутовским. Шутовство героя дает ему право на отчуждение, в котором преодолевается односторонность зрения других персонажей романа. Гибридизация языков в этом произведении играет ключевую роль в понимании смысла романа.

Ключевые слова: слово в романе, патетика, маска героя, гибридизация

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 11 ноября 2020 г.; принята к публикации 18 ноября 2020 г.

Для цитирования: Синегубова К.В., Аксенова А.А. Шутовство в слове героя и проблема исторической формы романа Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 1. С. 60–70. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-60-70>

Buffoonery in the Speech of the Character and the Issue of Historical Form in the Novel *The Winter of Our Discontent* by J. Steinbeck

Kapitalina V. Sinegubova , Anastasia A. Aksenova

Kemerovo State University,
6 Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russian Federation
 AA9515890227@yandex.ru

Abstract. The intention is to explain some aspects of hybridization of language consciousness in this literary work. The aim of the study is to clarify the issue of a word in the novel, which was updated by M.M. Bakhtin. The general thesis is that the tendency to hybridization explains the juxtaposition of serious and funny within the character's utterance: the border between prosaic reality and the character's own world is found precisely when he turns to jokes. The speech of the character indicates a tendency to aestheticize the household environment. This trend leads to a high-intensity hybridization of everyday words and *Holy Scripture*. The novel *The Winter of Our Discontent* is more than a didactic literary work and reveals some features of the picaresque novel, but the necessary feature of the picaresque novel is the first-person narrative. Instead of this form of narration the character and the narrator's points of view are brought closer together in the novel by J. Steinbeck. The literary work with the features of the picaresque novel remains multidimensional and does not reduce only to one of the existing novel forms, and typologically is rather anti-picaresque. The character's buffoonery gives him the right to detachment, due to which the skewed nature of other characters in the novel is overcome. The language hybridization in this work plays a key role in understanding of the novel.

Keywords: the word in the novel, pathetic, character's mask, hybridization

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted November 11, 2020; revised November 13, 2020; accepted November 18, 2020.

For citation: Sinegubova, K.V., & Aksenova, A.A. (2021). Buffoonery in the speech of the character and the issue of historical form in the novel *The Winter of Our Discontent* by J. Steinbeck. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(1), 60–70. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-60-70>

Вступление

Роман Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей» в большей мере исследован в англоязычной научной традиции, как правило его рассматривают в контексте всего творчества автора. В советской традиции указанный роман являлся предметом отвлеченно-идеологического рассмотрения [1. С. 20–27; 2. С. 122–142; 3. С. 197–208]; современная отечественная научная традиция также сосредоточена на морально-нравственной проблематике Стейнбека [4. С. 9–13; 5]. В статье О.Ю. Осьмухиной выдвигается заключение, что «образ Хоули персонифицирует проблему человека, связанную с нравственным падением и разложением личности: именно тяга к деньгам, дух стяжательства и наживы незаметно развращают героя» [5. С. 48]. В работе В.С. Дворяшиной

«Библейские мотивы в романе Джона Стейнбека „Зима тревоги нашей“» акцент сосредоточен на проблеме предательства и муках совести.

Такое восприятие романа во многом обусловлено лежащим на поверхности дидактико-морализаторским потенциалом, на что указывают Конни Пост [6] и Брайан Рейлсбэк: «Многих рецензентов и критиков произведений Джона Стейнбека раздражает или, по крайней мере, смущает стремление автора вкладывать в свои книги порой грубоватый моральный смысл» [7. С. 139]. Это прочтение представляется нам не вполне адекватным смыслу произведения, поскольку в силу односторонней трактовки романа образ героя сводится лишь к персонификации нравственного падения.

Мы полагаем, что образ героя не ограничивается этическим содержанием, поскольку сугубо этическая плоскость – это сфера ценностных позиций только самих персонажей. Постоянные метаморфозы Итана Хоули и попытки его ускользания как от читателя, так и от самого себя проявляются прежде всего в речевой манере. Серьезная проблематика романа не вызывает сомнений, но всякому читателю бросается в глаза, что этот герой слишком часто пытается шутить, систематически подменяет серьезные реакции на «дурачество». Возникает предположение о *сознательной речевой манере*.

Мы видим, что постоянное переключение речи героя от полной серьезности к шутке и обратно – знак пограничного положения его жизни между правдой и ложью, домом и миром, свободой и долгом, покоем и тревогой. С точки зрения других персонажей, смех снижает озабоченность важными бытовыми и деловыми вопросами, а с точки зрения главного героя – маскирует его глубокую рефлексия и тревогу. В свете этого роман обретает двойное измерение: на первом уровне выступает все то, что напрямую сказывается в словах, а на втором – все то, что лежит (и умалчивается) за ними.

Двойственность героя приводит к явлению гибридации в рамках его сознания различных социальных языков [8. С. 113]. Мы полагаем, что гибридация языков здесь также оказывает влияние на жанровые характеристики этого произведения: прослеживаются черты плутовского романа. В исследовании Н.Б. Томашевского, согласно которому появление плутовского романа было обусловлено социально-экономическими условиями в Испании XVI века, можно увидеть, что в изображенном мире романа само американское общество послевоенного времени порождает (провоцирует появление) героя-хитреца.

Согласно замечанию Симон Стоу, «центральное место в изображении романа Стейнбека „Зима тревоги нашей“ занимает представление о порочности американского общества и ложном характере ценностей. Рассказчик неоднократно выражает августианианское представление о том, что социальная и политическая респектабельность – это просто вопрос успеха, а не показатель нравственного уровня» [9. Р. 339]. Общей чертой двух эпох является несовместимость жизненного успеха с традиционными моральными ценностями. Но плутовские рекомендации как юмористическая установка («вредные советы») – это не то, что встречается в нашем случае. В этом романе XX века «плутовские рекомендации» даются не самим героем и не рас-

сказчиком (как в испанском плутовском романе), а наоборот – другими персонажами (а от их лица – и самой эпохой) Итану Хоули.

Так начинается своего рода эксперимент: как только Итан следует этим «советам» – ему становится невыносимо тяжело на душе, что маскируется в его речи шуткой. Постоянная рефлексия по поводу своего низкого социального статуса и желание обеспечить свою семью являются частью его внешней включенности в мирскую жизнь, а попытки добиться финансового благополучия ведут его к решениям, отягощающим душевное состояние. Можно сказать, что роман «Зима тревоги нашей» оперирует чертами плутовского романа, но является скорее антиплутовским.

Шутовство Итана Хоули как право на отчуждение

Для героев плутовского романа вполне характерны постоянные метаморфозы, что отмечает М.М. Бахтин: «Шут и дурак – метаморфоза царя и бога, находящихся в преисподней, в смерти (ср. аналогичный момент метаморфозы бога и царя в раба, преступника и шута в римских сатурналиях и в христианских страстях бога). Здесь человек находится в состоянии иносказания. Для романа это состояние иносказания имеет громадное формообразующее значение. Все это приобретает особую важность в связи с тем, что одной из самых основных задач романа становится задача разоблачения всяческой конвенциональности, дурной, ложной условности во всех человеческих отношениях» [10. С. 311]. Обо всех метаморфозах Итана читатель узнает со слов рассказчика, но и в самих воспоминаниях героя, в описании домашнего пространства, где сохранились следы тех времен, когда коренные жители из семьи Хоули располагали большим состоянием.

Итак, для романа Стейнбека состояние иносказания, в котором почти постоянно пребывает герой, имеет формообразующее значение. Н.Д. Тамарченко обращает внимание на «расщепление изначальной целостности человека и социального мира и поиски синтеза их разобобщенных и утративших прежний смысл начал» [11. С. 27] и также утверждает, что указанная проблема имеет формообразующие функции в романе.

В своей статье В.И. Тюпа обращает внимание на весьма значительный для нас момент: «Не вызывает сомнений, что главный герой то и дело надевает на себя маску (личину) шута, за которой скрывается умное и скорбное лицо. Мэри называет мужа „дурачком“ и тогда, когда он говорит серьезнейшие вещи. „Перестань дурачиться!“ в ее устах – своего рода рефрен повествования» [12. С. 85]. Шутки Итана в этом произведении выступают как противопоставление (или защита) от бессмысленного существования. В монографии Л.Ю. Фуксона для нас важна мысль о том, что «юмор – оптика различия, индивидуации» [13. С. 222]. Мы рассматриваем *шутовство Итана Хоули как реализацию права на отчуждение*, поскольку это единственный способ сохранить свое «я» в окружающей атмосфере, чуждой герою по духу.

Отправной точкой развития конфликта между общественным положением и внутренним ощущением героя является череда финансовых неудач, в результате которых он оказывается продавцом в том квартале, который когда-то принадлежал его предкам. Отметим, что предметом изоб-

ражения плутовского романа всегда является пошлая, пронизанная меркантильным духом действительность. Необходимость выжить и прокормить себя развивают сноровку, а благодаря ловкости плут легко входит в круг богатых и знатных людей. Но в этом романе хозяин лавки Марулло учит Итана: «Учись ловчить, мальчуган, не то прогоришь», в то время как рассказчик подчеркивает тоску героя по спокойному размышлению, ощущению себя самим собой, желание избавиться от необходимости ориентироваться на других.

Герой изображается в двойном освещении: с позиции «я-для-себя» и «я-для-других», в зависимости от пространства, в котором он находится. С.В. Дворяшина пишет об этом так: «Для Итана как для человека, переживающего духовный личностный кризис, дом дает ощущение бытового комфорта, связи с семейной историей, но при этом он же является пространством несвободы, обусловленной необходимостью добросовестно исполнять социальные роли примерного мужа и отца семейства, бедного, но гордого потомка уважаемой семьи» [14. С. 291–292]. В лавке, которая в описании рассказчика похожа на собор, герой проявляет свои чувства, улавливает сходство между атмосферой в лавке, где товар выставляется в самом выгодном виде, и торжественной тишиной в соборе: «Рассеянный свет, наводнивший помещение, напомнил Итану собор в Шартре. Он помедлил, любясь органическими трубами из банок с томатной пастой, часовнями из горчицы и оливок, сотнями овальных гробниц для сардин» [15. С. 20]. Важно, что такое описание лавки дается уже *не глазами героя, а глазами рассказчика*, который здесь солидаризируется с позицией персонажа.

Сопоставление величественного пространства (собор), в котором воплощаются духовные ценности и обыденного пространства (продуктовая лавка), где воплощаются товарно-денежные отношения и приоритеты телесные, указывает на ценностный конфликт в положении самого Итана. На протяжении всего романа происходит спор духовных и торговых ценностей.

Появление шуток и каламбуров скрывает тревогу, что постепенно становится очевидно для читателя, а затем и сам герой «проговаривается» об этом: «Когда на душе у меня беспокойно, я дурачусь, чтобы моя любимая не догадалась, как мне тяжело» [15. С. 62]. Замечание критиков о том, что юмор героя роof quality не кажется нам оправданным. Попытки героя «делать хорошую мину при плохой игре» скорее создают впечатление *двойничества героя*. Как отмечает Л.Ю. Фуксон, «игнорирование ценностно-смысловой значимости юмора, по сути, обрекает на поверхностное понимание конкретных юмористических текстов» [13. С. 193]. Речевое поведение здесь указывает на разрыв между ролью «я-для-других» и «я-для-себя» в самом персонаже: «Тихий, сумрачный и сокровенный день Итана Аллена Хоули закончился. Человек, ритмично подметавший тротуар, был уже не тем, кто мог читать проповеди консервам, или распевать литании, или дурачиться в уборной. Он сгреб окурки и обертки от жвачки, шелуху от распустившихся почек и обычную уличную пыль...» [15. С. 22]. Переключение героя на другие обязанности изображается в романе как очередная метаморфоза («чело-

век... был уже не тем»), при этом происходит не только переход от шутовского и одновременно патетического к серьезному и обыденному облику, но и переход от слова к безмолвию.

Проблема патетического слова

Патетическое слово героя в этом произведении вслед за М.М. Бахтиным понимается нами как слово «пророка без миссии, политика без политической силы, верующего без церкви и т. п. – повсюду патетическое слово связано с такими установками и позициями, которые для автора во всей своей серьезности и последовательности недоступны, но которые в то же время он должен условно воспроизводить своим словом» [8. С. 150]. В предложенной статье мы остановимся на истолковании образа языка героя, его высказываний в контексте смыслового целого.

Риторика Итана Хоули строится на противопоставлении общего места (высокопарной цитаты) как репрезентации признанного всеми порядка и речевого каламбура как проявления позиции самого героя, близкого к точке зрения наблюдателя. Настоящее «я» Итана Хоули избегает серьезного высказывания, предпочитая опосредованное шуткой, смеховое воздействие. Знаменитая фраза Остапа Бендера «лед тронулся, господа присяжные» – пример «игры на публику» и театр для самого себя, как и возгласы Итана Хоули: «внемлите мне, маринованные груши и пикули». Тесное соседство духовного (проповедь) и телесного (консервированные груши) как сближение высокого и низкого, культурного и натурального образуют здесь смеховой принцип риторики Итана. Такой образ языка открывает его подлинное живое лицо под маской и обнаруживает в сознании героя духовные поиски смысла.

Постоянный перевод в речах Итана Хоули патетической фразеологии в бытовой план создает в языковом отношении юмористическую натяжку большого на малое: «Итан поднял правую руку, сложил пальцы в пригоршню, ладонью вперед, и объявил: – Внимайте мне, консервированные груши <...> Эти мерзавцы вставали рано и времени зря не теряли. Ну-ка, что там дальше? „Было же около шестого часа дня“, по-нашему, полдень, „и сделалась тьма по всей земле до часа девятого, и померкло солнце“. Как видите, я прекрасно все помню. Боже милосердный, до чего он долго умирал, я бы даже сказал – невыносимо долго! – Итан уронил руку и задумчиво оглядел уставленные консервами полки, будто ждал от них ответа» [15. С. 21]. Проповедь перед консервами не только комична, но и обнаруживает некоторые очень серьезные вещи. Во-первых, присутствуют довольно точные цитаты из Священного Писания, во-вторых, благодаря акцентам, которые расставляет Итан, евангельские события «оживают», поскольку герой *со-переживает* происходящему.

Со временем для Итана переживать день «страстной пятницы» становится все тяжелее, так как все ближе и понятнее для него становится одиночество каждого человека, он признается, обращаясь к другу: «Из года в год, с самого детства, и чем дальше, тем хуже... Так и слышится Его возглас: „lama sabachhani“, и такое в нем одиночество...» [15. С. 41–42]. Это подтвер-

ждается еще одним размышлением героя: «Ни один человек по-настоящему не знает других людей. Самое большее, на что он способен, – предположить, что они похожи на него. <...> Порой в чужих глазах мелькает взгляд затравленного зверя, ищущего, где бы затаиться и переждать, пока душевный трепет сойдет на нет, где можно побыть одному» [15. С. 63]. Разумеется, в этом высказывании идет речь не столько о потребности в уединении, сколько о более глубоком, тотальном одиночестве каждого и переживании, которое невозможно разделить с кем-то другим.

Мы обращаем внимание на тот факт, что герой, прежде чем Мэри откроет глаза, «сунул мизинцы в рот, растянул щеки и изображает лягушку» [15. С. 10]. Самое первое действие персонажа в романе мы наблюдаем *уже в присутствии другого* героя: происходит подмена собственного выражения лица на «веселую маску», в то время как самое последнее, что будет известно читателю – относится не к его внешности, а к мыслям героя: «Я должен вернуться... Я должен отдать талисман его новой хозяйке. Чтобы еще один свет не погас» [15. С. 346]. Такой финал вызывает закономерный вопрос: в какой момент умирает герой романа? Выбрался ли Итан Аллен из заполняющейся водой пещеры? А если и выбрался, то «огонек» этого представителя рода Хоули уже погас где-то попутно и, по словам самого героя, талисман переходит к своей новой владелице (его дочери). Момент этого угасания нигде четко не зафиксирован, он растворяется в контексте происходящего и сознательно укрывается самим героем под маской напускной веселости.

Тему спора духовного и бытового демонстрирует обращение Итана к воробьям: «шумно чирикали, клевались, норовя попасть в глаз, и не заметили, как подошел Итан. – Птички в гнездышках дружны, – проговорил он, остановившись, чтобы полюбоваться битвой. – Почему не дружим мы?.. Бред сивой кобылы! Вы, ребята, не можете поладить даже в такое прелестное утро. Зря с вами так носился святой Франциск! Кыш-ш! – Итан бросился к воробьям, размахивая руками, и они шумно вспорхнули, горько сетуя скрипучими голосами. – Вот что я вам скажу, – заметил он им вслед. – В полдень солнце померкнет, на землю упадет тьма, и вы устраситесь» [15. С. 13–14]. Обращение к воробьям пародирует Святого Франциска. Слова Итана являются перифразом из ветхозаветной книги пророка Исайи: «Ибо вот, тьма покроет землю, и мрак – народы; а над тобою воссияет Господь, и слава Его явится над тобою» [Ис. 60:2]. Направленность живого интеллекта и культурологического кругозора на ежедневные мелко-бытовые задачи подчеркивает погружение героя в прозаический мир примитивных забот о хлебе насущном, а битва воробьев напоминает ежедневные мелкие битвы «за хлебные крошки» среди самих жителей городка. Когда герой обнаруживает результаты своих трансформаций изменить что-либо уже слишком поздно, отсюда возникает попытка самоубийства. Эрудиция и остроумие Итана постоянно обнаруживается в его слове, однако слово это часто направлено на решение мелких вопросов, что и задает этот ощутимый контраст.

Разговор с уличной собакой выдает мнение самого героя о прошлом и настоящем, об уровне образования сына, о своем финансовом положении. Шуточное предположение, что пес способен «дать отзыв о книге» обращено

здесь к абсолютно серьезной тревоге за будущее своего сына. Также и невольно насмешливое сравнение в отношении сына возникает в сознании Итана Хоули, когда приходит известие о плагиате: «Глаза у него были, как у загнанной в угол мыши, готовой из последних сил кинуться на веник» [15. С. 343]. Всякое осмеяние в устах героя не является произвольной бессмыслицей (как это кажется другим героям романа), а обнаруживает все то, что не может быть высказано напрямую. Справедливо указание Л.Ю. Фуксона, что «понимание юмора как развлекательного смеха, не связанного с идеями, нормами, ценностями, мы считаем в корне ошибочным» [13. С. 193]. Комическое сближение малого и великого, частного и общего, приводит к открытию смеющимся героем, а вместе с ним и читателем, развенчания общественных установок, которые тяготеют к сфере мертвых шаблонов: «Уже бегу! Как насчет яичницы? / – Пожалуй, подойдет. Кстати, почему именно Великая Пятница? Что в ней великого?» [15. С. 11]. Здесь среди шуток и бытовых дел герой задается масштабным вопросом: что великого в Великой Пятнице? На вопрос этот, очевидно, нельзя ответить попутно.

Конечно, здесь, уже в самом вопросе сталкиваются частное и общее: традиция почитания Великой Пятницы и жизнь обычного человека (самого героя), который завтракает яичницей, идет на работу в лавку и т. д. Разговор о яичнице и о Великой пятнице в романе воспринимается как аллюзия: «Мешать Божий дар с яичницей». Все «великое», «историческое», «глобальное» освещается смыслом, перестает быть пустой абстракцией, когда соотносится с жизнью конкретного человека, проживается, осмысливается им. Герой вполне серьезно воспринимает события Священного Писания не только под впечатлениями из детства, но и особенно сейчас, как взрослый человек, он ужасается тому, что та мучительная казнь на кресте называется «великой», и задается духовным вопросом «что в ней великого?». Такой вопрос задает другой ракурс понимания: проявляется установка на осмысление, отказ от автоматизма (привычного восприятия праздника).

В этом же месте романа он отзывается о своих предках: «Зато на кораблях, которые они обстреливали, их считали пиратами. А те римские солдаты считали, что это была казнь» [15. С. 10]. Очевидно, что Итан живет той внутренней жизнью, где библейские и евангельские события оказываются ему ближе, чем окружающая обстановка. Он, словно ощущая себя сопричастным всему большому, заброшен в малое. Поэтому то, что кажется с точки зрения Мэри «дурачеством», для самого героя не только шутка.

Заключительные замечания: эксперимент с формой или антиплутовской роман XX века

В романе Стейнбека, как и в плутовском романе, нарушается единство поступка и события, герой уже и сам не может решить, кто же он: «преступник или честный человек, злой или добрый, трус или смелый? Можно ли говорить о заслугах, преступлениях, подвигах, создающих и определяющих его облик? Он стоит вне защиты и обвинения, вне прославления или разоблачения, он не знает ни покаяния, ни самооправдания, он не соотносен ни с какой нормой, ни с каким требованием или идеалом, он не один» [10. С. 219].

Как и в плутовском романе, здесь «обнажается резкий разрыв между человеком и его внешним положением – саном, достоинством, сословием. Вокруг плута все высокие положения и символы, как духовные, так и светские, в которые с важностью и лицемерною ложью облакался человек, превращаются в маски, в маскарадные костюмы, в бутафорию. В атмосфере веселого обмана происходит преобразование и улегчение всех этих высоких символов и положений, их радикальная переакцентуация» [10. С. 163]. Важно, что плутовской роман является антирыцарским: в нем представлены люди, лишенные чести, чьи предки прославились не героическими подвигами, а убийством и воровством (как и сами предки Итана Хоули – пираты).

Однако в плутовском романе герой становится тем, что требуется от него для выживания (без всяких сомнений и мук совести). То есть маска «для других» и «для дела» в плутовском романе срастается с реальным лицом, он чувствует себя органично: чем ловчее удастся «надуть» окружающих, тем лучше. Но в романе Стейнбека герой постоянно чувствует чужеродность такой маски и сам уверяет себя, что она временна. Неслучайна такая деталь, как маска Микки Мауса, которую он планирует задействовать в ограблении банка. Игрушка, которую просит сын, становится атрибутом опасного дела (ограбления), то есть преступление взрослого человека им самим (Итаном) осознается как временная, игровая мера, чтобы поправить свое финансовое положение.

Роман Дж. Стейнбека вовсе не сводится ни к узкому прочтению его как иллюстрации социальных и психологических вопросов, ни к аллегорическому прочтению (несмотря на заглавие). Его также невозможно отнести ни к одной из романских форм XVIII–XIX веков: он не является ни плутовским романом, ни романом испытания, ни романом становления. Здесь уживаются разноплановые тенденции, и произведение не сводится только к одной разновидности. Частая гибридизация патетичного и шутовского, тем не менее не столько размывает границы, сколько подчеркивает их: граница между прозаичной реальностью и собственным миром героя обнаруживается именно в тех моментах, когда герой обращается к шуткам. Шутовство и стремление эстетизировать бытовую среду обусловлено нежеланием и невозможностью принимать мир таким, какой он есть.

Мы стремились прояснить манеру речевого поведения героя, что потребовало от нас учесть и теорию романа, а в частности – специфику романного слова. Для дидактического романа характерно повествование от третьего лица, для плутовского – от первого. Дж. Стейнбек сближает точки зрения автора и рассказчика, что позволяет при сохранении четкой авторской оценки вывести произведение за пределы дидактического и использовать некоторые черты плутовского романа.

Можно утверждать, что роман «Зима тревоги нашей» характеризуется в первую очередь многомерностью, не сводится лишь к какой-то одной из существующих романских форм и типологически является скорее экспериментальным, антиплутовским. Важнейшую роль в определении романной формы играет шутовство героя, которое дает ему право на отчуждение и обуславливает многомерность восприятия и оценки действительности.

Список литературы

- [1] Жданова Л.И. «Зима тревоги нашей» Джона Стейнбека в СССР // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2016. № 1. С. 20–27. DOI 10.18522/1995-0640-2016-1-20-27.
- [2] Левидова И.М. Послевоенные книги Джона Стейнбека // Вопросы литературы. 1962. № 8. С. 122–142.
- [3] Орлова Р.И. Деньги против человечности // Литературная учеба. 1962. № 3. С. 197–208.
- [4] Козубенко Л.М. Концепція добра і зла в романі Джона Стейнбека «Зима турботи нашої» // *Filologia, literatura, sociologia i kulturoznawstwo. Aktualne naukowe problemy. Rozpatrzenie, decyzja, praktyka*. Warsaw: Diamand Trejding tur, 2016. S. 9–13.
- [5] Осмухина О.Ю. Проблема человека в романах Дж. Стейнбека «Гроздь гнева» и «Зима тревоги нашей» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3 (81). Ч. 1. С. 45–49.
- [6] Post C. History's myth: John Steinbeck and the twilight of western culture: Ph.D. Dissertation. Lubbock: Texas Tech University, 1993.
- [7] Railsback B.E. The moral philosophy of John Steinbeck: review // *Steinbeck Review*. 2007. No. 3 (1). DOI: 10.1353/str.2007.0016.
- [8] Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.
- [9] Stow S. “Can you honestly love a dishonest thing?” The tragic patriotism of “The Winter of Our Discontent” // *A political companion to John Steinbeck* / С.Е. Zirakzadeh, S. Stow. University Press of Kentucky, 2013.
- [10] Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Книга по Требованию, 2019.
- [11] Тамарченко Н.Д. К методологии исследования русского классического романа (природа и типы художественного целого) // Литературное произведение как целое и проблемы его анализа: межвузовский сборник научных трудов. Кемерово 1979.
- [12] Тюпа В.И. Поэтика аллюзий в романе Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей» // Проблемы исторической поэтики в анализе литературного произведения. Кемерово, 1987.
- [13] Фуксон Л.Ю. Смех как способ истолкования. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016.
- [14] Дворяшина В.С. Символика пространственных образов в романе Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей» // *Иностранные языки в Узбекистане*. 2018. № 4 (23). С. 279–285.
- [15] Стейнбек Дж. Зима тревоги нашей. Путешествие с Чарли в поисках Америки: сборник / пер. с англ. Д. Целовальниковой, Н. Волжиной. М.: АСТ, 2018.

References

- [1] Zhdanova, L.I. (2016). “Zima trevogi nashei” Dzhona Steinbeka v SSSR [“The Winter of Our Discontent” by John Steinbeck in the USSR]. *Proceedings of the Southern Federal University. Philological Sciences*, (1), 20–27. DOI 10.18522/1995-0640-2016-1-20-27. (In Russ.)
- [2] Levidova, I.M. (1962). Poslevoennye knigi Dzhona Steinbeka [Postwar books by John Steinbeck]. *Voprosy literatury [Questions of literature]*, (8), 122–142. (In Russ.)
- [3] Orlova, R.I. (1962). Den'gi protiv chelovechnosti [Money against humanity]. *Literaturnaia Ucheba [Literary Studies]*, (3), 197–208. (In Russ.)
- [4] Kozubenko, L.M. (2016). Kontsepsiia dobra i zla v romani Dzhona Steinbeka “Zima turboti nashoi”. *Filologia, Literatura, Sociologia i Kulturoznawstwo. Aktualne Naukowe Problemy. Rozpatrzenie, Decyzja, Praktyka* (pp. 9–13). Warsaw, Diamand Trejding tur. (In Ukr.)
- [5] Osmukhina, O.Iu. (2018). Problema cheloveka v romanakh Dzh. Steinbeka “Grozd'ia gneva” i “Zima trevogi nashei” [The problem of man in the novels of J. Steinbeck's “Grapes of Wrath” and “The Winter of Our Discontent”]. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]*, 3(81)(part 1), 45–49. (In Russ.)
- [6] Post, C. (1993) History's myth: John Steinbeck and the twilight of western culture (Ph.D. Dissertation). Lubbock, Texas Tech University.

- [7] Railsback, B.E. (2007). The moral philosophy of John Steinbeck: Review. *Steinbeck Review*, 3(1). DOI: 10.135a3/str.2007.0016.
- [8] Bakhtin, M.M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniia raznykh let* [*Questions of literature and aesthetics. Studies of different years*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russ.)
- [9] Stow, S. (2013). “Can you honestly love a dishonest thing?” The tragic patriotism of “The Winter of Our Discontent”. In C.E. Zirakzadeh and S. Stow, *A Political Companion to John Steinbeck*. University Press of Kentucky.
- [10] Bakhtin, M.M. (2019). *Sobranie sochinenii. T. 3. Teoriya romana (1930–1961 gg.)* [*Collected works. Vol. 3. The theory of the novel (1930–1961)*]. Moscow, Kniga po Trebovaniu Publ. (In Russ.)
- [11] Tamarchenko, N.D. (1979). K metodologii issledovaniia russkogo klassicheskogo romana (priroda i tipy khudozhestvennogo tselogo) [On the methodology of research of the Russian classical novel (nature and types of artistic whole)]. *Literaturnoe Proizvedenie kak Tseloe i Problemy Ego Analiza: Mezhevuzovskii Sbornik Nauchnykh Trudov* [*Literary Work as a Whole and Problems of Its Analysis: Interuniversity Collection of Scientific Papers*]. Kemerovo. (In Russ.)
- [12] Tiupa, V.I. (1987). Poetika alliuzii v romane Dzh. Steinbeka “Zima trevogi nashei” [Poetics of allusions in the novel by J. Steinbeck's “The Winter of Our Discontent”]. *Problemy Istoricheskoi Poetiki v Analize Literaturnogo Proizvedeniia* [*Problems of Historical Poetics in the Analysis of a Literary Work*]. Kemerovo. (In Russ.)
- [13] Fukson, L.Iu. (2016). *Smekh kak sposob istolkovaniia* [*Laughter as a way to interpretation*]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ. (In Russ.)
- [14] Dvoriashina, V.S. (2018). Simvolika prostranstvennykh obrazov v romane Dzhona Steinbeka “Zima trevogi nashei” [Symbolism of spatial images in John Steinbeck's novel “The Winter of Our Discontent”]. *Inostrannye Iazyki v Uzbekistane* [*Foreign Languages in Uzbekistan*], 4(23), 279–285. (In Russ.)
- [15] Steinbek, Dz. (2018). *Zima trevogi nashei. Puteshestvie s Charli v poiskakh Ameriki* [*The Winter of Our Discontent. Traveling with Charlie in search of America*]. Moscow, AST Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Синегубова Капиталина Валерьевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-3917-1304>. E-mail: sinegubova@nextmail.ru.

Аксенова Анастасия Александровна, магистр философии, преподаватель-исследователь по направлению «Языкознание и литературоведение», специальность «Теория литературы. Текстология», преподаватель кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-5048-6019>. E-mail: AA9515890227@yandex.ru.

Bio notes:

Kapitalina V. Sinegubova, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Journalism and Russian Literature of the XX century of the Kemerovo State University. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-3917-1304>. E-mail: sinegubova@nextmail.ru.

Anastasia A. Aksenova, Master of Philosophy, lecturer and researcher in the field of linguistics and literary studies (programme of study “Theory of literature. Textology”), lecturer of the Department of Journalism and Russian Literature of the XX Century of the Kemerovo State University. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-5048-6019>. E-mail: AA9515890227@yandex.ru.

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-71-78

UDC 821.222.1

Research article / Научная статья

The Construction of Insider – Outsider in Anglophone Writings from Northeast India

Debajyoti Biswas, Rupanjit Das✉

*Bodoland University,
P.O. – Rangalikhata, Kokrajhar(BTAD), Assam, 783370, Republic of India*
✉ dasrupanjit@gmail.com

Abstract. The works of three writers from northeast India, Temsula Ao's *These Hills Called Home*, Mamang Dai's *Stupid Cupid* and Anjum Hasan's *Lunatic in my Head* that cover the problem of identity in relation to the insider – outsider politics in the region are examined. The northeast India is in many ways a miniature India because it houses people from various ethnicity and linguistic groups. However, much of the immigration took place after the East India Company annexed the northeast region starting from 1826. The extraction of the resources and subjugation of the people in this region by the colonisers and later by successive Indian governments has left an indelible mark of cultural imperialism triggering social haemorrhage. This changing position of the insider – outsider is not only a part of the political discourse but also the literature that is produced in this region. The analysis of the writings of Temsula Ao, Mamang Dai, and Anjum Hasan allows to look at the problem from two perspectives: the indigenous population experiencing anxiety and leading various violent campaigns to expel so-called outsiders, and the northeasterners facing similar racial prejudices when visiting mainland India and being subjected to derogatory racial slurs.

Keywords: Northeast India, nationalism, subnationalism, Anjum Hasan, Mamang Dai, Temsula Ao

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted December 12, 2020; revised December 29, 2020; accepted January 9, 2021.

For citation: Biswas, D., & Das, R. (2021). The construction of insider – outsider in anglophone writings from Northeast India. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(1), 71–78. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-71-78>

© Biswas D., Das R., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

«Свой» и «чужой» в произведениях писателей северо-востока Индии

Д. Бисвас, Р. Дас✉

Бодоландский университет,
Республика Индия, 783370, Кокрадждхар, Ассам, н/я – Rangalikhata
✉ dasrupanjit@gmail.com

Аннотация. Исследуются работы трех писателей из Северо-Восточной Индии: «Эти холмы, называемые домом» Темсулы Ао, «Глупый амур» Маманг Дай и «Сумасшедший в моей голове» Анджум Хасан, посвященные вопросу идентичности в связи с действующей в регионе политикой инсайдеров и аутсайдеров. Северо-Восточная Индия во многих отношениях является Индией в миниатюре, потому что здесь проживают люди различных этнических и языковых групп. Однако большая часть иммиграции произошла после того, как Ост-Индская компания аннексировала северо-восточный регион, начиная с 1826 года. Добыча ресурсов и подчинение людей колонизаторами, а затем сменяющимися друг друга правительствами Индии оставили неизгладимый след культурного империализма, вызывая социальное кровотечение. Эта меняющаяся позиция «своего» – «чужого» нашла отражение не только в политическом дискурсе, но и в литературе региона. Анализ произведений Темсулы Ао, Маманг Дай и Анджум Хасан позволяет взглянуть на проблему с двух позиций: коренного населения, испытывающего беспокойство и ведущего различные насильственные кампании, чтобы изгнать так называемых чужаков, и северо-восточных жителей, сталкивающихся с аналогичными расовыми предрассудками, посещая материковую Индию, и подвергающихся уничижительными расовыми оскорблениями.

Ключевые слова: Северо-Восточная Индия, национализм, субнационализм, Анджум Хасан, Маманг Дай, Темсула Ао

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 12 декабря 2020 г.; принята к публикации 9 января 2021 г.

Для цитирования: *Biswas D., Das R. The construction of insider – outsider in anglo-phone writings from Northeast India // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 1. С. 71–78. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-71-78>*

Introduction

In Post 1947 India, when the idea of nationalism came to be wielded as an imposition of cultural homogeneity, it naturally met with the dissention of the masses because it directly confronted with the aspiration of the people inhabiting in the northeast region of India [1; 2. P. 6; 3]. The Northeast India is a cartographic construct which existed as a frontier area in the official discourse of the Bri-

tish administration and later in Indian administration [4; 5]. The region is also the house of tribal people, mostly of mongoloid origin. However, with the nationalisation of space, the region was strategically peopled at regular intervals since 1826, thereby saturating the tribal population with the non-tribal [6; 7]. This created resentment among the indigenous population who felt that not only the outsiders overwhelm their numbers but also the valuable resources are extracted by the government of India [8; 9]. Consequently, a sense of protest and resistance gave rise to the feeling of sub-nationalism in the entire northeast India over a period of time. This sub-nationalism emerged by drawing its impetus from the local culture, myth and sense of an alternate history of the people and eventually it became deeply jingoistic in nature something similar to the ‘extremist style of politics’ as pointed out by Partha Chatterjee while explaining the problems of Nationalism in Asian context [10. P. 9]. This sub-nationalism is not only a resistance to pan-Indian nationalism but it also excludes the participation of the people who have migrated to this region in different phases [11]. It is with this background that the northeast region becomes a fertile ground for ethnic conflicts, communal clashes and secessionist demands by rebel groups [1; 12; 13]. These conflicts give rise to the politics of insider/outsider binary that is used as the yardstick in determining privileges [14]. The prevailing socio-political scenario, therefore, clearly brings into question the involvement of at least three agencies: the tribal who are claiming their rights, the state, and the immigrants. As such these conflicts and issues find expression in the literature produced in this region. Whereas, there has been no political solution to the problems hitherto, the intelligentsia who have experienced the shockwaves of these problems tend to voice it in their fictional works which automatically become a discourse that bridges the lacuna created by the lack of representation and political rejection, as Temsula Ao writes in *These Hills Called Home*, “I have endeavoured to revisit the lives of people whose pain has so far gone unmentioned and unacknowledged” [15. P. 9]. This paper proposes to examine the how the position of insider/outsider changes and influences identity formation as one can see in the literary works produced in this region. The three texts, Temsula Ao’s *These Hills Called Home*, Mamang Dai’s *Stupid Cupid* and Anjum Hasan’s *Lunatic in My Head*, chosen for this study informs the reader of this conflict pertaining to identity and belongingness.

The dynamics of insider – outsider

Temsula Ao’s *These Hills Called Home: Stories from a War Zone*, is a collection of ten short stories which recount the countless ordeal faced by the Nagas during their secessionist struggle to free their land from Indian union. The title of the short story collection too justifies the aspirations of these people. These hills are the homes of the Naga people, which have shaped their culture, their identity, and their history and they are so intricately entwined that they cannot be separated from each (people and place). The intrusion of outsiders into this region was passively resisted for some time when it was under the British administration, and those times were termed as ‘old days’; however in the present day, the Naga people cannot stand to bear the presence of ‘outsiders’ in these areas and such presence is only considered as trespassing. The British allotted the Assamese, Bengali,

Bihari, Marwari and Nepali settlers the lands, which were never theirs, and so this tradition if continued would make the Nagas outsiders in their own homeland. Although Temsula Ao does not explicitly mention the cause of this turmoil in the late nineteen fifties, it becomes evident during the course of the narrative. Further, the narrator not only justifies the rebellion of the Nagas but also gives it a hue of romanticism:

“These young people were caught, as it were, at the crossroads of Naga history. The wave of dissidence and open rebellion was heady wine for many of them and they abandoned family, school careers and even permanent jobs to join the band of nationalists to liberate the homeland from forces, which they believed were inimical to their aspirations to be counted among the free nations of the world” [15. P. 10].

Whereas, on the one hand the rebels (undergrounds) are projected as nationalists who have taken the onus of liberating the nation from the Indian government; the Indian administration, on the other hand, seems to be given a colonial makeover. The situation depicted in the short story *Soaba* brings a similar scene from Ngugi’s novel *A Grain of Wheat*, where the detainees (the native villagers) are grouped and sent to camps under colonial administration. They have experienced the most inhuman torture under colonial administration. In addition, in Temsula Ao’s depiction of the Indian administration we find a parallel of that brutality. The villages, which harboured the underground rebels/militants or showed sympathy to them were the target of the Indian army:

“...whole villages would be dislodged from their ancestral sites and herbed into new ones, making it more convenient for the security forces to guard them day and night... It was the most humiliating insult that was inflicted on the Naga psyche by forcibly uprooting them from the soil of their origin and being and confining them in an alien environment, denying them access to their fields, restricting them from their routine activities and most importantly, demonstrating to them that the ‘freedom they enjoyed could so easily be robbed at gunpoint by the invading army’ ” [15. P. 11].

The writer strongly advocates the Naga cause which informs the readers across the world about the atrocities meted out against Naga people. The stories fully centre round the lives of Naga people and their exploitation, and the incidents are narrated from the point of view of a Naga, which is only a partial picture. If Temsula Ao sees and analyses it as an insider, Anjum Hasan sees it as a forced ‘outsider’. In spite living in Meghalaya for generations, the non-tribal is still designated as an outsider or as the Khasi people prefer to call them “Dkhar”. It is because the land, which gives the tribal their identity, is only a land of opportunity for the outsiders, the El Dorado, for the first generation of immigrants. They do not associate themselves with the land as the second generation does. Land, which plays a pivotal role in forming the identity of the tribal, plays the same role in the formation of identity of the second generation non-tribal. The ‘dkhar’ has long been uprooted from their ancestral land and they have come to live in the land of the Khasi people; and since the former can never claim their affinity with the land, it naturally alienates them from the politics of nationalism fomented by the tribal. These outsiders will continue to be outsiders even if they

live there for several generations. Although the socio-political reality is different for these two groups, the emotional attachment to the land is not much different. A Khasi may not suffer from identity crisis in his/her homeland; however, a non-tribal constantly suffers from this problem as evident in the three principal characters in *Lunatic in My Head*. They have to go through acceptance and rejection, love and hatred, friendship and animosity of the tribal people. The plot of *Lunatic in My Head* is situated in Meghalaya, a tribal state in Indian hinterland where the conflict is not between the rebels and the government forces but between the ‘outsider’ and ‘insider’. The conflict is between the Khasis and the ‘Dkhars’. This is why Dr. Moondy, a doctor by profession, tells his son, Aman:

“Shillong has no future. In my time, things were different. One could make a life here. There were opportunities. People were open minded... sab khatam ho gaya. That time has gone. Now people, boys, you know, boys half of your height, barge into people’s shops, into offices, and demand money” [5. P. 65].

This entire region, which is seen as a land of opportunity (a capitalist expansion), brought the immigrants as traders and professionals. But Aman felt unlike his father:

“This town, he thought, longingly. Concordella lives somewhere in this town. He loved Shillong the way he loved her – shyly, hesitantly, not sure if he was entitled to” [5. P. 65].

His love for Concordella is conflated with his love for Shillong, the place where he was born. And like Concordella, the place is unattainable, so somehow he has to get out of Shillong. However, this feeling of leaving Shillong for good has been indoctrinated by the older generation into the new generation but Aman is caught in this dilemma for some time until he actually leaves Shillong. Whereas for the first generation Shillong was the land of opportunity, for the second generation Shillong is their homeland. This made the relation between land and the people intense and unaffected. Much like Aman, Firdaus Ansari too imagines Shillong as her homeland. To foster a sense of belonging she fancied the idea of marriage between tribal and non-tribal.

She privately liked the idea that Mr. Nivedita, as she thought of him, was in love with a tribal girl. It made her happy to think that connections were still being established between people from opposite sides of that invisible, yet palpable, line that divide people in Shillong [5. P. 16].

She privately rebels against the idea of marrying a devout Muslim’s son to appease her grandfather. On the contrary, she not only eats pork, but also deliberately falls in love with Ibomcha, a Manipuri youth. She is enchanted by Shillong: “The beauty of it, she would think as she walked, the beauty of it. Firdaus found that she longed for Shillong even as she lived there, even though she had lived there all her life” [5. P. 101]. This desire to be accepted as a Khasi comes from the rejection and humiliation that one has no face for not being a Khasi. Sophie, like Aman, has numerous encounters with Khasis that belittles her dignity for not being Khasi. Whereas, Aman was physically abused, Sophie underwent the psychological humiliation of being ignored. Precisely, they are unwanted. The feeling of Sophie Das, as narrated by Anjum Hasan, comes from a sense of belongingness, from the desire to be accepted. Anjum Hasan shares with us her experience of being a non-Khasi in Shillong through Sophie Das. The stigma of being a non-

Khasi, the other/outsider, despite of being born there haunts Sophie Das that she starts living in her fictitious world. This sense of belongingness and the fear of rootlessness at the same time run throughout the novel and it becomes the perennial issue with all the principal characters – Firdaus Ansari, Sophie Das and Aman Moondy. Whereas this conflict exists within the characters, it also becomes visible in the external conflict: the constant animosity between the tribal and non-tribal. The attacks on the non-tribal people are frequently mentioned in the novel, the gap between these two groups seem to be growing despite the efforts of the local people like Ribor and David Rockwell. There will always be people like Ribor’s brother, Max, who will keep telling, “You Fucking Dkhar... Go home Dkhar” [5. P. 240].

Whereas the setting of these two works is the Northeast region, Mamang Dai’s novel goes beyond the regional boundaries and is set in Delhi, where the tribal people from Northeast becomes the ‘outsider’ within the same national space. The stigma of rejection and alienation becomes evident in the various encounters between the people from northeast and mainland India. Adna, the narrator is a city-bred girl for whom real life is only in Delhi. Her close friend Amine, originally from Jammu, although brought up in Shillong because of her father’s association with ONGC in Assam, does not seem to encounter the difficulty that Adna faces because of her tribal features. Adna, who hails from Itanagar, ventures as a female entrepreneur by establishing ‘Four Seasons’, a small hotel-apartment bequeathed to her by an aunt. Far from the hills of Arunachal, she is captivated by the posh life of the city dwellers and struggles to establish herself in the hotel business with the help of her relatives and Amine. Adna is at once aware of the differences when she says, “Oh, the North-East is a different country altogether” [16. P. 13], and she also longs for an acceptance that she is equally an Indian. She says:

“There were so many of us in the city now, from Mizoram, Meghalaya, Nagaland, from Arunachal, Assam, Manipur and Sikkim, and we mingled with others from every small town and settlement of the country” [16. P. 13].

The exodus is thus a reverse trend from the hills to the plains, which in some way points to us the success of the government to create a sense of pan-Indian nationalism. However, the difficulty lies at the grass root level, and most often, the people from the northeast have the bitterest experience in such endeavours of assimilation. Jia, a cousin of Adna narrates one such experience in her encounter with a Delhite, when the lady screams at her, “Hey you! Jao! Jao! Go back to your own... DESH!” [16. P. 52], to which Jia retorts:

“How dare you say such a thing? Do you think I’m Chinese, huh? I am Indian. Do you know where I come from? Do you know where that is you idiot woman? Moreover, I bet you are not even from Delhi. You must be from some lousy backwaters! Jao! Jao! Hah! In addition, even if I was Chinese you have no right to say such a thing to anyone! It’s people like you who create hatred, you know that? You scum! And then she spat into the cab!” [16. P. 52].

Mamang Dai narrates numerous instances of such unpleasant experiences to highlight the fact that the problem of acceptance and rejection are not limited to one place, but is seen as a strategy to maintain the homogeneity of a community at one place. She also narrates how the Indian government has carried on develop-

mental works in northeastern India, which resulted in the creation of new settlements in the hill areas by non-tribal people who came as employees to work in those projects [17]. Mareb's father is one such man who "was one among the breed of gypsy men of mixed antecedents who travelled far and wide in search of adventure and fortune, and who now toured the frontier speaking the language of the communities and marrying into the tribes" [16. P. 36].

The restructuring of the backward tracts and change in governmental policies concerning developmental works have occurred in a sequence which has made a very deep impact in the lives of the people living in this region. Unlike Temsula Ao, Mamang Dai believes in pan-Indian nationalism despite cultural disparities between tribal and non-tribal people. Whereas, the existence of customary law in hill region, which allows polygamy to a man, might sound shocking in Delhi, the idea of buying bottled water sounds equally shocking to Jia when she visits Delhi. Therefore, the writer attempts to strike a balance by purportedly underscoring tolerance and togetherness.

Conclusion

The problem posed by Temsula Ao, Mamang Dai and Anjum Hasan continues persisting in the face of Capitalist exploitation and cultural rejection both in the context of Northeast India and Mainland India. The pre-modern society, which had the capacity to assimilate people whoever migrated from whatever places, was a more receptive society. However, the modern society after the beginning of colonisation not only made the cartographic borders rigid but also created invisible cultural borders through its practice of exploitation and cultural subjugation. The identity crisis faced by the various characters discussed in the fictional world above informs the reader about the insider/outsider politics because in a modern world with limited resources there is a stiff competition in all the important sectors of the society. Be it possession of land rights or a job vacancy, the limited availability has created a closed circuit which tries to create a false consciousness of belongingness based on ethnicity. This problem can only be overcome by adequate representation of people living in the frontier states in mainland India, and knowledge about the cultures of frontier states. On the other hand, the indigenous people living in northeast India should also be willing to accept the non-tribal people who have lived here for centuries. To conclude an inclusive social culture is the requirement of the time.

References

- [1] McDuie-Ra, D. (2017). Solidarity, visibility and vulnerability 'northeast' as a racial category in India. In Y. Saikia & A.R. Baishya (Eds.), *Northeast India A Place of Relations* (pp. 27–44). Delhi, Cambridge University Press.
- [2] Gogoi, D. (2016). *Unheeded hinterland*. New York, Routledge.
- [3] Baruah, S. (2005). *Durable disorder: Understanding the politics of Northeast India*. New Delhi, OUP.
- [4] Bhaumik, S. (2009). *Troubled periphery: Crisis of India's north east*. New Delhi, Sage.
- [5] Hasan, A. (2007). *Lunatic in my head*. New Delhi, Zubaan-Penguin.
- [6] Baruah, S. (1999). *India against itself: Assam and the politics of nationality*. New Delhi, OUP.

- [7] Baruah, S. (2020). *In the name of the nation: India and its northeast*. Stanford, Stanford University Press.
- [8] Guha, A. (2014). *Planter Raj to Swaraj*. 3rd ed. New Delhi, Tulika Books.
- [9] Misra, T. (1980). Assam: A colonial hinterland. *Economic & Political Weekly* (pp. 1357–1364).
- [10] Chatterjee, P. (1999). Nationalist thought and the colonial world: A derivative discourse? *The Partha Chatterjee Omnibus*. New Delhi, Oxford University Press.
- [11] Dev, R. (2006). Narrative claims and identity impasse: The experiences of the nowhere people. *Ethno-Narratives: Identity and Experience in North East India* (pp. 79–91). Delhi, Akanshah Publishing House.
- [12] Misra, U. (2014). *India's north east: Identity movements, state and civil society*. New Delhi, Oxford University Press.
- [13] Sarma, A. (2016, February). Migrancy and memory in Siddhartha Deb's novel "The Point of Return". *Trans-Humanities Journal*, 9(1), 129–150. DOI: 10.1353/trh.2016.0006.
- [14] Biswas, D. (2020). 'The impasse of Khilanjiya identity in Assam'. *Corvinus Journal of Sociology and Social Policy*, 11(1). <http://dx.doi.org/10.14267/CJSSP.2020.1.10>
- [15] Ao, T. (2006). *These hills called home*. New Delhi, Penguin.
- [16] Dai, M. (2009). *Stupid Cupid*. New Delhi, Penguin.
- [17] Mackenzie, A. (2012). *History of the relations of the government with the hill tribes of the north-east frontier of Bengal*. Cambridge University Press.

Bio notes:

Debajyoti Biswas, Assistant Professor of the Department of English at the Bodoland University. E-mail: deb61594@gmail.com.

Rupanjit Das, research scholar in the Department of English at Bodoland University, Assistant Professor in the Department of History, GLC College, Gauhati University. E-mail: dasrupanjit@gmail.com.

Сведения об авторах:

Бисвас Дебаджьоти, доцент кафедры английского языка Бодоландского университета. E-mail: deb61594@gmail.com.

Дас Рупанджит, научный сотрудник кафедры английского языка Бодоландского университета, доцент кафедры истории колледжа GLC Университета Гаухати. E-mail: dasrupanjit@gmail.com.

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-79-84

UDC 821.222.1

Research article / Научная статья

The Calcutta Chromosome: An Acknowledgement of Indigenous Caliber and Extrapolation upon the History of Malaria Parasite Discovery

Manoj Kumar Pathak

Arka Jain University,
312/A Gamharia District, Jamshedpur, 832108, Republic of India
✉ mkp4ujsr@gmail.com

Abstract. Amitav Ghosh' novel *The Calcutta Chromosome: a Novel of Fevers, Delirium and Discovery* is considered, – an outstanding literary work in which the writer reveals a discourse of science versus counter-science from the earlier world of social, cultural and ethnical history of Indian subcontinent. India is home to the oldest continuous civilization, nevertheless, the long invasive rule of the Mughals and the Britishers has framed minds to undervalue the indigenous knowledge, practices, customs and discourses. Amitav Ghosh' novel denies the Western supremacy in every field and puts a question mark in the invention of *Anopheles maculipennis* as the cause of malaria. Dr. Ronald Ross received the prestigious Nobel Prize in 1902 for his discovery of malaria parasite but Amitav Ghosh supports the contribution of Indian assistants Mangala and Laakhan who were not acknowledged by the British researchers. The novel reflects a postcolonial approach to interpret Western scientific mechanism, posits the question to unethical exploitation of native workers by the English and gives voice to the traditional knowledge of the subalterns. An integral part of Ghosh's approach in this novel is to illuminate the richness of ideas and complexity of Indigenous life, and to create a place where aboriginals are acknowledged for their remarkable contributions.

Keywords: indigenous, subalterns, native, extrapolation, voice

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted December 12, 2020; revised December 29, 2020; accepted January 9, 2021.

For citation: Pathak, M.K. (2021). The Calcutta Chromosome: An acknowledgement of indigenous caliber and extrapolation upon the history of malaria parasite discovery. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(1), 79–84. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-79-84>

© Pathak M.K., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Роман Амитава Гоша «Хромосома Калькутты»: признание роли коренных жителей в открытии малярийных паразитов

М.К. Патхак

Университет Арка Джайн,
Республика Индия, 832108, Джамшедпур, р-н Гамхария, д. 312/А

✉ mkp4ujsr@gmail.com

Аннотация. Рассматривается роман Амитава Гоша «Хромосома Калькутты: роман о лихорадках, бреде и открытиях», являющийся выдающимся литературным произведением, в котором писатель раскрывает дискурс науки и контрнауки на примере явлений социальной, культурной и этнической истории Индостана. Индия – очаг древнейшей цивилизации, однако продолжительное вторжение Великих Моголов и длительный период колонизация британцами привели к недооцениванию знаний, обычаев и дискурсов коренных народов. В своем романе Амитава Гош отрицает превосходство Запада во всех областях и ставит под вопрос приоритет открытия комара *Anopheles maculipennis* как источника малярии. Как известно, доктор Рональд Росс получил престижную Нобелевскую премию в 1902 году за открытие малярийного паразита, но Амитава Гош показывает в романе, что вклад индийских помощников Мангала и Лаакхана, которые не были признаны британскими исследователями, сильно недооценен. Роман отражает постколониальный подход к интерпретации западного научного механизма, ставит вопрос о неэтичности эксплуатации англичанами коренных рабочих и является важным вкладом писателя в утверждение ценности традиционных знаний и культуры индусов. Замечательной чертой подхода Гоша в этом романе явилось то, что он подчеркивает особое богатство идей и многослойности жизни коренных народов, а также создает такое место, где аборигены получают признание за свой выдающийся вклад.

Ключевые слова: коренные жители, подчиненные, аборигены, экстраполяция, голос

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 12 декабря 2020 г.; принята к публикации 9 января 2021 г.

Для цитирования: Pathak M.K. The Calcutta Chromosome: an acknowledgement of indigenous caliber and extrapolation upon the history of malaria parasite discovery // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 1. С. 79–84. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-79-84>

Introduction

India after independence suffers from identity crisis in different fronts. The continuous and hostile rule of invaders and foreigners undermined the real identity and when the British left India, it was left with confusion, distress, aimlessness and clouds of despair. The Indians haunted for peace, harmony, rest and the real 'self'. M.K. Naik and Shyamala A. Narayan in *Indian English Literature:*

1980–2000: A Critical Survey rightly defines the situation while analyzing the *Midnight's Children*:

“Identity is in turn, shown as a sham, as mistaken and confused, subjected to oblivion, fractured, dwarfed and reduced to animal level; as barren, sterile and totally lost. And since heredity is an essential element in identity, some of these ordeals are repeated from generation to generation in the narrative which opens with the protagonist’s grandfather and ends with his son” [1. P. 40].

There upon started the age of experiments and the portrayal of newer themes. Besides, partition, ‘undocumented history’ started to be recognized and re-asserted by the novelists. Novels written initially with marginal voices are Raj Kamal Jha’s *The Blue Bedspread* and *If You are Afraid of Heights*, Ram Chandra Prasad’s *The Mahatma*, S.D. Singh’s *The Raja’s Mistress* and Prema Nanda Kumar’s *Atom and the Serpent*.

The author: translocating the power end and the annals of history

Amitav Ghosh, belonging to an elite Bengali family lineage, turns his sight of keen observation to the indigenous, the margins. He is an impassioned writer who documents the ‘undocumented’ and the ‘unhistorical’. He re-drafts the past. He charts history with novel vision and insight. Almost all of his novels depict the hardships and deadlocks of the deprived lot and their life-journey. He is a sensitive writer who endows his fiction with the concerns of the marginalized and that too with eloquence of expression. He takes help of imagination, myth, folk-tales and varied narrative devices to strengthen his content; not to hamper his saying or thematic concern. We find a master-use of form in the novels of Amitav Ghosh to support the theme concerned. Lionel Trilling in his book *The Liberal Imagination* defines modern novel as ‘a perpetual quest for reality and is the most effective agent of the moral imagination’ [2. P. 212]. Ghosh accomplishes his fiction to perceive the lives of the people who lack identity and heed of the majority; compelling them to be deprived of the basic human entities. The constant concern with the subaltern, who’s lost in the annals of history, endears him to the readers. Annada Shankar Ray, a renowned novelist, comments on the contemporary novel: “When Bankim wrote, the chief question was how to restore the national self-respect. In Rabindranath’s time, it was how to bridge the East and the West. In this dynamic age, it is how to identify ourselves with the common people” [3. P. 317] and Ghosh is fit to the very dynamism, and in all of his novels he reconstructs newer identities.

The Western scholars tried to demean the Indian traditions of knowledge. The disgraceful comment made by Macaulay in his *Minutes of Education* (1835) regarding the educational funding to run the indigenous schools (Pathshalas and Gurukuls) manifests the derogatory thought of the Anglicists for the Indian body of knowledge and practices. He argues against the sanction of funds saying that Indian educational system should not be funded because it caters such:

“Medical doctrine which would disgrace an English farrier, astronomy which would move laughter in girls at an English boarding school, history abounding with kings thirty feet high and reigns thirty thousand years long, and geography made up of seas of treacle and seas of butter” [4. P. 1835].

India is a multicultural nation and it is not an easy walk to define identity in Indian perspective. Amitav Ghosh vows to identify the ‘unidentified’. The problematic predicaments of the post-colonial India are the major concerns of the author under study. Even though, he has many a time refused to state him a ‘post-colonial’ novelist, yet his fiction represents the voices of the post-colonial Indian sub-continent; especially the disparaged who bear no defined identity or who are not restricted to particular territorial borders and are bound to be on move throughout the life. He has depicted the causes and consequences of migration in a sensible and responsible way. It is pertinent to note in this context that migration is an off-shoot of post-coloniality and hence the theme of migration and the plight of the post-colonial migrants constitute the subject of almost all of his novels [5–7].

***The Calcutta Chromosome:* articulating silences and re-directing the notion**

In *The Calcutta Chromosome*, a novel published in 1996, Amitav Ghosh tries on mixing fantasy, horror, science-fiction and counter-science. This work was widely appreciated for its extrapolation upon the history of malaria parasite discovery. Experimenting with form is a common feature of post-colonial writings but Ghosh is somehow more interested and at home in it. Even though, the substance of the novel is on scientific research, yet Ghosh continues to project Indian ethos in his fiction. The present novel too, raises the voices of those who were undermined by the Westerners. Mangala bibi is a character who plays secretly. Her secrecy is a major tool to highlight typical Indian belief, myth, spiritual practices and their effectiveness. Ghosh puts forward the counter-science practiced and represented by Mangala bibi, the assistant to D.D. Cunningham. Mangala is symbolic to Indian mysticism and supernatural powers often neglected by the Westerners. Ghosh draws the attention towards the age-long practices prevalent in India and projects it as a counter-science which complements to the main-stream science. Mangala is a washer-woman representing the marginals. Mangala is characterized to assert the importance of the marginals who cannot be underestimated as they too are knowledgeable enough to complement the formal science. Mangala is a woman of her own traits; the archetypal ‘shakti swarupa’.

The Calcutta Chromosome focuses on the peripheral. The story develops through the margins. Murugan, the central character too seems marginalized when the scientific community or his employer labels him ‘as a crank and an eccentric’. Lakhan is also a subaltern character who is sometimes called Lutchman. He was recovered at the Sealdah station and worked at the lab with Cunningham. He is again taken to Renupur where he has a new identity. Ghosh instates the Indian subalterns in place of the Westerners. The characters are given more than a name which clarifies the novelist’s intention to destabilize the fixed identity and this is a postcolonial phenomenon. Lakhan, Mangala and Phulboni have more than a name; re-crafting their identities and standing before centrism. The shadow lines between the elite and subaltern subjects have been brought to light in this novel.

Ghosh sketches the character Murugan who is desperate and intense for demystifying the truth behind the malaria parasite discovery. Murugan exposes a subtext of counter-science in Ross’s laboratory. Urmila, a journalist joins Muru-

gan and they theorize that Ross was sloppy, intent on fame and fortune. His discoveries were fed to him by his Indian aides and among them Mangala, his laboratory technologist was the most important person who had high spiritualistic ambitions. Mangala stealthily practiced some traditional ways to cure some diseases and Murugan finds that Mangala anticipated the later discovery of another Nobel laureate J. Wagner-Jauregg, who propounded the use of malaria for the treatment of syphilis. Murugan and Urmila travel extensively in Calcutta to find that the views of traditional knowledge and practice as of great importance still wait for their own discovery. Ghosh makes Murugan and Urmila his mouth-piece to deconstruct Western discovery and forced supremacy.

Creating indigenous narratives: extrapolating upon history

Murugan was rightly thinking that a ‘counter-scientific’ discourse had engineered Ross’s discoveries secretly. It is thoroughly found that some figures of indigenous connections are leading this cult, namely Mangala, a cleaning lady-attendant supported by a ‘dhooley bearer’ Lutchman who is also known as Lakshman and Laakha. According to Murugan, “to know something is to change it, because as soon as something is known, it is already changed. Since, by then you only know its history” [8. P. 60]. The text frames a counter-narrative that draws an inference that the counter-scientific group, that is, the indigenous attendants of Dr. Ross, was way ahead of the Western researches in its research with a clear understanding that the malaria vector is the female *Anopheles* mosquito. Murugan projects his view that Mangala and Lutchman manipulated Ross’s discovery in order to be acknowledged by Nobel Prize for the malaria parasite discovery. Ghosh establishes here that discourses, discoveries and derivations of science, technology, medicine or of any discipline cannot be described as a one way process of transfer from the West to the East rather, cross-cultural transaction.

Ghosh becomes voice of the voiceless people. His fiction reflects his interest to re-create history and construct a glass-palace of newer facts related to the dispossessed and subaltern community. Ghosh re-narrates the stories of past with inclusion of those whose moves have been kept buried. It is a current trend to read and analyze the past in perspective of the marginalized; Amitav Ghosh seems to connect those stories with the documented history. The novels of Amitav Ghosh are the records of ordinary lives in contrary to the prejudiced traditional historiography which is only the one side of the facet. Ghosh through his characters re-asserts and re-defines the categorization of the colonizer-colonized, Westerner-Indian and powerful-powerless. The critics have demonstrated how Ghosh has questioned and subverted the Western notion and objective of scientific researches and technological applications.

History for Ghosh no longer remains mere (hi)story. Furthermore, he explores the various dimensions of the colonial history that projects indigenous narratives, knowledge, practices and customs as of no significance and rationality. He re-drafts history to determine the indigenous identity of a race or nation as a whole. The Anglicized history also attracts his attention, to analyze the politics

of history in the postcolonial world, which remains submerged in politics of identity. Historical facts have mostly been documented to pacify a certain class and the tormenting parts have not been duly presented.

Conclusion

Amitav Ghosh, as an author, has attempted to raise and amplify the voice of the indigenous or subaltern people, and place them in the context of history they had been long denied. He re-interprets history, records the lives of common people, their participation, contribution and predicaments in most of his novels. Ghosh here too in *The Calcutta Chromosome* portrays the ‘unhistorical people’ in his canvas of fiction. The re-invention of history creates an atmosphere for new debates and discourses. Ghosh’s depiction of history re-shapes the past and re-constructs the identities of the marginalized people. Ghosh includes the underprivileged as a deliberate strategy in his writings to recognize the postcolonial world, and to safeguard the rights of truth associated with the indigenous people. He justifies their contributions to the human race. He advocates and claims for the dignity of the unheard lot. Ghosh has meticulously attempted to highlight the contributions of the postcolonial common and neglected subjects in different arena of discourses and he articulates the silences in his texts to create indigenous narratives of resistance.

References

- [1] Naik, M.K., & Narayan S.A. (2009). Indian English fiction 1980–2008: New bearings and fresh flowering. *Indian English Fiction: A Critical Study*. New Delhi, Pencraft International.
- [2] Trilling, L. (2008). *The liberal imagination*. New York, New York Review Books Classics.
- [3] Iyenger, K.R.S. (1985). The novel themes, backgrounds, types. In *Indian Writing in English* (chapter XVI). New Delhi, Sterling Publishers.
- [4] Macaulay, T.B. (1835, February 2). *Minute by the Hon'ble T.B. Macaulay*. Retrieved February 1, 2018, from http://www.columbia.edu/itc/meaac/pritchett/00generallinks/macaulay/txt_minute_education_1835.html
- [5] Banerji, J. (1996, June – July). ‘Bengali Braid’ (review of *The Calcutta Chromosome*). *Indian Review of Books*, 5(9), 22–30.
- [6] Bradbury, M. (1973). *Possibilities: Essays on the state of the novel*. London, Oxford Press University.
- [7] Mondal, A.A. (2007). *Amitav Ghosh*. Manchester, Manchester University Press. <https://doi.org/10.7228/manchester/9780719070044.001.0001>
- [8] Ghosh, A. (1995). *The Calcutta chromosome*. USA, Avon Books.

Bio note:

Dr. *Manoj Kumar Pathak*, Assistant Professor of the Department of English of the Arka Jain University. E-mail: mkp4ujsr@gmail.com.

Сведения об авторе:

Патхак Манодж Кумар, доктор наук, доцент кафедры английского языка Университета Арка Джайн. E-mail: mkp4ujsr@gmail.com.

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-85-91

UDC 821.222.1

Research article / Научная статья

Reunion with Self in Terry McMillan's *I Almost Forgot About You*

Pradip Nathuram Pawar

Rajarambapu Institute of Technology, Shivaji University, Kolhapur,
Sakharale, Sangli, 415414 (MS), Republic of India

✉ pradip.pawar@ritindia.edu

Abstract. The novel *I Almost Forgot About You* by Terry McMillan, which deals with the problem of finding your own identity by studying the components of personality and the context in the formation of identity, is examined. African American feminist literature consists of common themes like sense of being different, managing multiple selves and quest for identity. Terry McMillan's works represent African American female characters' struggle for self-realization that help them in better understanding of the present and planning for the future by reestablishing their identity. The predicament of Georgia, protagonist of the novel, is that she has lost selfhood after subsequent divorces. In due course of time, her role in the family becomes diminished; also she loses interest in the professional life. Her aimlessness and strong desire to restore self leads her to search for male companion among her old boyfriends. She believes that self-satisfaction is possible with exploration of self for that she decides to go on a train trip and tries to focus on nurturing the hobby of woodwork. It helps her in regaining her internal and external self. Thus, the leitmotif of the novel is the search for your own identity as an attempt of inquiry for the destined future.

Keywords: identity, self, African American, reunion

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted December 12, 2020; revised December 29, 2020; accepted January 9, 2021.

For citation: Pawar, P.N. (2021). Reunion with self in Terry McMillan's *I Almost Forgot About You*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(1), 85–91. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-85-91>

Воссоединение с собой в романе Терри Макмиллан «Я почти забыла о тебе»

П.Н. Павар

Технологический институт Раджарамбату – филиал Университета Шиваджи, Колхатур
Республика Индия, 415414 (MS), Сангли, Сахарале

✉ pradip.pawar@ritindia.edu

Аннотация. Исследуется роман Терри Макмиллан «Я почти забыла о тебе», посвященный проблеме поиска себе как личности посредством изучения составляющих личности и контекста в формировании личности. Афроамериканская феминистская ли-

© Pawar P.N., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

тература состоит из общих тем, таких как чувство отличия от других, управление множеством себя и поиск себя как личности. Работы Терри Макмиллан воплощают тему борьбы женских персонажей афроамериканцев за самореализацию, что помогает им лучше понимать настоящее и планировать будущее, определять себя как личность. Проблема Джорджии, главной героини романа, состоит в том, что она потеряла себя после разводов. Ее роль в семье уменьшается, она утрачивает интерес к профессиональной жизни. Бесцельное существование и сильное желание найти себя заставляют ее искать партнера среди бывших любовников. Полагая, что самоудовлетворение возможно с помощью изучения себя, она решает отправиться в путешествие на поезде и пытается сосредоточиться на своем хобби – работе по дереву. Это помогает ей восстановить свое внутреннее и внешнее «я». Таким образом, лейтмотивом романа является поиск себя как попытка исследования предначертанного будущего.

Ключевые слова: идентичность, личность, афроамериканец, воссоединение

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 12 декабря 2020 г.; принята к публикации 9 января 2021 г.

Для цитирования: Pawar P.N. Reunion with self in Terry McMillan's *I Almost Forgot About You* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 1. С. 85–91. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-85-91>

Dr. Georgia Young, who is an optometrist by profession, is the protagonist of the novel. Her education and degree in optometry was not her wilful decision but to make her father happy. She has an interest in interior designing and carries influences of film and television actors. She is divorced after her second marriage and has two daughters. She is filled with longing for a male companion in her life. Her attempts of self-realization can be noticed in her comment: “I'm trying to stop lying to myself about little things. I'm still working on the big ones” [1. P. 2].

While walking back to home Georgia comes across a woman on the sidewalk, whom Georgia offers some amount. African Americans are affectionate and caring towards poor and service providers. In her semi-autobiographical novel *How Stella Got Her Groove Back* (2004) Stella calls it as “This is like a black thang: You take care of me, I'll take care of you” [2. P. 62]. Terry's females are sensitive about discriminating treatment of blacks in American society. While watching a movie, Georgia gets disappointed by not finding any black character in it. On arrival of pizza she generously offers tip to Free, a pizza delivery boy who works to arrange his college fees. Free's remarks that no one except a few blacks in this locality gives him any tip after delivery of pizza, points to the communal attachment among African Americans in the US.

William E. Cross, Jr. in his article *Black Identity: Rediscovering the Distinction between Personal Identity and Reference Group Orientation* concludes that African Americans possess a high sense of personal worth. According to him, there are four variables that provide basis to black identity: self-concept, group identity or reference group orientation (RGO), personal identity (PI), and the relationship between PI and RGO [3. P. 156]. Earlene, Georgia's eighty-one years old mother who is lonely in her home, is conscious of her social identity and to maintain it visits church regularly. She decides to go on a cruise to visit Caribbean islands with some senior regular visitors of the church that is going to help her in endorsing social identity.

The happenings in life of most of the black women like Georgia and Frankie shows that they are unsatisfied with their male companion. They do not receive love and respect from men in their life. It is recurrent in Terry's novels that the black men are more inclined to white women. When Georgia goes through some old Valentine and birthday cards received from Niles, she dislikes the cards having pictures of white women on the cover of it. This selection of cards by black men indicates their attraction for white women. Though there is dislike for white men among most of the African American women, they never spread hatred about them. Stanley is the white boy in Georgia's list of boyfriends. On Wanda's asking Georgia whether she will have a white boyfriend at present in the twenty-first century, she replies "I've never really thought about it. My daughter seems to prefer white boys, and I'm not mad at her, but you know I love me some black men and especially black skin" [1. 49–50].

Georgia is not happy with her life; she wants to change her current location and decides to leave her profession also. She plans to sell her share in the clinic but is not sure about making earnings later. Georgia expresses boredom of routine life in words as: "Sometimes you know in your heart it's time to make a change, but the longer you just think about it, the longer the change takes. And since my life is the only thing I do have any control over, I want to start changing some of it" [1. P. 17–18]. She finds no objective in her life and likes to bring changes in it that will delight and will give her a feeling of satisfaction. This is not only the mental state of Georgia but of Terry McMillan's other African American female characters like Stella, Gloria and others. Violet visits Georgia's house to tell her that she needs a break from her routine family and professional life.

From Cleo Strawberry, a daughter of Raymond who was a boyfriend to Georgia in her days of graduation, Georgia comes to know that he is no more. It is the moment that brings about her past memories. On her way home, she thinks about Raymond who was her first love but never expressed it to him. She repents for not expressing her love to him that triggers her to think about the whereabouts of those six to seven men whom she loved once and what they are doing now. Georgia does not want to miss any opportunity to revive those memories. This is why, on receiving the invitation of fortieth class reunion party Georgia immediately decides to attend it. In the process of regaining identity, withdrawing to the past is explained by Elie Ayache as "the only way to regain identity would be to retreat to a time when the difference is not yet determined. Undetermination would thus be the way to evade the difference and to regain identity..." [4. P. 39]. The news of Violet's breast cancer shattered Georgia emotionally. Violet wants to re-establish her relationship with Georgia and Wanda. Regarding this she says "I have no intention of losing my friend. But what in the world am I going to do without her?" [1. P. 243]. Georgia gives importance to her friends this is why Violet's re-entry makes her life happy. Georgia believes that "first you have to have the dream before you walk inside it. Let's keep walking" [1. P. 18]. Georgia makes up mind to find those men with whom she was in love. The search has some purposes like to explore what she has given and received from them, to find the reasons why she loved them and they loved her, to know the reasons of break-up between them, to seek apology from them for her mistakes and to forgive them for their wrongdoings with her and to make them know she never forgets them. She decides to search for her loves with Abraham first.

Georgia meets Abraham in a club for the first time and gets impressed by him. Though it is shocking for her that he could not complete education, works part-time and stays with his sick mother, she accepts him. Abraham now lives with Georgia in her house and starts dominating her life. It is a common scenario among African American couples in Terry's novels. Georgia expresses her frustration in these words: "...to be perfectly honest he had also started getting on my nerves... As much as I was in love with Abraham's body, I knew I wasn't in love with him" [1. P. 27]. He starts becoming a distraction in her studies that drops down her performance in the college. Meanwhile, she becomes pregnant but does not want to remain in connection with any man through his baby. Abraham leaves Georgia for her decision to reject the baby then after they never meet. Georgia is now looking for Abraham, Oliver, David, Eric, Carter and Lance whom "she (I) was in love with, not the ones she (I) just slept with" [1. P. 35]. Georgia shares about this search with her friend Wanda who appreciates the idea and suggests her to search first for her ex-husbands. Wanda explains, "that way you can see when and how and why you made such bad choices in men, which might help explain why you are still lost and confused" [1. P. 36].

Dependency on parents is a major issue among African American youths. Estelle, Georgia's daughter, always leaves her twin daughters at their grandmother's home and goes for the work. Against her plan, Georgia allows her daughter Frankie and her husband Hunter to stay with her for a few weeks. It shocks Georgia's younger daughter Frankie that her mother put the house on sell because then after Frankie cannot stay long in the house.

Georgia tries to avoid Michael, her ex-husband whom she does not want in her life again. It was a very painful and heartbreaking experience for her when they were parted. Michael has love affair with a girl of his daughter's age. He left Georgia because she shifts her focus from him to her children. Georgia's satisfaction in returning to self helps her to recover from the shock. She expresses it in these words: "I stopped apologizing for being myself. Because I like who I was" [1. P. 68]. On Michael's request, Georgia decides to meet him but does not want to impress him. During their meeting he told her "...I began to get bored with her life, and you seemed more interested in being a good mother, and you were so into your practice –" [1. P. 71]. They relished their memories full of good and bad experiences of each other and parted happily. Georgia presents herself as self-motivated and enjoys the time with him.

Georgia consistently gains weight because she used to find excuses instead of doing some exercise daily. She decides to take care of herself and announces to herself: "I finally get why it's so hard for drug addicts to kick their habit even when they want to. So from this day forward, I'm not going to keep using the same lame-ass excuses for not taking care of myself. And that's final" [1. P. 149]. Inspired by the movie "Before Sunrise" to do something for self satisfaction, Georgia decides to take a train ride. Georgia explains Marina in the following words about her decision to bring change in her life:

"When you get older, you have the understanding that it would be stupid to change what's been working for you, but sometimes you come to your senses and realise you're not happy, you're bored and lonely, you haven't been laid in years, and on top of all this you admit that your profession is dull and unfulfilling and you just decide you're going to break up the monotony..." [1. Pp. 233–234].

Most of the Terry's African American women do not receive consistent male support in their familial life and experience disappointment in their relations with men. Georgia's younger daughter Frankie finds her life aimless and parts herself from Hunter, a disloyal husband. While expressing to Georgia her baffled state of mind, Frankie says "I'm confused about what the real purpose of my life is..." [1. P. 85]. African American females of the present century do not find self satisfaction in bearing children and dedication to familial responsibilities. On Georgia's asking about Frankie's pregnancy, she replies that we should not overvalue children in our life. For Georgia, "you can be a woman and be happy without a man and without love. Of course your life has more octane when you have someone to share it with" [1. P. 94].

In his text *Principles of Psychology* (1890) William James explores the concept of identity for which he uses the term 'self'. According to him, the 'self' has two critical aspects. One is the content that is what one knows about one's self and the other is process that means cognition, motivation, etc. Estelle finds her daughters are confused, they do not understand their presence in all white class in the school. On this, Georgia suggests Estelle, "I just don't think it's healthy for the black kids to go to all – or predominantly white schools... All I'm saying is that it's important they don't grow up confused about their identity" [5. P. 119]. Earlene is very optimistic about life who at the age of eighty-two decides to marry Grover who is "a nice addition" [1. P. 239] to her life. It is surprising to Georgia that Grover is Earlene's boyfriend for more than fifty years. This instigates in Georgia a feeling of absence of male companion in her life that she explains to Wanda in the following words: "You have no idea how much energy it takes and what it feels like to be in my shoes, going on blind dates at my age, hoping I'm going to meet someone wonderful, and it never goes anywhere. It's exhausting [1. P. 150]. She does not want to remain a spinster so decides to search for male company for the rest of her life. Georgia further tells Wanda about her intention behind searching a suitable partner: "...I'm trying to own up to some of my shortcomings, which is one of the reasons I wanted to look into the men from my past to see if maybe they saw then what I'm just learning now or if I inherited some of my unnamed issues from them" [1. P. 150].

For Terry's women, going on a date is one of the socialising activities. Georgia meets James Harvey and Richard with hope to receive one of them as a life partner but she could not make up her mind. Richard, who has crossed his middle age, is dependent on his parents. Later, Georgia goes on a date with James on his cabin cruiser where she comes to know that he has received a research grant and is going to visit India soon. Even at this stage of life Georgia could not find a suitable companion.

As Georgia is searching for her old friends on Facebook, she does not find Lance on it. She immediately guesses that he might be in prison. It points to common observation about criminal mindedness of African American men. Georgia finds Eric, one of her old friends, on Facebook who is in San Francisco. During their interaction on phone, she tells him that she is reinventing herself [1. P. 211]. They come very close to each other as both stay in the same building.

Though Georgia and Abraham were close friends and were in love with each other, she does not have confidence in him. In her meeting with Abraham,

Georgia expressed her confused state of mind about her future. She tells him: "...I'm trying to figure out what to do next, or with the rest of my life..." [1. P. 221]. Georgia explains to him the reason behind searching her old boyfriends that she does not want her emotions and feelings about them should remain under reach to them. She expresses her feelings of repentance while sharing her experiences with Abraham: "Last year I found out that someone I once cared a lot about had passed away, and I never told him how I really rate about him" [1. P. 226]. Georgia's feeling of dissatisfaction and stagnancy in married life were the major reasons behind her two divorces. Wanda is of the opinion that "...the past doesn't play a role in our present" [1. P. 206] hence, she recommends Georgia to finish her search for a companion.

Earlier, Georgia has decided to sell her house but cannot detach herself from the house. Later, she changes her mind not to sell it. She expresses: "I don't know what I was thinking. I didn't even know where else I wanted to go. As I look around, I realise I like living in this house. It's my house. And it wasn't the house I needed to change. It was me" [1. P. 258]. She removes a signboard of "For Sale" on her house. Georgia realises that she has "spent more time and energy on mistakes than she has (I have) with men who lived up to their image and keep their promises" [1. P. 259]. She now thinks that it is a waste of time to get reconnected with the remaining three men in the list of loves from her past. She learns from her love relations that one should enjoy moments in a relationship. Nobody knows how long this relation or feelings may last. Nobody is perfect and one should not toil to survive fading relations. It is better to find a way out from the situation instead of returning to the finished relations. She develops an interest in woodwork and starts working in the garage. She takes to repair the articles and furniture items in the house; this activity serves her artistic mind. She wants to set up a separate studio to nurture her hobby.

Terry's women are found confused while dealing with racial issues. It is observed through Terry's works that at social level sometimes there is noncooperation from whites but at individual level whites show trust in blacks. Though for their failure in life men held white dominant social system responsible, Terry's women prefer to live among white neighbourhoods because in all black they feel insecure.

Georgia's close ones plan a surprise birthday party for her. Wanda invites Stanley to the party by informing him that Georgia would like to meet her old friends. In their college days, he was in love with Georgia. Though Stanley is a white, he is of the opinion that blacks are citizens of the United States and they should get equal rights as others have. Due to communal differences Georgia maintains distance between them that hurts Stanley and he leaves her at that time. Georgia's birthday party brings them again close to each other where Stanley asks her about a train trip but she avoids answering. Stanley tells Georgia that "We all take a path we thought we wanted to take, and then we find out there are other paths we can still explore" [1. P. 296]. He expresses desire to marry her and invites her to visit his home in New York. Georgia sells her share in the clinic to Lily who is her clinic partner. Finally, she gets on the train "Coast Starlight" [1. P. 341] for her dream journey. Soon the journey starts generating feelings of disappointment in her, because she is eagerly waiting to reach Toronto where Stanley is going to receive her. Georgia compares herself with those "a bunch of weirdos and peo-

ple who don't know where they are going" and says that "everybody's just so damn lonely" [1. P. 350]. Stanley replies that all of us are trying to find a trustworthy and caring companion, to which she replies by tearing up train tickets.

It is observed when Terry's female especially protagonists leave their comfort zone for exploration of self; they come across opportunities and limitations in exploration and assertion of self [6]. Though Terry's women show psychological strength in different crises like financial, familial, and social; they are found suffering from internal isolation. There is absence of someone who understands their emotions and provides mental support to them. The world around is a hostile place for them that leads them to anxiety, helplessness and depression. In such situations they sometimes remain submissive and tolerant but they never give up attempts of sustaining their individuality and don't compromise with their identity. Terry's female characters are struggling for self-definition and found occupied with addressing difficulties in self-fulfillment.

References

- [1] McMillan, T. (2016). *I almost forgot about you*. Broadway Books (Penguin Random House LLC).
- [2] McMillan, T. (2004). *How Stella got her groove back*. New American Library, Penguin Group.
- [3] Cross, W.E. (1985). Black identity: Rediscovering the distinction between personal identity and reference group orientation. In M.B. Spencer, et al. (Eds.), *Beginnings: The Social and Affective Development of Black Children* (pp. 155–171). Lawrence Erlbaum Associates, Inc.
- [4] Ayache, E. (2010). *The blank swan: The end of probability*. John Wiley & Sons.
- [5] James, W. (1890). *Principles of psychology*. Henry Holt and Company.
- [6] Pawar, P.N. (2019, June). *Quest for identity in the novels of Terry McMillan*. Ph.D. Dissertation. Shivaji University, Kolhapur.

Bio note:

Pradip Nathuram Pawar, Assistant Professor of the Department of Science and Humanities of the Rajarambapu Institute of Technology (affiliated to Shivaji University, Kolhapur). E-mail: pradip.pawar@ritindia.edu.

Сведения об авторе:

Павар Прадип Натхурам, доцент департамента науки и гуманитарных наук Технологического института Раджарамбапу – филиала Университета Шиваджи, Колхапур. E-mail: pradip.pawar@ritindia.edu.

ЖУРНАЛИСТИКА
ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СМИ
JOURNALISM
HISTORY AND THEORY OF MEDIA

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-92-98

УДК 070

Научная статья / Research article

**Аффордансы
информационно-коммуникационного универсума,
или Кто стоит за спиной массмедиа**

И.М. Дзялошинский

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, Хитровский пер., д. 2/6, корп. 5*

✉ idzyaloshinsky@hse.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности и перспективы теории информационно-коммуникационного универсума для анализа массмедиа. Целью является обоснование применения в контексте теории медиа понятия «аффорданс», которое психолог Джеймс Дж. Гибсон ввел в науку для обозначения специфического «приглашающего» характера объектов и событий, через аффордансы подсказывающих алгоритм последующих действий. С этой точки зрения информационно-коммуникационный универсум дает возможность, а иногда и приглашает использовать его для каких-то важных для субъектов коммуникации целей. Однако, как и в ситуации любых других аффордансов, качество и варианты реализации его возможностей зависят от целей, интересов и умений субъекта, который пытается с этим аффордансом работать. Проводя аналогию: кого-то топор «приглашает» наколоть дров для старушки, а кого-то – использовать его как оружие против нее же с целью завладеть пенсией. Выдвигается тезис о функциональной полезности категории «информационно-коммуникационный универсум» для анализа процессов в системе медиа: традиционные представления об особенностях производства и потребления текстов подвергаются коррекции. Анализируются аффордансы Интернета как подсистемы информационно-коммуникационного универсума, что позволяет объяснить радикальные расхождения в оценке сетевых цифровых технологий представителями разных исследовательских школ. Обозначены дальнейшие перспективы выявления и использования скрытых аффордансов.

Ключевые слова: медиа, медиатекст, информационно-коммуникационный универсум, аффордансы

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Дзялошинский И.М., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи: поступила в редакцию 11 августа 2020 г.; принята к публикации 21 ноября 2020 г.

Для цитирования: Дзялошинский И.М. Аффордансы информационно-коммуникационного универсума, или Кто стоит за спиной массмедиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 1. С. 92–98. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-92-98>

The Affordances of the Information and Communication Universe, or Who is Behind the Mass Media

Iosif M. Dzyaloshinsky

*HSE University,
2/8 Khitrovsky Pereulok, bldg 5, Moscow, 10100, Russian Federation*
✉ idzyaloshinsky@hse.ru

Abstract. This article examines the specifics and perspectives of the information and communication universe theory for the analysis of the mass media. The aim is to explain the application of the concept of “affordance” in the context of media theory. The term was introduced by psychologist James J. Gibson to describe the specific “inviting” nature of objects and events, which, through affordances, suggest an algorithm for subsequent actions. From this point of view, the information and communication universe makes it possible to use it for some important purposes for the subjects of communication. However, the quality and options for implementing the possibilities of affordance depend on the goals, interests and skills of the subject who is trying to work with this affordance. To use an analogy, the same axe could “invite” some people to chop wood for an old lady, and others to use it as a weapon against her in order to seize her pension benefits. The thesis on the functional usefulness of the category “information and communication universe” for the analysis of processes in the media system is put forward. Traditional ideas about the specifics of the production and consumption of texts are corrected. The author analyzes the affordances of the Internet as a subsystem of the information and communication universe. It helps to explain the radical differences in the assessment of network digital technologies by representatives of different research schools. The article outlines further prospects for the identification and use of hidden affordances.

Keywords: media, media text, information and communication universe, affordance

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 11, 2020; revised October 13, 2020; accepted November 21, 2020.

For citation: Dzyaloshinsky, I.M. (2021). The affordances of the information and communication universe, or Who is behind the mass media. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(1), 92–98. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-92-98>

Введение

Есть основания предположить, что рассмотрение СМИ (и медиа в целом) исключительно в качестве социального и культурного института, всецело вовлеченного в решение каких-то узкопонятых социальных и культурных задач, себя исчерпало и не позволяет ни объяснить происходящие в этой сфере процессы, ни повлиять на их функционирование.

Первый звонок прозвенел, когда В.Я. Пропп обратил внимание на четкую повторяемость сказочных мотивов: «Наконец, подобно тому, как все реки текут в море, все вопросы сказочного изучения в итоге должны привести к разрешению важнейшей, до сих пор не разрешенной проблемы – проблемы сходства сказок по всему земному шару. Как объяснить сходство сказки о царевне-лягушке в России, Германии, Франции, Индии, в Америке у краснокожих и в Новой Зеландии, причем исторически общения народов доказано быть не может?» [1]. Другой автор (на него ссылается кибернетик А.В. Анасимов), один из основоположников структурного анализа, К. Леви-Стросс, обнаружил, что у мифов южноамериканских племен «сюжетные схемы отличаются внутренней устойчивостью и не изменяются под влиянием социальных инфраструктур – отражают схемы мышления первобытного человека» [2].

Психолог П.В. Симонов, изучив алгоритмы «чудес», в которые верит человечество, отмечает, что они не изменяются тысячелетиями и относятся «к четырем разновидностям:

- 1) исцеление от болезней, не поддающихся терапии „официальной медицины“;
- 2) общение со сверхъестественными существами (нечистая сила, призраки, ангелы, инопланетяне и т. д.);
- 3) магическое воздействие на неживые объекты и природные явления (телекинез, полтергейст и др.);
- 4) способность передавать и воспринимать события и объекты на расстоянии экстрасенсорным путем, ясновидение» [3].

В книге пермской писательницы С.Л. Федотовой «Тайные ураганы» есть наблюдения, интересные для специалиста в области коммуникации. Вот цитата: «Ежегодно, как грипп, волна мелких маний прокатывается по миру. Тамагоччи, ламбада и обувь на платформах. Бэксхем, прическа „Бабетта“ и боязнь птичьего гриппа. Show must go on, кубик Рубика...» [4. С. 3]. Пытаюсь объяснить эти массовые мании, С.Л. Федотова отвергает традиционные ссылки на пятна на солнце, расположение звезд, диалектический материализм, макроэкономические показатели и т. д. и выдвигает гипотезу: все дело в словах, которые наряду с органами чувств, формируют реальность, то есть то, что мы считаем действительностью. Они, сплетаясь в текст, создают внутри нас «программу», которая неумолимо заставляет нас следовать ей, иногда даже вопреки здравому смыслу и личной безопасности.

О том, что медиа, подобно мировому разуму у Гегеля, – это «реальное нечто, существующее независимо и, возможно, обладающее собственными потребностями и интересами», – писал Д. Рашкофф [5. С. 28].

Концепция информационно-коммуникационного универсума

Опираясь на обозначенные выше и многие другие высказывания, предлагаем использовать для объяснения процессов, происходящих в системе медиа, концептуальную модель, которая связана с категорией «информационно-коммуникационный универсум». Этим понятием мы обозначаем сложную саморазвивающуюся систему, аналогичную таким системам, как популяции, биогеоценозы, социальные институты и другие устойчиво воспроизводящиеся организованные. Информационно-коммуникационный универ-

сум, как и любая другая система, может быть частью более сложной системы и одновременно иметь собственные подсистемы. Условно-метафорически эту систему можно назвать «живой» (при этом избегая чрезмерно антропоморфного толкования информационно-коммуникационного универсума, который, конечно же, не обладает ни сознанием, ни собственной волей). В качестве такой «живой» системы информационно-коммуникативный универсум обладает собственными ритмами функционирования, похожими на пульсацию Вселенной, приливы и отливы океана, чередование времен года, циклы экономического развития и т. п. Исследовать эти ритмы – одна из важнейших задач коммуникативистики. Может быть, коммуникационные эпидемии, обозначаемые понятием «мода», охватывающие иногда целые страны и континенты, это и есть проявления этих «приливов и отливов» информационно-коммуникационного универсума?

Важная особенность саморазвивающихся систем – наличие внутреннего вектора эволюционного развития, что провоцирует новые состояния. «В таких системах формируются особые информационные структуры, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой („опыт“ предшествующих взаимодействий). Эти структуры выступают в функции программ поведения системы» [6]. И вопрос: что собой представляют эти структуры, которые фиксируют ценную для информационно-коммуникационного универсума информацию и «определяют способы взаимодействия информационно-коммуникационного универсума со средой и его воспроизводимости как целого – один из главных вопросов, возникающих при изучении информационно-коммуникационного универсума. Современная наука уже выявила и описала такого рода информационные структуры и их функции применительно к биологическим (генетический аппарат живых организмов) и социальным (культура) системам» [6]. Так понимаемый информационно-коммуникационный универсум представляет собой постоянно действующую систему, порождающую непредсказуемые эффекты в поведении других, связанных с ней систем.

Чрезвычайно перспективным в данном случае является зиттрейновский анализ: «Генеративность – это способность системы производить непредсказуемые изменения через нерегулируемые вклады от широкой и разнообразной аудитории» [7]. Участие индивидов или групп, генерирующих подобные трансформации, может быть как самодостаточным, так и скоординированным. Согласно исследованиям Зиттрейна, отмечено как минимум пять свойств таких систем. Перечислим их: «в какой степени та или иная технология или система способствует достижению определенного спектра задач; как просто эта технология может быть приспособлена к диапазону новых задач; как легко новые участники могут освоить эту технологию; насколько технология доступна; насколько использование той или иной технологии может быть перенесено в другие контексты» [8].

Комментируя и развивая положения Зиттрейна, А.Г. и Г.А. Асмоловы называют пять качеств-характеристик генеративных систем [9]: упрощение сложностей при наращивании возможностей (*leverage*), адаптивность (*adaptability*), простота (*ease of mastery*), доступность (*accessibility*), мобильность (*transferability*). Наличие всех пяти качеств, по Зиттрейну, делает использование

технологии непредсказуемой, вариативной, при этом отсутствие любого из пяти качеств лишает технологию генеративности. Если применить генеративный подход к информационно-коммуникационному универсуму, то можно предположить, что он позволяет широкой и разнообразной аудитории быть причастной к порождению перемен, то есть является «фабрикой» вариативности.

Именно принципиальная невозможность жесткой регуляции информационно-коммуникационного универсума формирует поле неадаптивного поведения в рамках субкультурных виртуальных сообществ для поиска обновления системы. Информационно-коммуникационный универсум выступает в роли «пространства социального воображения» (Ч. Тейлор), а в нем «происходит деконструкция существующих социальных и нормативных шаблонов. Примерами подобного рода пространств служат различные виртуальные сообщества, коллективные игровые сферы, блогосферы и платформы, предлагающие участникам свои правила игры» [10].

Таким образом, информационно-коммуникационный универсум не только формирует новые контексты и смыслы, но и качественно обновляет коммуникации между субъектом и окружением.

Функции или аффордансы?

Теперь пришло время поставить вопрос о целесообразности функционального подхода к медиа как части информационно-коммуникационного универсума. Разумеется, каждый субъект, вступающий в коммуникацию с кем-либо, ставит перед собой какие-то цели. И никто не может помешать исследователю коммуникативных процессов приписывать коммуникации любые функции (что, собственно, и делается). Однако это вовсе не значит, что информационно-коммуникационный универсум возник для осуществления именно этих функций. Разве природа существует для того, чтобы удовлетворять наши потребности? Разве язык существует для того, чтобы мы ругались с соседями? Мы используем и природу, и язык, и других людей для решения наших проблем, но это вовсе не значит, что в этом их функция.

Создатель экологической психологии Джеймс Дж. Гибсон ввел в науку такое понятие, как «аффорданс» [11]. В психологии и эргономике понятие «аффорданс» обычно используется «для обозначения ситуаций, при которых объект показывает субъекту способы своего использования своими неотъемлемыми свойствами» [12]. Технологии, как и объекты, могут допускать, позволять, предоставлять, способствовать, разрешать, предлагать, влиять, мешать, делать возможным, препятствовать. Вновь сошлемся на работу А.Г. и Г.А. Асмоловых [9], в которой предпринята попытка исследовать аффордансы Интернета. При этом обратим внимание, что Интернет входит в систему информационно-коммуникационного универсума.

Посмотрим, каким образом явные и скрытые аффордансы обнаруживают себя во Всемирной сети (как технологии). Обозначим их проявления через глаголы действия. Интернет с помощью цифровых технологий *дает* возможность сетевой аудитории при совместном целевом решении задач (краудсорсинг) перейти от эмоций к осмыслению. Интернет *раскрывает* потенциал эффективных «действий сообща» через самомотивацию снизу вверх, при этом не подвергается сомнению индивидуализация и персонификация

отдельных пользователей. Интернет *позволяет* людям противоположных институциональных матриц кооперироваться, хотя в иных условиях они не смогли бы достичь этого уже в силу принадлежности к разным организационным структурам. Рассуждения о потенциальном появлении новых типов акторов в Сети и новых форм взаимоотношений опираются, как правило, на концепцию аффордансов. Цифровые гаджеты *предлагают* не задействованные ранее формы существования, *делают реальными* возможности для развития сетевых типов деятельности, *выступают* в роли культурных орудий опосредствования деятельности. Цифровые платформы *задают* неизвестные прежде алгоритмы поведения и самоконтроля личности, «технологии себя» (М. Фуко). Интернет *ломает* вертикальную кооперацию, трансформируя экономические институты. Горизонтальная кооперация *оборачивается* в Интернете средой креативности, *связывает* идеи с воплощением. Участие в сетевом производстве *усиливает* благодарные мотивации индивидов, *улучшает* общество. Интернет мобилизует ресурс «когнитивного остатка» (К. Ширки), внимание *перенаправляется* в сторону глобальных проблем.

Так как Интернет представляет собой подсистему информационно-коммуникационного универсума, то все эти аффордансы можно распространить на систему в целом. Дальнейшие исследования позволят выявить и другие, пока скрытые от нас аффордансы.

Заключение

Подводя итог высказанным соображениям, можно констатировать, что теория информационно-коммуникационного универсума вносит существенные коррективы в такие традиционные представления об особенностях производства и потребления текстов, которые связаны с понятиями «коммуникативная», «речевая», «текстовая» деятельность. Появляется возможность по-новому взглянуть на функциональные особенности как систем массовой коммуникации, так и других коммуникационных ресурсов. И возможно, мы сможем получить ответ на вопрос, почему благие намерения многих участников медийных процессов оборачиваются совершенно неожиданными последствиями. Может быть, это месть информационно-коммуникационного универсума за неверное использование его аффордансов?

Список литературы

- [1] *Пропн В.Я.* Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998. 352 с.
- [2] *Анисимов А.В.* Компьютерная лингвистика для всех: мифы, алгоритмы, язык. Киев: Наукова думка, 1991. 207 с.
- [3] *Симонов П.В.* Созидющий мозг: нейробиологические основы творчества. М.: Наука, 1993. 111 с.
- [4] *Федотова С.Л.* Тайные ураганы. Пермь, 2012.
- [5] *Рашкофф Д.* Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М.: Ультра. Культура, 2003. 368 с.
- [6] *Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Библиотека по философии. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000249/> (дата обращения: 19.08.2020).
- [7] *Zittrain J.* The future of the Internet – and how to stop it. New Haven, CT; L.: Yale University Press, 2008.

- [8] Zittrain J. The generative Internet // *Harvard Law Review*. 2005. Vol. 119. No. 7. URL: <https://dash.harvard.edu/handle/1/9385626> (accessed: 12.03.2021).
- [9] Асмолов Г.А., Асмолов А.Г. Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // *Вопросы психологии*. 2019. № 4. С. 3–28.
- [10] Асмолов Г.А., Асмолов А.Г. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформация идентичности в виртуальном мире // *Вопросы психологии*. 2009. № 3. С. 3–15.
- [11] Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. 464 с.
- [12] Норман Д. Дизайн вещей будущего. М.: Strelka Press, 2013. 224 с.

References

- [1] Propp, V. Ja. (1998). *Pojetika fol'klora* [*The Poetics of folklore*]. Moscow, Labirint Publ. (In Russ.)
- [2] Anisimov, A. V. (1991). *Komp'juternaja lingvistika dlja vseh: Mify, algoritmy, jazyk* [*Computational linguistics for all: Myths, algorithms, language*]. Kiev, Naukova dumka Publ. (In Russ.)
- [3] Simonov, P. V. (1993). *Sozidajushhij mozg: Nejrobiologicheskie osnovy tvorcestva* [*The creative brain: The neurobiological foundations of creativity*]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
- [4] Fedotova, S. L. (2012). *Tajnye uragany* [*Secret hurricanes*]. Perm'. (In Russ.)
- [5] Rashkoff, D. (2003). *Mediavirus. Kak pop-kul'tura tajno vozdejstvuet na vashe soznanie* [*Media virus! Hidden agendas in popular culture*]. Moscow: Ul'tra. Kul'tura Publ. (In Russ.)
- [6] Stepin, V. S. Samorazvivajushhiesja sistemy i postneklassicheskaja racional'nost' [Self-developing systems and post-nonclassical rationality]. *Biblioteka po filosofii* [*Library of philosophy*]. Retrieved August 19, 2020, from <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000249/> (In Russ.)
- [7] Zittrain, J. (2008). *The future of the Internet – and how to stop it*. New Haven, CT; London, Yale University Press.
- [8] Zittrain, J. (2005). The generative Internet. *Harvard Law Review*, 119(7). Retrieved March 12, 2021, from <https://dash.harvard.edu/handle/1/9385626>
- [9] Asmolov, G. A., & Asmolov, A. G. (2019). Internet as a generative space: Historical and evolutionary perspective. *Voprosy Psichologii* [*Psychology Issues*], (4), 3–28. (In Russ.)
- [10] Asmolov, G. A., & Asmolov, A. G. (2009). From We-media to I-media: Identity transformation in the virtual world. *Voprosy Psichologii* [*Psychology Issues*], (3), 3–15. (In Russ.)
- [11] Gibson, J. (1988). *Jekologicheskij podhod k zritel'nomu vosprijatiju* [*The ecological approach to visual perception*]. Moscow, Progress Publ. (In Russ.)
- [12] Norman, D. (2013). *Dizajn veshhej budushhego* [*The design of future things*]. Moscow, Strelka Press. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Дзялошинский Иосиф Михайлович, доктор филологических наук, профессор-исследователь факультета коммуникаций, медиа и дизайна Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-6000-1337>. E-mail: idezaloshinsky@hse.ru.

Bio note:

Iosif M. Dzyaloshinsky, Doctor of Philology, Research Professor of the Faculty of Communications, Media, and Design of the HSE University. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-6000-1337>. E-mail: idezaloshinsky@hse.ru.

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-99-106

УДК 82.01

Научная статья / Research article

Драматургия телевизионного зрелища как аналог синтаксиса аудиовизуального языка

И.Н. Кемарская

*Академия медиаиндустрии,
Российская Федерация, 127521, Москва, ул. Октябрьская, д. 102, корп. 2*
✉ ink0620@gmail.com

Аннотация. Рассматривается драматургия телевизионного произведения как структурообразующий каркас форматной основы телепериодики. Целью является объяснение принципиальных особенностей ТВ-программы как цельного художественного явления, воплощающегося во множестве вариаций на базе единой форматной модели. Ставится задача прояснить актуализированную отечественными и западными медиаисследователями проблему эффективного функционирования синтаксических правил при условии отсутствия базовых языковых единиц, характерную для аудиовизуального языка экранных зрелищ. Выдвигается общий тезис о полимодальности аудиовизуального произведения как единого текста, разворачивание которого происходит по предустановленным схемам, регулирующим воздействие отдельных элементов на зрительское восприятие. Драматургический подход рассматривается в дискурсе глобального иконического поворота от культуры вербальной к культуре визуальной, прослеживаются разноотраслевые попытки выделить возможные базовые единицы новой комбинаторной знаковой системы. Синтаксические конструкции, определяемые как цепь эпизодов, демонстрируют признаки фрагментарности, мозаичности, интертекстуальности и других критериев эстетики постмодерна. Акцентируется дуализм экранных аттракционов как агрессивно воздействующих инструментов и вербального нарратива, их взаимовлияние и драматургическая значимость. Рассматриваются понятия «синтаксической униформности», постоянства выбранной для данного формата синтаксической структуры, без возможности нарушать ее в вариациях выпусков.

Ключевые слова: драматургия, телевидение, языковая единица, аудиовизуальный синтаксис, аттракцион, нарратив

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 17 ноября 2020 г.; принята к публикации 9 января 2021 г.

Для цитирования: *Кемарская И.Н.* Драматургия телевизионного зрелища как аналог синтаксиса аудиовизуального языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 1. С. 99–106. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-99-106>

© Кемарская И.Н., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

TV Show Dramaturgy as an Analogue of the Audiovisual Syntax

Irina N. Kemarskaya

*Academy of Media Industry,
105 Octyabrskaya St, bldg 2, Moscow, 127521, Russian Federation*
✉ ink0620@gmail.com

Abstract. The dramaturgy of a television work as structure-forming for the format basis of a television periodical is examined. The purpose of the study is to explain the fundamental features of a TV program as an integral artistic phenomenon, embodied in many variations based on a single format model. The task is to clarify the problem of the effective functioning of syntactic rules in the absence of basic linguistic units, which is characteristic of the audiovisual language of screen shows, that has been actualized by domestic and Western media researchers. A general thesis is put forward about the polymodality of an audiovisual work as a single text, the unfolding of which occurs according to pre-established schemes that regulate the effect of individual elements on the viewer's perception. The dramatic approach is considered in the discourse of the global iconic turn from the verbal culture to the visual culture, there are multi-branch attempts to identify possible basic units of the new combinatorial sign system. Syntactic constructions, defined as a chain of episodes, show signs of fragmentation, mosaicism, intertextuality, and other criteria of postmodern aesthetics. The dualism of screen attractions as aggressively influencing instruments and verbal narrative, their mutual influence and dramatic significance are emphasized. The concepts of “syntactic uniformity”, the constancy of the syntactic structure chosen for a given format, without the possibility of breaking it in variations of editions are considered.

Keywords: dramaturgy, television, language unit, audiovisual syntax, attraction, narrative

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted November 17, 2020; revised December 10, 2020; accepted January 9, 2021.

For citation: Kemarskaya, I.N. (2021). TV show dramaturgy as an analogue of the audiovisual syntax. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(1), 99–106. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-99-106>

Введение

Одно из основных отличий аудиовизуального языка от вербального видится в отсутствии обязательного ряда базовых единиц, своего рода «элементарных частиц», аналогичных алфавиту (речь письменная) или конечному набору звуков (речь устная). Например, для русского языка основные наборы составляют 33 буквы алфавита и 42 фонетических звука, комбинирующиеся во множество слов, набор которых тоже не безграничен. Он зафиксирован лингвистическими словарями и колеблется в относительно незначительных пределах.

Но язык экранных зрелищ не укладывается в словарь, он содержит бесчисленное количество динамичных образов, трансформирующихся, перетекающих друг в друга, не поддающихся учету и упорядоченной класси-

фикации: «Парадоксальность изобразительного языка в том состоит, что „говорящий“ на нем создает высказывания, пользуясь некоторыми правилами (грамматикой), но словарь в этом языке как будто отсутствует» [1. С. 6].

ТВ-формат: трансляция смыслов с помощью поверхностных синтаксических структур

Каждое экранное произведение есть аудиовизуальное высказывание, разворачивающееся по определенным правилам, известным и автору (коммуникатору), и зрителю (коммуниканту). Эти правила позволяют структурировать информацию, выстраивать ее в цепочки соподчинения, достигая эффекта упорядоченности сообщения, характерного для синтаксиса, как части аудиовизуальной грамматики, при всей проблематичности выделения отдельных «слов» сообщения: «Знаки иконического сообщения не черпаются из некоей кладовой знаков, они не принадлежат какому-то определенному коду, в результате чего мы оказываемся перед лицом парадоксального феномена – перед лицом сообщения без кода» [2. С. 301]. Выводом может служить неприменимость к исследованиям драматургии экранного зрелища эпистемологического, то есть основанного на доказательном достоверном научном знании, подхода. Глобальные изменения в современной культуре вводят в обиход новую, неклассическую эпистемологию, для которой характерны иной категориальный аппарат и отказ от привычного диахромного «черно-белого видения, невнимания к оттенкам» [3. С. 108]. Новый подход можно назвать постепенным проявлением канонов аудиовизуального экранного языка, не сводимых прямым сравнительным аналогиям.

Драматургия телевизионного произведения отличается от драматургии кинопроизведения принципиально иным характером интенций. Фильм строится по законам развертывания единичного произведения. Телепрограмма представляет собой совокупность выпусков, множественные вариации одной и той же узнаваемой первоосновы, которую можно представить как генеративную (порождающую) модель. Такая модель функционирует, подчиняясь набору характерных правил, определяющих формат программ. Выявить подобную условную модель возможно с помощью редукции информационного наполнения конкретных выпусков, вплоть до обнажения повторяющихся структурных элементов. Эти элементы функционируют в холистическом единстве, давая возможность зрителю «считывать» информацию при беглом узнавании конструкции, без погружения в семантику смыслов: «Семантическая интерпретация не обязательно должна осуществляться только после завершения синтаксического анализа – она может начаться и ранее на основе неполной информации о поверхностных синтаксических структурах» [4. С. 10].

Таким смыслообразующими «поверхностными» образующими узловыми элементами формата можно считать хронометраж выпуска, стиль нарратива, выбор ключевых аттракционов, композиционное деление, завершенность или незавершенность отдельных эпизодов, ряд других параметров. С учетом указанных допущений драматургия телевизионного произведения может рассматриваться как многоуровневая система знаковых кодов, орга-

низованным образом упорядочивающая восприятие телепроизведения зрителем. Композиционная фрагментарность телевизионного зрелища, рассчитанного на старт-стопный, фоновый просмотр, принципиально отличается от кинозрелища, рассчитанного на непрерывный просмотр, в ходе которого через связную цепь событий развертывается смысловое ядро замысла.

Дискурсивные подходы к определению базовых единиц аудиовизуального языка

«Насмотренный» зритель знает, как будет развиваться знакомая программа, кодовая природа телезрелища (в отличие от фильма) известна ему до начала художественного восприятия. Зритель ориентируется в происходящем на экране, «считывая» информацию и руководствуясь при этом определенными кодовыми знаками, схожими по воздействию со знаками препинания в письменных лексических языках. Создание драматургической структуры форматной модели можно рассматривать как упорядоченное моделирование элементов, аналогичных единицам аудиовизуального языка, к определению которых существует несколько подходов.

Информационный дискурс предполагает рассматривать в качестве единицы медиакommunikации конкретные данные, имеющие коммуникационную ценность: «Основной единицей происходящего в системе массмедиа коммуникативного процесса выступает информация <...> Медиainформация – это любое сообщение в СМИ, созданное с использованием всех творческих и технических возможностей (текст, графика, фото, видео) [5. С. 25–26]. Проблема использования информации в качестве языковой единицы заключается в ее неисчислимости и неопределенности. Непонятно, по какому принципу делить информационный медиапоток на исчисляемые фрагменты, учитывая поликодовый характер экранного зрелища, для которого характерны «третьи смыслы», возникающие при сопряжении визуальной и аудиальной составляющих.

Кинематографический дискурс опирается на принцип монтажа, предполагающего набор текста из отдельных фрагментов, первые исследования механизмов которого относятся к периоду «прозрений» эпохи раннего кино, в частности работам С.М. Эйзенштейна, уподоблявшего законы монтажной последовательности законам поэзии или музыки. Авангардистские поиски единицы киноязыка сводились к ощущению его природной упорядоченности, но не превращались в формально постулированную грамматическую систему.

Семиотический дискурс во многом опирался на кинематографический. В частности, семиотики, вслед за Ю.М. Лотманом, выступали за признание кадра единицей анализа экранного зрелища, отмечая его дискретность, то есть измеримость, свободу, аналогичную свободе, присущей слову (кадр можно переносить, заменять, акцентировать и т. д.), возможность подчинения коммуникации правилам «фильмической» грамматики: «Коммуникативная модель работает на основе предзаданного в сообщении кода: *адресант* передает информацию, кодирует ее, в свою очередь *адресат* получает информацию, подвергая ее декодированию» [6. С. 16]. Знаковый подход, выявляя

комбинаторность аудиовизуального высказывания, признает наличие в нем синтаксического начала, но оставляет в стороне эмоциональное воздействие экранного сообщения как поликодовой и полимодальной системы, не сводимой к системе сложения «атомарных» смыслов.

Коммуникационный дискурс поднимает проблемы выразительных систем и способов «считывания» аудиовизуальных посланий объектами воздействия, используя такие методы поиска аудиовизуальных единиц, как контент-анализ, основанный на учете частотности использования смысловых блоков; интент-анализ, определяющий задачи конструирования структурных форм; дискурс-анализ, учитывающий контекстуальность создаваемого аудиовизуального текста. Предметом рассмотрения является не столько вычленение структурных форм аудиовизуальной речи как базовых единиц анализа, сколько методика «упаковки» телепроизведений в качестве медиапосланий.

Медиадиалогический дискурс развивается в направлении выявления первичных элементов экранных зрелищ, в отличие от лингвистики и коммуникативистики ставя задачей исследовать структурные процессы функционирования медиа, опираясь на системы циркуляции информации в обществе и используя в качестве базовой единицы анализа понятие «медиасистемы»: «„Медиасистема“ обобщает реальную практику национальной медиасреды, но является при этом тоже теоретическим конструктором, потому что медиа-системы в конкретной стране измерить довольно сложно. <...> Ключевой характеристикой анализа, основанного на выделении единиц, является представление о том, что основные свойства единицы сохраняют основные свойства целого, то есть обладают свойствами, которые также можно обнаружить в исходном целом» [7. С. 10].

При всем дискурсивном разнообразии подходов к анализу аудиовизуального произведения общими принципами его рассмотрения можно считать: отход от лингвоцентричности в пользу поликодовости вербальной и визуальной составляющих, признание интенционности и комбинаторности ТВ-текста, ориентированность на поиск действующих «единиц анализа», проявляющих свойство «целого».

Форматная порождающая модель как сложное синтаксическое целое

Британский социолог Ирвинг Гофман, автор теории фреймов, размышляя об упорядочивающем характере драматургии, использовал понятие «синтаксис» применительно к структуризации социальных практик, говоря о «синтаксисе» реакции, то есть об алгоритме прогнозируемой реакции зрителя на *сложное синтаксическое целое*. Каждый сегмент зрелища может быть прочитан только во взаимосвязи с другим сегментом, считал Гофман, контекстуально важные факторы надо все время иметь в виду. Так, зритель в театральном зале реагирует одним образом на смешную по тексту реплику актера, и другим – на актерскую ошибку или заминку. И в том, и в другом случае в зале звучит смех, но этот смех разной природы, драматургически принципиально разный. «В первом случае индивид смеется как наблюда-

тель, во втором – как театрал» [8. С. 192–193]. Для постижения сложного синтаксического целого необходима полная поглощенность участников драматическими перипетиями деятельности, иначе действие как авторская интенция не состоится.

Применительно к телевизионной программе мы анализируем не отдельные ее выпуски, а форматную порождающую (генеративную) модель как сложное синтаксическое целое. Опуская, редуцируя информационное наполнение вариаций этой модели (содержание конкретных выпусков), авторы оперируют структурами в расчете на максимально полную поглощенность зрителями происходящим на экране. Внеконтентный драматургический подход открывает доступ к пониманию формата телепрограммы как цельного законченного многоуровневого текста, реализующего коммуникационный акт между авторами и зрителем в каждом своем новом вариативном воплощении.

Единый полимодальный текст телепроизведения складывается из смыслово и композиционно оформленных конструкций – эпизодов. В русскоязычной практике, имеющей кинематографические корни, эпизодом называют «относительно завершенную часть сценария фильма или передачи, не требующую единства места, но обладающую единством действия и темы» [9. С. 168]. На первый взгляд эпизод может рассматриваться как аналог синтаксической единицы программы, обладая осмысленностью синтаксической конструкции. Но эпизодам ТВ-повествования присуща повышенная фрагментарность, диктуемая дискретностью телесмотрения. Синтаксическая конструкция, составленная из телеэпизодов, не устойчива, она обладает низкой соподчиненностью фрагментированных блоков.

За одним исключением: экранные аттракционы представляют собой действительно значимые элементы программы, заставляющие зрителя пристально следить за экранным действием, активно воспринимаемые: «Аттракцион есть элемент произведения, способный интенсивно воздействовать на зрителя (слушателя, читателя), вызывая у него ту или иную планируемую автором эмоцию. Одновременно это и единица, которой измеряется способность любого элемента произведения, любого компонента художественного целого оказывать на зрителя воздействие» [10. С. 3]. Именно аттракцион может претендовать на роль базовой единицы аудиовизуального текста как агрессивно воздействующий элемент.

С позиций синтаксиса аттракцион представляет собой законченное, эквивалентное высказывание, спонтанно разворачивающееся на глазах у зрителя при потенциальной неопределенности его завершения. Он может встраиваться в каждый эпизод, определяя соподчиненность планов ради финального ударного воздействия на зрителя, представляя собой сквозную синтаксическую конструкцию, пронизывающую всю цепь эпизодов ради финальной кульминации программ. Аттракционность телевизионных построений подчиняется так называемой синтаксической униформности (термин, используемый А.В. Козуляевым) [11. С. 111] – постоянству выбранной для данного формата определенной постоянной синтаксической структуры, без возможности нарушать ее.

Заключение

Национальные традиции вербализации принадлежат эпохе печатного слова, говоря словами Маклюэна, «галактике Гутенберга», оказавшейся на рубеже тысячелетия перед лицом глобального иконического поворота от культуры вербальной к культуре визуальной. Необходимость скорейшего практического овладения новой медиаграмотностью настраивает на поиск работающих решений больше, чем выстраивание досконально обоснованной теоретической базы. Драматургический подход к конструированию зрелища не отменяет поиска его неделимых базовых элементов, но признает подчиненность правилам коммуникационного синтаксиса аудиовизуального языка.

Список литературы

- [1] Михалкович В.И. Изобразительный язык средств массовой коммуникации. М.: Наука, 1986. 224 с.
- [2] Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 351 с.
- [3] Вахштайн В.С. Драматургическая теория Ирвинга Гофмана: два прочтения // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 4. С. 104–118.
- [4] Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК имени И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
- [5] Войтик Е.А. Информация как единица коммуникативного процесса и ее значение в медиакоммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). С. 24–28.
- [6] Постникова Т.В. Коммуникация кинематографа в семиотике Ю.М. Лотмана: философско-антропологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2006. № 3. С. 11–31.
- [7] Вартанова Е.Л. К вопросу о выборе «единицы анализа» в теоретических медиаисследованиях // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения: сборник материалов Международного научного форума (18–19 апреля 2019 г.) / отв. ред. В.В. Васильева: в 2 т. Т. 1. СПб.: СПбГУ, 2019. С. 9–10.
- [8] Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 752 с.
- [9] Утилова Н.И. Монтаж: учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2004. 171 с.
- [10] Липков А.И. Проблемы художественного воздействия: принцип аттракциона. М.: Наука, 1990. 240 с.
- [11] Козуляев А.В. Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу (английский язык): дис. ... к. пед. н. М.: РУДН, 2019. 234 с.

References

- [1] Mihalkovich, V.I. (1986). *Izobrazitel'nyj yazyk sredstv massovoj kommunikacii* [The pictorial language of mass communication]. M.: Nauka. (In Russ.)
- [2] Bart, R. (1989). *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress Publ. (In Russ.)
- [3] Vahshtajn, V.S. (2003). Dramaturgicheskaya teoriya Irvinga Gofmana: Dva prochteniya [Irving Hoffmann's dramatic theory: Two readings]. *Sociologicheskoe Obozrenie* [Sociological Review], 3(4), 104–118. (In Russ.)
- [4] Van Deijk, T.A. (2000). *Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk, BGK imeni I.A. Boduena de Kurtene. (In Russ.)

- [5] Vojtik, E.A. (2013). Informaciya kak edinica kommunikativnogo processa i ee znachenie v mediakommunikacii [Information as a unit of the communicative process and its significance in media communication]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 1(292), 24–28. (In Russ.)
- [6] Postnikova, T.V. (2006). Communication of cinema in semiotics of Yu.M. Lotman: Philosophical and anthropological analysis. *Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy*, (3), 11–31. (In Russ.)
- [7] Vartanova, E.L. (2019). K voprosu o vybore “edinicy analiza” v teoreticheskikh media-issledovaniyah [On the question of choosing a “unit of analysis” in theoretical media research]. *Media v sovremennom mire. 58-e Peterburgskie chteniya [Media in the modern world. 58th Saint Petersburg Readings]: Collection of materials of the International Scientific Forum (April 18–19, 2019)* (vol. 1, pp. 9–10). Saint Petersburg, SPbU Publ. (In Russ.)
- [8] Gofman, E. (2003). *Analiz frejmov: Esse ob organizacii povsednevnogo opyta [Frame analysis: An essay on the organization of everyday experience]*. Moscow, Institute of Sociology of the RAS, Institut Fonda “Obshchestvennoe mnenie”. (In Russ.)
- [9] Utilova, N.I. (2004). *Montazh [Editing]*. Moscow, Aspekt Press. (In Russ.)
- [10] Lipkov, A.I. (1990). *Problemy hudozhestvennogo vozdejstviya: Princip attrakcionnaya [Problems of artistic impact: The principle of attraction]*. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
- [11] Kozulyaev, A.V. (2019). *Integrativnaya model' obucheniya audiovizual'nomu perevodu (anglijskij yazyk) [An integrative model of teaching audiovisual translation (English)]* (Dissertation of the Candidate of Pedagogical Sciences). Moscow, RUDN University. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Кемарская Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник НИС Академии медиаиндустрии. E-mail: ink0620@gmail.com.

Bio note:

Irina N. Kemarskaya, Candidate of Philology, leading researcher of the Research Sector of the Academy of Media Industry. E-mail: ink0620@gmail.com.

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-107-114

УДК 070

Научная статья / Research article

Медиарегионализм как историческая особенность СМИ Квебека

Е.Ф. Овчаренко

*Московский государственный университет,
Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, д. 1*

✉ felicella@inbox.ru

Аннотация. Исследовательский вопрос статьи: почему двуязычие, присутствовавшее в ранней периодике Квебека за 200 лет до принятия Закона о билингвизме (1969), не применяется в наши дни. На фоне разработанности темы «канадской мозаики» отечественные исследователи не уделяли достаточного внимания особенностям СМИ этой единственной франкоязычной провинции страны, поэтому теоретико-методологической основой для статьи стали в основном работы канадских исследователей медиа: М. Брюне, Ж.-П. де Лаграва, А. Больё и Ж. Амлена, У. Кестертон, а также отчет Королевской комиссии по газетам (1981). Существенно влияние на квебекские медиа и франкоканадского национального вопроса, который возник после перехода Квебека к Великобритании. Сегодня в провинции в соответствии с Хартией французского языка (1977) господствует монолингвизм. Современную информационную политику правительства Квебека можно определить термином «медиарегионализм» (французский язык медиа, специфический, «квебекский» контент и противостояние федеральной доктрине, положенной в основу Закона об официальном билингвизме: «одна страна – одна нация, говорящая на двух языках»). В результате анализа особенностей информационной политики Квебека можно заключить, что это способ выживания в окружении англоязычных провинций. Однако медиарегионализм имеет и обратную сторону: ни одно франкоязычное СМИ Квебека не стало общенациональным, как, например, квебекская англоязычная «Газетт» (когда-то двуязычная «Газетт де Монреаль»). Зная историю Квебека, тесно связанную с защитой квебекской идентичности и родного языка, можно утверждать: тенденция к медиарегионализму сохранится и в ближайшее время.

Ключевые слова: Квебек, Канада, медиа Квебека, франкоканадский национальный вопрос, официальный билингвизм, медиарегионализм

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 1 ноября 2020 г.; принята к публикации 28 декабря 2020 г.

Для цитирования: Овчаренко Е.Ф. Медиарегионализм как историческая особенность СМИ Квебека // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 1. С. 107–114. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-107-114>

© Овчаренко Е.Ф., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Media Regionalism as a Historical Feature of Quebec Mass Media

Elena F. Ovcharenko

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

✉ felicella@inbox.ru

Abstract. The current issue of information access for different nations within one state is examined. The media of Quebec, the only francophone province of Canada, give us a clear example. However, Russian scholars almost disregard this domain. Therefore, the research is based on the Canadian works (M. Brunet, A. Beaulieu and J. Hamelin, W.H. Kesterton) in French and in English. The Royal Commission on Newspapers Report (1981), which described two separate media systems (French media and English media), was used as well. The focus is on the Franco-Canadian national problem and its influence on Quebec media historic evolution. This process moves from bilingual editions (two first newspapers were published in French and in English simultaneously) to modern monolingual media system. Through comparative analysis, the relationship between media bilingualism and media monolingualism in Quebec of 18–21st centuries is examined. Quebec’s modern information politics can be defined as media regionalism (French language and specific Quebec content). Media regionalism’s object is to resist federal doctrine “one country – one nation with two languages”, the base of Official Language Act (1969). As a result, the absence of traditional “federal” official media bilingualism in Quebec, which tries to save its national heritage by media regionalism, was discovered.

Keywords: Quebec, Canada, Quebec’s mass media, Franco-Canadian national problem, official bilingualism, media regionalism

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted November 1, 2020; revised November 30, 2020; accepted December 28, 2020.

For citation: Ovcharenko, E.F. (2021). Media regionalism as a historical feature of Quebec mass media. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(1), 107–114. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-107-114>

Введение

В современном мире актуальна проблема обеспечения равного доступа к информации для всех граждан многонациональных государств, одним из которых является Канада. Отечественные исследователи (политологи, экономисты, историки, лингвисты) разрабатывают различные аспекты «канадской мозаики», однако особенности СМИ Квебека, а также история информационного неравноправия его франкофонного населения пока остаются вне поля их научных интересов.

Цель исследования связана с вопросом: почему двуязычие, существовавшее в ранней периодике Квебека за 200 лет до принятия Закона о билингвизме (1969), не применяется в наши дни? Также анализируется влияние на квебекские медиа франкоканадского национального вопроса, который зародился после перехода Квебека к Великобритании (середина XVIII века)

и неоднократно угрожал целостности Канадской конфедерации в XX столетии. Сегодня в медиа провинции официальный билингвизм представлен обособленным сосуществованием двух систем СМИ – лидирующей франкоязычной и компактной англоязычной, а современную информационную политику правительства Квебека можно определить термином «медиарегионализм». Медиарегионализм не ограничивается французским языком СМИ и специфическим «квебекским» контентом. Главная цель медиарегионализма – противостоять федеральной доктрине, положенной в основу Закона об официальном билингвизме: «одна страна – одна нация, говорящая на двух языках».

Материалы и методы

Материалами для исследования в рамках настоящей статьи послужили, в основном, труды известных канадских исследователей медиа – А. Больё и Ж. Амлена, Ж.-П. де Лаграва, У. Кестертон, М. Брюне, а также отчет Королевской комиссии по газетам (1981) – по причине неразработанности данной темы отечественными учеными.

Методы исследования. Данная работа потребовала применения общенаучного метода историзма, а контекст исследования – обращения к компаративному методу и использованию культурологического и междисциплинарного подходов. Выдвигается гипотеза о невозможности использования билингвизма в формах, присущих СМИ Квебека в XVIII – начале XIX века. На фоне своеобразного «поединка законов» – Хартии французского языка (1977) vs. Закона об официальном билингвизме (1969), дается краткая характеристика мультикультурного Radio CHIN (Английская Канада) как наиболее удачного примера использования би- и полилингвизма в стране.

В 2019 году исполнилось полвека канадскому Закону об официальном билингвизме (1969), который, по мнению правительства либералов во главе с Пьером-Эллиотом Трюдо, должен был стать залогом «лингвистического мира» между франкофонами и англофонами Канады. Однако этот мир не достигнут и поныне. Две нации-основательницы стояли у истоков государственности страны кленового листа, а ее первые страницы были написаны по-французски: в 1534 году бретонский моряк Жак Картье приплыл к канадским берегам и объявил их владениями французского короля. Первые печатные издания в Канаде появились одновременно с ее открытием, но за все время французского владычества здесь не построили ни одной типографии, и миссионеры рисовали от руки календари церковных праздников для обращенных в христианство индейских племен [1. С. 101].

В 1763 году по итогам Семилетней войны французская колония Новая Франция, или Канада, перешла к Великобритании и стала именоваться Квебеком. Британский король Георг III официальным языком объявил английский, хотя население новой колонии говорило только по-французски. «Прокламация Георга III росчерком пера упразднила прежнюю Канаду... Канада не существовала, но канадцы остались. Для них Канада не исчезла. Потому что Канада была их родиной», – так эмоционально описал видный квебекский историк XX века Мишель Брюне зарождение франкоканадского наци-

онального вопроса [2. Р. 18], переросшего позднее во франкоканадскую национальную проблему. Однако именно в это время появилась и первая газета Квебека, что оказалось связанным с именем Бенджамина Франклина. Выдающийся ученый и политический деятель XVIII века побывал в Квебеке в 1760 году и знал, что там нет ни газет, ни типографий. Он порекомендовал шотландцу Уильяму Брауну, обучавшемуся типографскому ремеслу у его родственника, открыть собственное дело в новой колонии, издавая газету на двух языках, с учетом ее национального состава. Так 21 июня 1764 года в административном центре – городе Квебеке был отпечатан первый номер «Квебекской газеты» (*La Gazette de Québec – Quebec Gazette*).

При населении Квебека (вместе с гарнизоном) 8967 жителей [3. Р. 19] Уильяму Брауну и его компаньону Томасу Гилмору удалось найти всего 143 подписчика, примерно одинаково среди англичан и французов, и первый номер отпечатали в 150 экземплярах [4. Р. 1]. Однако двуязычная «Квебекская газета» сразу стала самым крупным изданием эпохи на территории будущей Канадской конфедерации (англоязычные издания: «Галифакс газетт», г. Галифакс – 72 подписчика, «Ройал Американ газетт», г. Шарлоттаун – около 50 подписчиков) [5. Р. 8]. Как мы видим, медиабиллингвизм первого издания Квебека был продиктован необходимостью. Но Браун и Гилмор недостаточно владели французским языком, и после подготовки английского номера делался его перевод, временами не совсем удачный.

Уже в октябре 1764 года губернатор Квебека Джеймс Мюррей согласился на оказание денежной помощи детищу Брауна и Гилмора – при условии, что оно будет печатать приказы и другие документы колониальной администрации. Биллингвизм первой газеты Квебека был выгоден губернаторам-англичанам, которые стремились контролировать едва появившуюся прессу. Однако, несмотря на поиск цензоров и переводчиков, хорошо знавших одновременно английский и французский языки, ранний биллингвизм работал отнюдь не идеально. Так, перевод содержания Квебекского акта Георга III (1774) франкоговорящие жители Квебека получили более четырех месяцев спустя после публикации его английского текста [3. Р. 30].

Появление второго печатного издания Квебека, тоже двуязычного, опять было связано с именем Бенджамина Франклина. Французский печатник Флэри Мепле был приглашен Франклином на службу Континентального конгресса для распространения на французском языке среди населения Канады идей Американской революции. Он прибыл в Монреаль накануне его взятия английскими войсками и оказался в тюрьме. Выйдя на свободу, он, после неудачи с газетой на французском языке, с 1785 года начал издавать по примеру «Квебекской газеты» (г. Квебек) двуязычную «Газетт де Монреаль», также печатавшую приказы губернатора. Переводы в ней делались с французского на английский. К этому времени стала расширяться сеть периодики в колонии, и владельцы новых изданий, чтобы набрать больше подписчиков, делали их двуязычными. Однако в отличие от стабильно выходивших каждую неделю «Квебекской газеты» и «Газетт де Монреаль», большинство других изданий оказались недолговечными. Например, в 1788 году Уильям Мур основал газету, рассчитанную в основном на «торговый люд»: «Курье де Квебек» –

«Квебек Геральд». Французский вариант вышел всего трижды (подписчиков набрать не удалось), а англоязычная газета пользовалась некоторой популярностью у английских купцов и просуществовала до 1792 года [4. Р. 10; 5. Р. 5]. Другое двуязычное издание («Таймс» – «Кур де тан») Джона Джонса также не обрело постоянных подписчиков и продержалось всего год [4. Р. 11; 5. Р. 5]. Подобная участь постигла и первый двуязычный журнал Квебека – «Квебек Мэгэзин»/«Магазин де Квебек», который основал владевший в то время «Квебекской газетой» С. Нильсон [4. Р. 11].

Отметим, что двуязычные «Квебекская газета» и «Газетт де Монреаль» в силу своего зависимого положения почти всегда придерживались точки зрения колониальной администрации. Поэтому постепенно билингвизм двух первых изданий Квебека приобретал все более официальный характер, а выпуски изданий на английском – языке колониальной администрации – становились основными. Первую трещину билингвизм ранней периодики Квебека дал на рубеже XVIII–XIX веков, когда двуязычная «Квебекская газета» избегала освещать борьбу депутатов-франкоканадцев за право выступать на французском языке. Другим событием, предвещавшим конец билингвизма прессы в колонии, стало появление двух монопольных газет-оппонентов. В 1805 году Томас Кери, бывший секретарь одного из губернаторов, начал издавать англоязычную газету «Квебек Меркури», которая не только стала рупором колониальной администрации, но и отличалась явной франкофобией. А в 1806 году, в противовес ей, появилась франкоязычная газета депутата Ассамблеи Пьера Бедара «Канадъен» («Канадец»), которая активно включилась в защиту прав франкоканадцев. С противостояния «Канадъен» и «Квебек Меркури» [4. Р. 14] начинается новый период в истории СМИ Квебека – эпоха политической журналистики, которая положила конец билингвизму ранней периодики Квебека. Произошло размежевание медиа провинции по языковому принципу и контенту, переход к монолингвизму, что и сегодня отчетливо наблюдается в обособленном сосуществовании двух систем СМИ в Квебеке. А в начале XIX века франкоканадцы почувствовали свое неравноправие в информационной сфере: две старейшие газеты стали англоязычными. «Газетт де Монреаль» – в 1824 [4. Рр. 5–6; 5. Р. 5]; «Квебекская газета» – с 1832 года [4. Р. 1].

Можно утверждать, что билингвизм, присущий первым изданиям Квебека, не выдержал проверку временем, и СМИ провинции в своем развитии пришли к монолингвизму. Две отдельные системы медиа современного Квебека – лидирующая франкоязычная и компактная англоязычная – это еще одна грань «двух одиночеств» (известное определение канадского писателя Хью Макленнана), обособленного сосуществования двух наций-основательниц современной Канады. А на фоне официального билингвизма основой своей информационной политики Квебек сделал медиарегионализм. Это не только французский язык медиа провинции, но и специфическая «повестка дня» квебекских СМИ, очень верно охарактеризованная Королевской комиссией по газетам (1981), более известной как Комиссия Кента (по имени ее председателя Тома Кента): «...Франкоязычная журналистика с самого начала взяла на себя единственную миссию – спасти нацию, как говорили раньше, и этот

священный долг настраивал на определенное презрение к обыкновенным новостям и большую привязанность к анализу, патриотическим тирадам и проповедям. Журналистский Пантеон Французской Канады населен в своем преобладающем большинстве памфлетистами и авторами передовых статей. Простой репортер здесь не фигурирует» [6. Р. 25]. Конечно, это следствие того неравноправия, которое почти два с половиной века испытывали франкоговорящие жители Квебека по сравнению с канадцами-англофонами. Напомним, что официальное «признание квебекской нации» состоялось лишь в 2006 году, когда у власти находились консерваторы во главе со Стивеном Харпером.

Сегодня флагманом информационной политики медиарегионализма в Квебеке, безусловно, является ежедневная независимая газета «Девуар». Анри Бурасса, основавший это издание с символическим названием «Долг» в 1910 году, видел его миссию в защите самобытности Квебека и девизом издания выбрал слова «Делай то, что должен» – «Fais ce que dois» [7. С. 231].

По нашему мнению, политика медиарегионализма для Квебека – это средство выживания в англоязычном окружении и способ противостояния федеральной доктрине «одна страна – одна нация, говорящая на двух языках», положенной в основу Закона об официальном билингвизме (1969). Однако медиарегионализм имеет для Квебека и обратную сторону: ни одно франкоязычное СМИ провинции не стало общенациональным, в отличие, например, от англоязычной «Газетт» (когда-то двуязычной «Газетт де Монреаль»). Напомним, что однажды канадский историк Генри Милнер отметил: «Традиционным символом квебекского национализма стал французский язык» [8. С. 100]. Поэтому монолингвизм квебекских медиа давно подкреплен Законом № 101 (Хартией французского языка), провозгласившим единственным официальным языком провинции французский (1977). И вряд ли в Квебеке с его традицией информационной политики медиарегионализма могло появиться такое мультикультурное и полилингвистическое СМИ, как Radio CHIN. Эта радиостанция, вещающая из Торонто и федеральной столицы Оттавы, была основана ветераном Второй мировой войны, канадцем итальянского происхождения Джонни Ломбарди в 1966 году, до принятия Закона об официальном билингвизме (1969). Д. Ломбарди понимал, что медиаподдержка «канадской мозаики», которая насчитывает более 200 национальностей, очень важна для единства канадского общества [9. С. 72]. Radio CHIN, вещающее не только на официальных, но и на многих других языках Канады, пока остается самым удачным примером би- и полилингвизма СМИ в стране кленового листа.

Результаты

На основе проведенного исследования современную информационную политику правительства Квебека можно определить как медиарегионализм. Это не только французский язык медиа и специфический, «квебекский» контент. Основная цель политики медиарегионализма в Квебеке – противостоять федеральной доктрине Закона об официальном билингвизме: «одна страна – одна нация, говорящая на двух языках». В Квебеке помнят, что у истоков со-

временной Канады стояли две нации-основательницы. И даже такой прозорливый ум, как Бенджамин Франклин, оказался не прав в своих рассуждениях о будущем Квебека. Посетив его в 1760 году, он писал, что франкоговорящее население бывшей Новой Франции «в этой малонаселенной стране будет менее чем за полстолетия, под давлением англичан, обосновавшихся в колонии повсюду, совершенно смешано и слито с нашим народом, у которого оно позаимствует язык и обычай» [10. Рр. 45–46]. Однако недаром на гербе Квебека начертаны слова «Я помню» (*Je me souviens*).

Заключение

В результате анализа медиарегионализма как особенности информационной политики Квебека можно заключить, что для франкофонов провинции это способ выживания в англоязычном окружении. Однако медиарегионализм имеет и обратную сторону: ни одно франкоязычное СМИ провинции не стало общенациональным, в отличие, например, от квебекской англоязычной «Газетт» (когда-то двуязычной «Газетт де Монреаль»): девять англофонных провинций Канады живут своей жизнью и мало интересуются внутренними проблемами Квебека. Однако, зная его историю, тесно связанную с защитой квебекской идентичности и родного языка, можно сделать вывод: тенденция к медиарегионализму сохранится и в ближайшее время.

Список литературы

- [1] Федин А.В. Становление системы редукиций в Новой Франции в 1637–1660 гг. // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 86–108.
- [2] Brunet M. *Canadiens et Canadiens. Etudes sur l'histoire et la pensée des deux Canadas*. Montréal, 1967. 175 p.
- [3] Lagrave J.-P. *de. Les origines de la presse au Québec (1760–1791)*. Montréal, 1975. 159 p.
- [4] Beaulieu A., Hamelin J. *La presse québécoise des origines à nos jours. Tome premier: 1764–1859*. Québec, 1973. 268 p.
- [5] Kesterton W.H. *A History of Journalism in Canada*. Toronto, 1967. 304 p.
- [6] Commission royal sur les quotidiens // *Royal Commission on Newspapers*. Ottawa, 1981. 296 p.
- [7] Столетие «Долга»: к юбилею канадской газеты «Le Devoir» // Канадский ежегодник / под ред. В.А. Коленеко. М.: Институт всеобщей истории РАН, Российское общество изучения Канады, 2010. Вып. 14. С. 231–235.
- [8] Современная история Канады в зарубежной историографии. М.: ИНИОН АН СССР, 1982. 235 с.
- [9] Калиберда Е. О русской программе на Радио ЧИН Оттавы и о двух радиопередачах 2015 года // Северные грани. 2016. № 6. С. 72–75.
- [10] Franklin B. *The interest of Great Britain considered with regard to her colonies*. London, 1760. 58 p.

References

- [1] Fedin, A.V. (2011). Stanovlenie sistemy reduktsii v Novoi Frantsii v 1637–1660 gg. [The Beginning of reduction's system in New France during 1637–1660]. *Voprosy Istorii* [History Questions], (12), 86–108. (In Russ.)

- [2] Brunet, M. (1967). *Canadians et Canadiens. Etudes sur l'histoire et la pensée des deux Canadas* [*Canadians and Canadians. Studies on the history and thought of the two Canadas*]. Montréal. (In French.)
- [3] Lagrave, J.-P. de. (1975). *Les origines de la presse au Québec (1760–1791)* [*The origins of the press in Quebec (1760–1791)*]. Montréal. (In French.)
- [4] Beaulieu, A., & Hamelin, J. (1973). *La presse québécoise des origines à nos jours* [*The Quebec press from its origins to the present day*]. Tome premier [Vol. 1]: 1764–1859. Québec. (In French.)
- [5] Kesterton, W.H. (1967). *A history of journalism in Canada*. Toronto.
- [6] Royal Commission on Newspapers. (1981). *Commission royale sur les quotidiens* [*Royal commission on daily newspapers*]. Ottawa. (In French.)
- [7] Stoletie “Dolga”: K jubileju kanadskoy gazety “Le Devoir” [Centenary of “The Duty”: For Canadian newspaper “Le Devoir” jubilee]. (2010). In V.A. Koleneko (Ed.), *Kanadsky Ejegodnik* [*Canadian Yearbook*] (issue 14, pp. 231–235). Moscow, Institute of World History of the RAS, Russian Association for Canadian Studies. (In Russ.)
- [8] *Sovremennaya istoriya Kanady v zarubezhnoi istoriografii* [*Modern history of Canada in foreign historiography*]. (1982). Moscow, INION AN SSSR Publ. (In Russ.)
- [9] Kaliberda, E. (2016). O russkoy programme na Radio CHIN Ottawy i o dvukh radiopere-dachakh 2015 goda [About Russian program of Ottawa CHIN Radio]. *Severnye Grani* [*Northern Verges*], (6), 72–75. (In Russ.)
- [10] Franklin, B. (1760). *The interest of Great Britain considered with regard to her colonies*. London.

Сведения об авторе:

Елена Феликсовна Овчаренко, кандидат филологических наук, ответственный редактор международного альманаха «Северные грани» Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-8960-502X>. E-mail: felicella@inbox.ru.

Bio note:

Elena F. Ovcharenko, Candidate of Philology, editor of the international almanac “Northern Verges” of the Lomonosov Moscow State University. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-8960-502X>. E-mail: felicella@inbox.ru.

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-115-122

УДК 82.01

Научная статья / Research article

Жанровая характеристика передач британского телеканала «Би-Би-Си 1»

А.В. Горобий

Тверской государственный университет,
Российская Федерация, 170002, Тверь, пр-кт Чайковского, д. 70

✉ alexogor@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется тем, что телеканал «Би-Би-Си 1» представляет интерес, прежде всего, как образец общественного телевидения, сохраняющего престиж и конкурентоспособность в глобальном рыночном медиапространстве. Целью является анализ эфира «Би-Би-Си 1» с точки зрения форм журналистского и операторского творчества. Для проведения исследования была выбрана семиотическая методология, которая позволяет интерпретировать знаковые системы, будь то журналистские тексты или телевизионные кадры, как взаимосвязанные явления культуры. В результате выявлены важные социокультурные и мировоззренческие элементы, заложенные в телепередачах «Би-Би-Си 1» и определяющие их жанровый профиль. Таковыми являются социальная миссия общественного телевидения, сочетание региональных и столичных мотивов, преобладание серьезных информационных передач. Кроме того, программы открыты для развлекательной продукции, в том числе импортной. Имеет место также визуально-эстетическая адаптация дотелевизионных культурных форм театра, бульварной прессы и т. д. В связи с этим можно говорить о гибкой программной политике «Би-Би-Си 1», которая может быть полезным примером для разработки стратегий развития общественного телевидения в других странах.

Ключевые слова: Великобритания, телевидение, жанры, журналистика, новости, культура

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 28 июля 2020 г.; принята к публикации 9 января 2021 г.

Для цитирования: Горобий А.В. Жанровая характеристика передач британского телеканала «Би-Би-Си 1» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 1. С. 115–122. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-115-122>

© Горобий А.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Analysis of Genres of the BBC One TV Programs

Alexey V. Gorobiy

*Tver State University,
70 Chaykovskogo Ave, Tver, 170002, Russian Federation*

✉ alexogor@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is based on the fact that the BBC One channel is interesting as an example of a public service broadcaster which retains its image and competitiveness on the global media market. The goal of the research is to analyze the BBC One programming with regard to its forms of journalists' and cameramen's work. The semiotic methodology is chosen for interpreting sign systems, i. e. journalist's texts or TV frames, as interconnected phenomena of culture. As a result, important sociocultural and philosophical elements integrated into the BBC One programming and determining its genre profile have been revealed. The social mission of the public broadcasting, combination of regional and metropolitan grounds, the prevalence of serious news genres are among them. Moreover, the programs are open for entertaining content including a foreign-made one. There is also a visual and aesthetic adaptation of pre-TV cultural forms of theater and the tabloid press, etc. Therefore, we can speak of a rather flexible programming policy of the BBC One, which can be a good model to develop strategies for public service broadcasters in other countries.

Keywords: Great Britain, television, genres, journalism, news, culture

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted 28 July 2020; revised 5 November 2020; accepted 9 January 2021.

For citation: Gorobiy, A.V. (2021). Analysis of genres of the BBC One TV programs. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(1), 115–122. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-115-122>

Введение

Великобритания – страна с одной из самых старых и развитых систем телевизионного вещания, которой удается в эпоху глобализации поддерживать особый облик и высокий авторитет своей экранной продукции. Основоположником телевидения в Великобритании была Британская вещательная корпорация («Би-Би-Си»), которая и в наши дни остается лидером британской телевизионной отрасли (несмотря на наличие сильных конкурентов) и одним из самых авторитетных мировых производителей телевизионного контента. В отечественной науке есть ряд исследований, касающихся британского телевидения, однако в них либо изложена общая картина развития общественного телевидения в Великобритании [1–4], либо рассматриваются отдельные жанры [5], однако в литературе недостаточно представлен культурологический взгляд на телепередачи, в частности канала «Би-Би-Си 1», сочетающий внимание к вербальной и визуальной стороне экранной продукции.

Анализ сетки вещания «Би-Би-Си 1»

Общественный характер «Би-Би-Си 1» проявляется в стремлении быть «телевизионным каналом смешанного жанрового профиля с самым большим охватом аудитории по всей Великобритании и транслировать широкий спектр высококачественных передач» [6–7]. Эта задача реализуется, среди прочего, за счет «региональных вариаций» эфира «Би-Би-Си 1», которые созданы для Шотландии, Уэльса, Северной Ирландии и отдельных общин, говорящих на гэльском языке. Кроме того, в сетке вещания «Би-Би-Си 1» предусмотрены окна для выхода локальных выпусков новостей в каждом из 12 регионов Англии [8].

О выполнении задачи соблюдения жанрового разнообразия свидетельствует следующая статистика, являющаяся результатом анализа программы передач «Би-Би-Си 1» в период с 30 марта по 12 апреля 2020 года: 33 % эфирного времени занимают информационные передачи, 24 % – документальные и образовательные передачи, 21 % – художественные фильмы и сериалы, 9 % – спортивные трансляции, 6 % – развлекательные передачи, 4 % – передачи о культуре. Такой расклад свидетельствует, с одной стороны, о серьезности экранной продукции «Би-Би-Си 1». С другой стороны, значительная доля художественных фильмов и сериалов (в том числе мини-сериалов), объединяющих в себе интеллектуальные (просветительские) и развлекательные компоненты [5. С. 8], говорит об учете рыночных факторов при разработке программной политики телеканала.

Информационные передачи и инфотейнмент

Основа общественного телевидения – новости. Первоначально главный выпуск новостей выходил на «Би-Би-Си 1», как и на «Ай-Ти-Ви» (коммерческом канале – главном конкуренте «Би-Би-Си 1»), в 21:00, но затем оба ведущих британских телеканала передвинули этот выпуск на 22:00, с тем чтобы освободить прайм-тайм для показа фильмов и сериалов [4. С. 21]. При этом и «Би-Би-Си 1», и «Ай-Ти-Ви» ввели в сетку вещания выпуски новостей в 18:00 – сейчас они имеют подчас даже более высокие рейтинги, чем выпуски в 22:00. Это связано с тем, что после них на обоих каналах выходят региональные информационные передачи, традиционно представляющие интерес для аудитории на местах. Данная программная политика – пример того, как за счет регионализации эфира телеканалам удалось добиться «расширения» прайм-тайм, то есть привлечь зрителей к телеэкранам даже ранним вечером, когда обычно люди не склонны смотреть телевизор [9].

В 19:30 (то есть в прайм-тайм) на «Би-Би-Си 1» выходит «Панорама» – самая долгоживущая в мире информационно-аналитическая передача, выдержанная в русле расследовательской журналистики и впервые вышедшая на экраны в 1953 году. Если в «Панораме» расследовательская журналистика имеет политическую направленность, то в передаче «Сторожевой пес» (Watchdog, с 2020 года в рамках шоу «Один») – социально-экономическую: журналисты разбирают случаи нарушения прав работников, клиентов или деловых партнеров, а также проявления мошенничества и халатности при

ведении дел. Обе передачи отвечают социальной миссии «Би-Би-Си», однако существенно различаются по части визуального оформления. Для «Панорамы» характерен формат классических «больших» репортажей с соответствующей манерой съемки (длинные планы, тщательный подбор мизансцены для интервью), в то время как «Сторожевой пес» отличается более смелой, динамичной картинкой с быстрой сменой ракурсов и тем.

Интерес представляет политическое ток-шоу «Время вопросов» (Question Time), выходящее по четвергам после прайм-тайма (в 22:35) и воспроизводящее, в сущности, расклад мнений в британском парламенте: на ток-шоу обычно приглашаются представители правительства, официальной оппозиции (теневое кабинета) и других политических партий [10]. Организаторы ток-шоу избегают конфронтационности по обе стороны экрана, и в этом им помогают операторы: равномерное освещение, однообразные, долгие планы без «перебросок» камеры вносят вклад в поддержание спокойной атмосферы (стиль съемок напоминает экранную продукцию 1970–1980-х годов).

Что касается жанра «инфотейнмент», необходимо отметить, прежде всего, шоу «Один» (The One Show), выходящее каждый будний день в 19:00 и совмещающее в себе информационный журнал и ток-шоу. Оно охватывает чрезвычайно широкий круг тем – от серьезных политических новостей до шуточных сплетен, однако кроме предметного разнообразия у этой передачи есть еще одна особенность – благотворительность. В рамках шоу «Один» периодически проводится сбор средств на помощь сиротам, охрану дикой природы и т. п. Жанру «инфотейнмент» соответствует и визуальное оформление: студийный фон состоит из разноцветных вертикальных полос, а операторы часто используют внутрикадровую динамику («перебросы», приближения и отдаления камеры).

Кроме того, к жанру «инфотейнмент» относятся передачи о «стиле жизни», которые не только рассказывают о жизни, но и «программируют стиль жизни» (lifestyle programming). «Побег за город» – весьма показательная передача с точки зрения британского менталитета: это «шоу частной собственности». Оно заключается в том, что эксперты осматривают недвижимость в сельской местности, в действительности выставленную на продажу: для телезрителей познавательно-страноведческие аспекты здесь сочетаются с деловыми – с желанием узнать, сколько может стоить та или иная собственность. Подобным образом деловую сторону британского (и шире – англо-американского) менталитета отражает и американское реалити-шоу «Подмастерье», выходящее на «Би-Би-Си 1» по франшизе: начинающие бизнесмены должны выполнить задания и заслужить похвалу магната – ведущего шоу.

Культурная миссия «Би-Би-Си 1»

Авторитет «Би-Би-Си» основывается, наряду с информационными передачами, и на художественных телефильмах. Поколение «рассерженных молодых людей» дало не только выдающихся писателей и кинорежиссеров, но и теледраматургов, которые привнесли в экранную продукцию острую социальную направленность. В частности, телефильм Кена Лоуча «Домой,

Кэти» о жизни бедняков, показанный «Би-Би-Си 1» в 1966 году, считается одной из лучших передач в истории британского телевидения [11. С. 196]. Социальная направленность как реализация функции заботы об обществе проявляется и в мелодрамах. В частности, мыльная опера «Жители Ист-Энда», выходящая в эфир с 1985 года (с момента масштабного обновления программы «Би-Би-Си»), стала важной частью британской культуры. Она рассказывает о повседневной жизни в вымышленном округе Уолфорд (Лондон), но затрагивает многие спорные или запрещенные темы из реальной жизни – социальное неравенство, безработицу, расовую дискриминацию, насилие, сексуальные меньшинства. Среди драматических сериалов на «Би-Би-Си 1» можно выделить медицинские сериалы «Город Холби», «Несчастный случай» (Casualty) и «Доктора», а также криминальный сериал «Новые трюки» (New Tricks). Интересно, что действие всех перечисленных сериалов разворачивается в Лондоне, а значит, «Би-Би-Си 1», в отличие от центральных телеканалов некоторых других стран (например, Германии), не избегает акцентирования столичных мотивов в своей экранной продукции.

Наряду с демонстрацией социальных проблем «Би-Би-Си 1» видит свою миссию и в просвещении телезрителей, причем эта миссия реализуется как в художественном, так и в документальном жанре. Широкою международную известность получили документальные циклы английского натуралиста Дэвида Эттенборо «Голубая планета» и «Планета Земля». Книги другого популярного писателя, ветеринара Джеймса Хэрриота послужили основой для телесериала «О всех созданиях, больших и малых». Еще один пример художественного продукта с большим познавательным потенциалом – научно-фантастический сериал «Доктор Кто» [12].

В области культуры заметным явлением в эфире «Би-Би-Си 1» в последнее десятилетие стал документальный цикл «Вообразите», создателем и ведущим которого выступает Алан Ентоб. Сериал охватывает чрезвычайно широкий круг тем и личностей – биографии драматургов, певцов, танцоров, истории музыкальных и литературных направлений. Важно отметить, что Алан Ентоб отнюдь не ограничивается британской тематикой, видя свою миссию в том, чтобы приносить в дома телезрителей культуру всего мира. Если в вышеназванных информационных передачах наблюдалось совпадение их профиля и визуального стиля, то цикл «Вообразите» строится на визуальном контрасте: эта передача о культуре снимается не по канонам телевизионной эстетики, как можно было бы ожидать, а в динамичном стиле, порой переключаясь даже с любительскими съемками (например, когда при записи интервью собеседники идут и журналист сам держит камеру в руке). По-видимому, такой стиль выбран с целью сделать передачу о культуре современной, новаторской, интересной широкой аудитории.

Развлекательный блок вещания «Би-Би-Си 1»

В то же время не следует воспринимать «Би-Би-Си 1» как телеканал, занятый исключительно просвещением и воспитанием населения. Немало на «Би-Би-Си 1» и развлекательных передач, из-за чего канал нередко обвиняют в популизме и подражании конкурентам из числа коммерческих телекана-

лов. Действительно, такие шоу, как танцевальный конкурс «Просто приходи танцевать», имеют большое сходство с продукцией «Ай-Ти-Ви» или «Ченнел 5». Коммерческий налет проявляется и в демонстрируемых «Би-Би-Си 1» импортных передачах, в первую очередь американских (например, в реалити-шоу «Подмастерье» или криминальном сериале «Диагноз: убийство»).

Отдельно следует остановиться на комедийных передачах в составе развлекательного блока. «Шоу Грэма Нортон» классифицируется как ток-шоу, однако в действительности оно совмещает в себе несколько поджанров варьете – юмористические стендап-монологи ведущего, музыкальные номера, игры со зрителями. В передаче встречается достаточно грубый юмор, который в целом соответствует традициям английской бульварной прессы, но в котором можно увидеть влияние и американских комедийных традиций. Более четкую корреляцию с жанром стендап-комедии обнаруживает шоу «Напрямую из Аполло»: оно транслируется в прямом эфире из театра «Хаммерсмит Аполло» в Лондоне и не имеет постоянного ведущего, каждый выпуск ведет тот или иной приглашенный артист. Традиционным британским жанром развлекательных телепередач являются ситуационные комедии, ситкомы (первым ситкомом в истории считается британский сериал 1940-х годов «Успехи Пинрайта», *Pinwright's Progress*).

Как видно из приведенной выше статистики, спорт не относится к приоритетам программной политики «Би-Би-Си 1»: телеканал показывает только те соревнования, которые считаются неотъемлемыми для британской спортивной культуры – обзоры чемпионата Англии по футболу, Уимблдонский теннисный турнир, Лондонский марафон, Олимпийские игры и финальную игру по американскому футболу «Супербоул» (последний факт говорит о влиянии американской культуры на британское телевидение).

Заключение

Подводя итоги, необходимо констатировать, что телеканал «Би-Би-Си 1», несмотря на давление рынка, остается серьезным и качественным средством массовой информации, ориентированным в первую очередь на непредвзятое информирование и просвещение телезрителей. Новости составляют профиль телеканала, однако информирование идет рука об руку с социальной миссией: многие передачи «Би-Би-Си 1» направлены на то, чтобы помогать людям, подсказывать им решение жизненных неурядиц, давать ориентиры. Немалый вклад в выполнение телеканалом своей социальной миссии вносит и региональный аспект вещания. Анализ показал, что, несмотря на серьезность телеканала, развлекательные передачи играют важную роль в его вещании, что подчеркивается тем фактом, что многие шоу, игры и сериалы идут в прайм-тайм. Это свидетельствует о гибкой программной политике руководства «Би-Би-Си 1», направленной на привлечение разных категорий телезрителей с целью их постепенного приобщения к стандартам качественной тележурналистики. На выполнение этой задачи ориентирована и визуальная сторона эфира: работая по линии сочетаемости или контраста с профилем той или иной телепередачи, режиссеры и операторы стараются придать ей дополнительную эстетическую привлекательность.

Список литературы

- [1] *Борецкий Р.А.* Беседы об истории телевидения. М.: Икар, 2011. 178 с.
- [2] *Голядкин Н.А.* История отечественного и зарубежного телевидения. М.: Аспект Пресс, 2014. 191 с.
- [3] *Любимов Б.И.* Общественное вещание: британская модель. М.: ВК, 2006. 279 с.
- [4] *Орешикина Н.Е.* Общественное телевидение в информационном обществе: британская модель: автореферат дис. ... к. ф. н. М.: МГУ, 2005.
- [5] *Покровская С.И.* Жанр мини-сериала Би-Би-Си в условиях коммерциализации телевидения Великобритании: автореферат дис. ... к. ф. н. М.: МГУ, 2010.
- [6] Broadcasters' audience research board. Weekly TV set viewing summary (Jan 2010 – Jan 2020). URL: <https://www.barb.co.uk/viewing-data/weekly-viewing-summary> (accessed: 27.07.2020).
- [7] About the BBC. Mission, values, and public purposes / BBC. URL: <https://www.bbc.com/aboutthebbc/governance/mission> (accessed: 27.07.2020).
- [8] Information about BBC English regions / BBC. URL: <http://www.bbc.co.uk/england/about.shtml> (accessed: 27.07.2020).
- [9] *Nairn A.* Mid-80s BBC One: the benefits of one big relaunch over piecemeal changes // Clean Feed. URL: <https://cleanfeed.thetvroom.com/3312/opinion/mid-80s-bbc-one-the-benefits-of-one-big-relaunch-over-piecemeal-changes> (дата обращения: 27.07.2020).
- [10] BBC One. Question time. Frequently asked questions. URL: <https://www.bbc.co.uk/programmes/articles/5HrMm77Yz7vwzCZZ570nTdp/frequently-asked-questions> (accessed: 27.07.2020).
- [11] *Bignell J., Lacey S.* British television drama. Past, present, and future. London: Palgrave Macmillan, 2014.
- [12] *Booth R.* Doctor Who one of biggest shows in the world, says BBC following 'simulcast' // The Guardian. 2013, 24 November. URL: <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2013/nov/24/doctor-who-biggest-show-world-bbc-simulcast> (accessed: 27.07.2020).

References

- [1] Boretskiy, R.A. (2011). *Besedy ob isorii televideniya* [Conversations about the history of television]. Moscow, Ikar Publ. (In Russ.)
- [2] Golyadkin, N.A. (2014). *Istoriya otechestvennogo i zarubezhnogo televideniya* [History of television in Russia and abroad]. Moscow, Aspect Press. (In Russ.)
- [3] Lyubimov, B.I. (2006). *Obschestvennoe veschanie: Britanskaya model* [Public broadcasting: The British model]. Moscow, VK Publ. (In Russ.)
- [4] Oreshkina, N.E. (2005). *Obschestvennoe televidenie v informatsionnom obschestve* [Public television in the information society: The British model] (Dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Moscow, Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
- [5] Pokrovskaya, S.I. (2010). *Zhanr mini-seriala Bi-Bi-Si v usloviyakh kommersializatsii televideniya Velikobritanii* [The genre of miniseries at the BBC in the context of commercialization of the British television] (Dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Moscow, Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
- [6] Broadcasters' Audience Research Board. *Weekly TV set viewing summary (Jan 2010 – Jan 2020)*. Retrieved July 27, 2020, from <https://www.barb.co.uk/viewing-data/weekly-viewing-summary>
- [7] BBC. *About the BBC. Mission, values, and public purposes*. Retrieved July 27, 2020, from <https://www.bbc.com/aboutthebbc/governance/mission>
- [8] BBC. *Information about BBC English regions*. Retrieved July 27, 2020, from <http://www.bbc.co.uk/england/about.shtml>
- [9] Nairn A. (n.d.). Mid-80s BBC One: The benefits of one big relaunch over piecemeal changes. *Clean Feed*. Retrieved July 27, 2020, from <https://cleanfeed.thetvroom.com/3312/opinion/mid-80s-bbc-one-the-benefits-of-one-big-relaunch-over-piecemeal-changes>

- [10] BBC One. *Question Time. Frequently asked questions*. Retrieved July 27, 2020, from <https://www.bbc.co.uk/programmes/articles/5HrMm77Yz7vwzCZZ570nTdp/frequently-asked-questions>
- [11] Bignell, J., & Lacey, S. (2014). *British television drama. Past, present, and future*. London, Palgrave Macmillan.
- [12] Booth, R. (2013, November 24). Doctor Who one of biggest shows in the world, says BBC following ‘simulcast’. *The Guardian*. Retrieved July 27, 2020, from <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2013/nov/24/doctor-who-biggest-show-world-bbc-simulcast>

Сведения об авторе:

Горобий Алексей Викторович, кандидат исторических наук, соискатель кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-3640-7999>. E-mail: alexogor@mail.ru.

Bio note:

Alexey V. Gorobiy, Candidate of History, External Doctoral Candidate at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations of the Tver State University. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-3640-7999>. E-mail: alexogor@mail.ru.

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-123-131

УДК 070:316.346.32

Научная статья / Research article

СМИ как проводник патриотической идеи в контексте теории поколений

М.А. Талышева✉, Н.В. Поплавская

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*

✉ talysheva-ma@rudn.ru

Аннотация. Рассматривается роль средств массовой информации в формировании общественного мнения, в котором проявляется отношение представителей разных поколений к патриотической идее. Анализируются тексты четырех государственных программ под общим названием «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» (2001–2005, 2006–2010, 2011–2015, 2016–2020 гг.), проводится их сопоставление с положениями теории поколений, где отражены типологические черты индивидуализированных объектов воспитания. В контексте психологического портрета молодежи (так называемых поколений Y и Z) в программах обнаруживается недостаточная теоретическая проработка стратегии работы со СМИ, транслирующими актуальную государственную повестку, – разрыв между особенностями коммуникативного поведения цифрового поколения и предлагаемыми методами воспитания. По итогам исследования делается вывод о необходимости пересмотра и конкретизации роли СМИ в формировании патриотизма молодежи в будущих государственных программах. Сформулированы рекомендации по проведению мероприятий в цифровых медиа с учетом положений теории поколений.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, российское общество, теория поколений, СМИ, новые медиа, общественное мнение

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 30 августа 2020 г.; принята к публикации 28 ноября 2020 г.

Для цитирования: Талышева М.А., Поплавская Н.В. СМИ как проводник патриотической идеи в контексте теории поколений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 1. С. 123–131. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-123-131>

Media as a Patriotic Idea Guide in the Theory of Generations Context

Maria A. Talysheva✉, Natalia V. Poplavskaya

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*
✉ talysheva-ma@rudn.ru

Abstract. The article provides an analysis of the Russian citizens' patriotic education taking into consideration the generation characteristics. The state patriotic education programs have been aimed at these audiences for the past twenty years and included special patriotic mass media activities. The authors apply to the theory of generations and identify the features of the Russian various age citizens' patriotic ideology and its correlation with state instruments and measures for patriotic education through the media for four periods (2001–2005, 2006–2010, 2011–2015, 2016–2020). The study addresses the mass media role and functions in public opinion forming; the research also comprises the exploring interaction between general state patriotic education and media as a patriotic idea guide for different generations groups. Generalizing their scientific results, authors conclude that it is necessary to revise the mass media role in patriotic education and formation of young patriots in future state programs, based on the peculiarities of the new generations' vision of the world. The article includes the proposals and recommendations for the special mass media events promoting patriotic idea in new media to secure the most effective results of such programs implementation in the future.

Keywords: patriotism, patriotic education, Russian society, theory of generations, mass media, new media, public opinion

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted October 9, 2020; revised November 3, 2020; accepted December 5, 2020.

For citation: Talyshevam, M.A., & Poplavskaya, N.V. (2021). Media as a patriotic idea guide in the theory of generations context. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(1), 123–131. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-123-131>

Введение

В конце XX века после распада СССР в Российском государстве обострились социально-экономические проблемы. Болезненные для общества экономические реформы и политический кризис спровоцировали кардинальные изменения направлений общественного развития и глобальную переориентацию индивидуальных и групповых ценностей молодежи: материальное начинает преобладать над духовным, происходит усиление негативизма, пропадает четкая гражданская позиция. Наступила эпоха «нравственного голода» и «гибели государственного патриотизма». Идея возрождения патриотического воспитания в посткризисном обществе получила значительную поддержку со стороны государства: Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 февраля 2001 года № 122 «О государственной программе „Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы“»

была утверждена первая (из четырех существующих) пятилетняя программа по развитию системы патриотического воспитания. Ее предназначением было формирование патриотических чувств, консолидации общества, поддержка общественной и экономической стабильности и упрочнения дружбы народов Российской Федерации [1]. Цель исследования – рассмотреть роль СМИ в реализации государственных программ патриотического воспитания сквозь призму поколенческих особенностей аудитории и сформулировать рекомендации по реализации будущих программ, рассчитанных на новое поколение молодежи.

Патриотическое воспитание и СМИ в контексте теории поколений

В исследовании Б.В. Дубина «Время и люди: о массовом восприятии социальных перемен» приведены социологические данные, реконструирующие картину общественных настроений в России 1990-х годов [2]. На протяжении десяти лет ученый проводил опросы, на основе которых представил в своем научном труде картины прошлого, настоящего и будущего глазами человека эпохи глобальных перемен и перестройки. Социолог проводил опросы среди людей различных социально-демографических групп, проживающих в разных по масштабу и уровню развития городах России. Согласно исследованию Б.В. Дубина, на исходе XX века большинство граждан ощутило изменения, но их надежды на лучшее не оправдались, жизнь стала хуже, чем они могли себе представить. При этом к 1999 году оценка символов и архетипических героев в сознании большинства претерпели положительные изменения – в частности, была отмечена идеализация доперестроечного периода. Пережитые драматические изменения наложили отпечаток на ценности людей: отсутствие душевной поддержки со стороны родственников, сокращение количества близких друзей, снижение позитивной значимости праздников, уменьшение готовности помогать друг другу. Как отмечал Б.В. Дубин, многие проявления этих трансформаций в сознании большинства были многомерны, противоречивы и сложно соотносимы друг с другом. Отметим отношение респондентов к телевидению, которому социолог уделил особое внимание. Больше половины опрошенных увидели положительный вектор развития ТВ (возможность выбора контента, в том числе ток-шоу, актуализация повседневности, трансляция советских фильмов и пр.). Треть опрошенных отметили регресс российского телевидения (навязчивая реклама, зарубежные низкопробные фильмы и пр.), при этом двойственные оценки не стали причиной общего сокращения массовой аудитории.

Обратимся к теории поколений У. Штрауса и Н. Хоу [3; 4] которую адаптировали под российскую действительность А. Антипов и Е. Шамис [5]. Период распада СССР и перестройки (эра «спада и осени») – это время рождения и становления поколения Y (миллениалов). Согласно теории поколений, миллениалы вырастают в молодых оптимистов и становятся энергичными и уверенными в себе взрослыми борцами за свои ценности, всегда готовыми к переменам и глубоко вовлеченными в цифровые технологии. Но если учесть исторические особенности формирования личности в усло-

виях кризиса, описанные в исследовании Б.В. Дубина, то следует воспринимать вступивших в новую эпоху XXI века не столько как миллениалов-оптимистов, а скорее как *людей с измененными ценностями*. У них не до конца были сформированы концепты авторитета, долга, патриотизма и взаимопомощи.

Человек посткризисной России был неоднозначен и противоречив. С одной стороны, это прагматик-материалист, индивидуалист, не умеющий подчиняться, скептик. С другой стороны, человек, в воспитание которого были заложены понятия гражданского долга и морали, чувства ответственности и эмпатии. Он ностальгирует, тоскует о прошлом, но смело смотрит в будущее. При этом, какими бы личностными качествами человек начала XXI века ни обладал, он открыт для технологического прогресса, он становится его частью, что еще раз доказывает важность изучения влияния СМИ на развитие его патриотического воспитания. Именно таким нам видится портрет человека посткризисной эпохи. Именно у такого человека государство на протяжении двадцати лет стремится возродить патриотические чувства и любовь к Родине.

Анализ реализации программ патриотического воспитания

Трансформация роли СМИ в четырех государственных программах патриотического воспитания прошла путь в двадцать лет: от принудительно-пропагандистского жесткого характера воздействия СМИ на массовую аудиторию до взвешенного информационного обеспечения патриотического воспитания граждан [1; 6–8]. Анализ программ двух десятилетий не обнаружили *научной концепции* работы СМИ с аудиторией Y и Z, отсутствие теоретических основ, воплощенных, прежде всего, в психологическом портрете поколения. Именно это стало причиной недостаточной эффективности реализации программ, а как следствие – деструктивного восприятия патриотизма в целом. Были упущены возможности конца 1990-х годов, когда отмечался ренессанс патриотизма как инструмента заполнения ценностного вакуума в молодежной среде, инструмента борьбы с неуважительным отношением к социальному и политическому строю государства, в качестве попытки восстановить советскую систему моральной подготовки молодежи к оброне страны и исполнению воинского долга.

Следовало бы учесть базовые характеристики миллениалов, связанные с особенностями медиапотребления: они «ассоциируются с цифровыми технологиями, их часто называют сетевым поколением, которое ценит сегодняшний день, потому что завтра может все измениться, потому что их время – это время скоростей. Скорость как образ существования вынуждает поколение Y ориентироваться на цели, которые можно быстро достичь. Для „игреков“, самых многочисленных представителей сетевого пространства, не деньги являются целью, они стремятся к социальному признанию и самореализации, обустройству коммуникативных территорий» [9]. Постсоветский миллениал не нуждался в трансляции не «прикрытого» советской цензурой низкопробного контента, при этом максимально положительного эффекта можно было достичь посредством правильного использования воз-

способностей стремительно развивающихся информационных технологий, способных создать выбор и свободу, которая особенно ценна для человека поколения Y в России.

Жесткое информационное давление, осуществляемое федеральными СМИ, привело к оппозиционным движениям, развитию национализма и послужило началом протестов, вместо планируемого противодействия попыткам дискредитации и девальвации патриотической идеи. Критически воспринимались обществом и медийные проекты, создаваемые на конкурсной основе и несущие в себе, по мнению общества, коммерциализацию идеи и ценностей патриотизма, что привело к отсутствию интереса и должного уважения к созданным журналистами материалам, посвященным в том числе и таким значимым в истории государства событиям, как Великая Отечественная война. Скептическое восприятие таких медиапроектов приводит лишь к снижению их продуктивности и, как следствие, падению уровня патриотических инициатив, в том числе и среди представителей средств массовой информации.

Следует отметить, что в последней программе начинает прослеживаться нешаблонный дифференцированный подход к патриотическому воспитанию различных категорий граждан, частично учитывающий поколенческие особенности, интересы и устремления и предполагающий «мягкую силу» воздействия. Ведь патриотизм – это, прежде всего, любовь к своему отечеству и уважение его истории, преданность своему народу и готовность служить его интересам вне зависимости от внешнего и внутреннего политического и экономического положения и строя страны, а также стремление сделать все возможное для его улучшения. Патриотизм, как и любое другое чувство, приходит к человеку по мере его психологического, интеллектуального и личностного развития. Именно поэтому идея патриотизма *не должна носить политизированный и военизированный характер*, пропагандироваться и формализоваться, что присуще в первую очередь национализму. Процесс познания чувства любви, ответственности и долга по отношению к Родине – процесс духовный, который не приемлет формализованного подхода, воплощенного в показателях эффективности.

Обсуждение результатов

Государство с помощью СМИ часто ставит гражданственность на один уровень с патриотизмом, тем самым транслируя ложные нормы, идеалы и ценностные ориентиры. Человек, пройдя все этапы личностного развития, социализации и грамотного патриотического воспитания, без каких-либо дополнительных сторонних усилий будет ощущать себя гражданином своей страны, частью его истории и своим поведением показывать готовность активно содействовать процветанию общества, служить его интересам и защищать от врагов. Истинный патриотизм – это *единство духовности и гражданственности*, побуждающее человека к социальной активности.

Роль СМИ в патриотическом воспитании нового поколения особенно важна. Дети поколения Z, в отличие от предыдущего Y (миллениалов), родились в информационную эру человечества. Цифровая революция для них –

это обыденный уклад жизни: с детства они привыкли мгновенно получать доступ к данным, принимать и передавать их, приспособлены к быстрой обработке неадаптированной информации, что не могло не отразиться на психологических особенностях их развития. Безграничные возможности современной молодежи при ограниченных временных ресурсах развивают в них такие качества, как впечатлительность, суетливость, клиповость мышления. Эти особенности позволяют им быстро переключаться с одного вида деятельности на другой, существовать в условиях многозадачности, однако также подразумевают под собой и короткий период концентрации внимания. Восприятие окружающего мира поколением Z не положительно и не отрицательно, оно просто имеет иной формат по сравнению с тем, что было у старших. Произошла нетрадиционная для классического уклада жизни смена роли авторитета в семье: старшее поколение все чаще прибегает к помощи младшего из-за стремительно развивающихся технологий, в которых сложно ориентироваться человеку прошлой эпохи, признающему превосходство своих последователей. При этом стоит отметить, что «цифровые дети» поколения Z – это дети «профессиональных родителей» поколения X (главные ценности которых – ценность профессионализма и ценность детства), стремящихся как можно раньше максимально расширить кругозор своего ребенка. Поколенческие границы стираются, однако благодаря гармоничному взаимодействию и обмену опытом, ценность семьи и уважение к ней как к социальному институту у нового поколения только возрастает. Доверительные отношения с родителями, в восприятии которых понятие о патриотизме не претерпело глобальных изменений, благоприятно скажутся на их личностном развитии и будущем становлении уже собственных представлений о Родине и отчизне. Главная задача системы СМИ – не допустить появления контента, ставящего под сомнение заложенные в детстве представления, а если такое случится, инициировать дискуссию. Все медиапродукты, несущие в себе патриотическую идею, должны по содержанию отвечать внутренним потребностям аудитории нового поколения, а по форме соответствовать ее интересам. Например, для них, выросших с компьютерными играми, важно *наблюдать* за процессом через стриминговые платформы [10; 11], при этом *понимать* алгоритм получения итогов и влиять на него, поэтому актуальность приобретают игровые интернет-проекты.

Российский психолог А.Н. Леонтьев считает, что сама по себе потребность – это ощущение недостатка (или переизбытка) чего-либо, инициирующая деятельность сознания и подсознания человека на поиск недостающего [12]. В том случае, если найденное удовлетворит возникшую потребность, она станет опредмеченной и впоследствии будет идентифицироваться с удовлетворившим ее предметом внешней среды (или условиями). Как только будут пройдены все конструкты (потребность, ее опредмечивание и мотив), становится возможной реализация деятельности или мотивация. Учитывая тот факт, что ценностью для человека становится то, что в недостатке, можно мотивировать деятельность его сознания на поиск опредмеченной потребности, предоставляя возможность восполнить дефицит тех или иных эмоций. Поколение Z, погруженное в виртуальное общение, кото-

рое носит фрагментарный характер, будет стремиться к духовности, но «здесь и сейчас», не задумываясь о будущем. Именно это представление диктует главное правило создания эффективного, патриотически направленного контента – короткий, но при этом очень емкий журналистский материал, вызывающий к эмоциям, с особым акцентом на духовность. Это могут быть социальные ролики, реклама, короткометражные фильмы, способные привлечь внимание с первой минуты, четко сформулированные заголовки и лиды журналистских материалов, тематически направленные блоги и новые медиа (социальные сети, видеохостинги, информационные и развлекательные мобильные приложения, компьютерные игры и т. д.) с особой «ценностной» цензурой [13]. При этом патриотически направленный контент не подразумевает лишь прямую отсылку к патриотическим чувствам в привычной им трактовке. Любовь к своему государству не может быть безусловной и абстрактной, но может быть сконцентрирована на чем-то конкретном. Например, «я люблю свою страну за ее бескрайние просторы, за возможность открывать для себя что-то новое»; «я уважаю свое государство, свой город, свою семью»; «я готов защищать свою Родину, чтобы сохранить то, что мы имеем, для детей и внуков».

Заключение

Добиться успехов в патриотическом воспитании молодежи можно с помощью потенциала цифровых медиа (интерактивность, геймификация, стриминг и пр.), ориентируя содержание контента на поколенческие ценностные запросы (на основе теории поколений), с привлечением инструментов, измеряющих эффективность [14]. В последующих государственных программах «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» необходимо отразить новую стратегию работы средств массовой информации, нацеленную на активное использование цифровых медиа.

Список литературы

- [1] Постановление Правительства РФ от 16 февраля 2001 г. № 122 «О государственной программе „Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы“». URL: <http://base.garant.ru/1584972/> (дата обращения: 12.10.2020).
- [2] Дубин Б.В. Время и люди: о массовом восприятии социальных перемен // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 3 (41). С. 16–24.
- [3] Strauss W., Howe N. Generations: the history of America's future, 1584–2069. New York: William Morrow and Company, 1991. 538 p.
- [4] Strauss W., Howe N. The fourth turning: an American prophecy. What the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny. New York: Broadway Books, 1997. 400 p.
- [5] Шамис Е., Антипов А. Теория поколений // Маркетинг. Менеджмент. 2007. № 6. С. 42–46.
- [6] Постановление Правительства РФ от 11 июля 2005 г. № 422 «О государственной программе „Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы“» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/188373/> (дата обращения: 16.10.2020).

- [7] О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы». 2010. URL: http://archives.ru/documents/order_gov795_2010.shtml (дата обращения: 16.10.2020).
- [8] Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493 «О государственной программе „Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы“». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71196398/> (дата обращения: 16.10.2020).
- [9] Волкова И.И. Поколенческая специфика восприятия игрового медийного контента // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/113-11154> (дата обращения: 18.10.2020).
- [10] Большечева М.Д. Стриминговое вещание как феномен современной медиасреды // *Коммуникология*. 2018. Т. 6. № 4. С. 159–169.
- [11] Волкова И.И. Феномен стриминга: журналистика будущего? // *Мультимедийная журналистика: сборник научных трудов*. Минск: БГУ, 2018. С. 213–218.
- [12] Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. С. 92–101.
- [13] Немчинова И.П. Влияние медиа на воспитание патриотических ценностей у молодежи // *Молодой исследователь Дона*. 2017. № 5 (8). С. 199–203.
- [14] Гужвий Д.А. Измерение эффективности контента новых медиа: постановка проблемы // *Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции*. М.: РУДН, 2016. С. 252–255.

References

- [1] *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 16 fevralya 2001 g. No. 122 "O gosudarstvennoj programme 'Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii na 2001–2005 gody' "* [Resolution of the Government of the Russian Federation of February 16, 2001 No. 122 "On the state program 'Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2001–2005' "]. Retrieved October 12, 2020, from <http://base.garant.ru/1584972/> (In Russ.)
- [2] Dubin, B.V. (1999). *Vremya i lyudi: O massovom vospriyatii social'nyh peremen* [Time and people: On the mass perception of social changes]. *Monitoring Obshhestvennogo Mnenija: Jekonomicheskie i Social'nye Peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 3(41), 16–24. (In Russ.)
- [3] Strauss, W., & Howe, N. (1991). *Generations: The history of America's future, 1584–2069*. New York, William Morrow and Company.
- [4] Strauss, W., & Howe, N. (1997). *The fourth turning: An American prophecy. What the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny*. New York, Broadway Books.
- [5] Shamis, E., & Antipov, A. (2007). *Teoriya pokolenij* [Generation theory]. *Marketing. Menedzhment* [Marketing. Management], (6), 42–46. (In Russ.)
- [6] *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 11 iyulya 2005 g. No. 422 "O gosudarstvennoj programme 'Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii na 2006–2010 gody' "* (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Resolution of the Government of the Russian Federation of July 11, 2005 No. 422 "On the state program 'Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2006–2010' " (with amendments and additions)]. Retrieved October 16, 2020, from <http://base.garant.ru/188373/> (In Russ.)
- [7] О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» [On the state program "Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2011–2015"]. Retrieved October 16, 2020, from http://archives.ru/documents/order_gov795_2010.shtml (In Russ.)
- [8] *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30 dekabrya 2015 g. No. 1493 "O gosudarstvennoj programme 'Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii na 2016–2020 gody' "* [Resolution of the Government of the Russian Federation of December 30,

- 2015 No. 1493 “On the state program ‘Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016–2020’ ”]. Retrieved October 16, 2020, from <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71196398/> (In Russ.)
- [9] Volkova, I.I. (2013). Pokolencheskaja specifika vosprijatija igrovogo medijnogo kontenta [Generational specificity of perception of game media content]. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovanija* [Modern Problems of Science and Education], (6). Retrieved October 18, 2020, from <http://www.science-education.ru/113-11154> (In Russ.)
- [10] Bolycheva, M.D. (2018). Strimingovoe veshhanie kak fenomen sovremennoj media-sredy [Streaming broadcasting as a phenomenon of the modern media environment]. *Kommunikologija* [Communicology], 6(4), 159–169. (In Russ.)
- [11] Volkova, I.I. (2018). Fenomen striminga: Zhurnalistika budushhego? [The streaming phenomenon: Journalism of the future?]. *Mul'timedijnaja Zhurnalistika* [Multimedia Journalism] (pp. 213–218). Minsk, BGU Publ. (In Russ.)
- [12] Leontev, A.N. (1975). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat Publ. (In Russ.)
- [13] Nemchinova, I.P. (2017). The influence of media on the education of patriotic values among young people. *Molodoy Issledovatel' Dona* [Young Don Researcher], 5(8), 199–203. (In Russ.)
- [14] Guzhvij, D.A. (2016). Izmerenie jeffektivnosti kontenta novyh media: Postanovka problem [Measuring the effectiveness of new media content: Problem statement]. *Sredstva Massovoj Kommunikacii v Mnogopoljarnom Mire: Problemy i Perspektivy* [Mass Communication in a Multipolar World: Problems and Prospects]: Materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference (pp. 252–255). Moscow, RUDN University. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Тальшиева Мария Александровна, ассистент кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: talysheva-ma@rudn.ru.

Поплавская Наталия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: poplavskaya-nv@rudn.ru.

Bio notes:

Maria A. Talysheva, lecturer of the Mass Communications Department of the Philological Faculty of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: talysheva-ma@rudn.ru.

Natalia V. Poplavskaya, PhD in Philology, Associate Professor of the Mass Communications Department of the Philological Faculty of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: poplavskaya-nv@rudn.ru.

АКСИОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

AXIOLOGY OF MEDIA

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-132-141

УДК 070:070.1

Научная статья / Research article

Новостная журналистика: практика подмены функцийЛ.Н. Павлова¹, Н.А. Аргылов² ¹Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
Российская Федерация, 677000, Якутск, ул. Белинского, д. 58²Дальневосточный федеральный университет,
Российская Федерация, 690091, Владивосток, п. Аякс, д. 10 argylov.na@dvfu.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы реализации журналистских функций современными средствами массовой информации. Изучены новостные сообщения в социально-политических региональных онлайн-СМИ и обнаружены случаи, когда классические функции журналистики были заменены функциями PR. Контент-анализ выявил большое количество псевдожурналистских репортажей. Одна из причин того, что журналистика теряет свою ценность, – отсутствие профессионалов, представляющих общественные интересы. Анализ показал, что большое количество публикаций основано на пресс-релизах бизнес-структур и госкорпораций, в новостной журналистике сложилась имитация профессиональной деятельности. Региональные СМИ стремятся монетизировать свою деятельность, поэтому зачастую вопрос финансов берет верх над убеждениями, в результате СМИ теряют доверие общественности. Таким образом, главный результат исследования – констатация слияния журналистики с PR-деятельностью.

Ключевые слова: функции журналистики, подмена функций журналистики, информационные сообщения, PR-функции, новостная журналистика, стилистический анализ журналистского текста

Благодарности и финансирование. Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук МК-5795.2021.2 «Медиасистема Дальнего Востока России: преодоление диспропорций».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 11 декабря 2020 г.; принята к публикации 30 декабря 2020 г.

Для цитирования: Павлова Л.Н., Аргылов Н.А. Новостная журналистика: практика подмены функций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 1. С. 132–141. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-132-141>

News Reporting: Substitution of Functions

Lena N. Pavlova¹, Nikita A. Argylov²

¹*North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov,
58 Belinskogo St, Yakutsk, 677000, Russian Federation*

²*Far Eastern Federal University,
10 Ayaks Settlement, Vladivostok, 690091, Russian Federation*

 argylov.na@dvfu.ru

Abstract. The issue of journalistic functions fulfillment by the modern mass media is considered. The authors examined a number of news reports in socio-political online media and found some cases where the classic functions of journalism such as informing and controlling were substituted by PR functions. The content analysis revealed an alarmingly large number of pseudo journalistic reports, which mainly aimed to create and maintain a positive image. The reason why journalism is losing its value is the lack of professionals representing the public interest. The analysis shown a high number of publications, based on (practically unchanged) press releases, that is common to a number of media and clearly illustrates the unprofessionalism of the authors of pseudo news. The regional media have to monetize its activity, so the matter of finance wins over the matter of beliefs. However, the media and, in particular, journalism is quickly losing public credibility. In general, we are witnessing the undermining of classical journalistic creativity and the merging of this concept with other wider categories of public relations.

Keywords: functions of journalism, substitution of journalistic functions, news items, PR functions, mass media, news reporting, information environment, stylistic analysis of a journalistic text

Acknowledgements and Funding. The article was prepared within the grant of President of Russia for state support of young Russian scientists-candidates of science MK-5795.2021.2 “Media system of the Russian Far East: bridging the gap”.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted December 11, 2020; revised December 21, 2020; accepted December 30, 2020.

For citation: Pavlova, L.N., & Argylov, N.A. (2021). News reporting: Substitution of functions. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(1), 132–141. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-132-141>

Исследователями отмечается ряд изменений в современной российской журналистике, трансформирующих медиасистему в целом и обусловленных экономическими и политическими процессами в обществе [1]. Преимуще-

ственно это результат интенсификации профессиональной деятельности из-за превалирования цифровых практик, перехода медиабизнеса на неустойчивые и экспериментальные форматы монетизации медиапродуктов [2; 3]. Глобализационные процессы способствовали смещению читательского интереса от традиционных СМИ к электронным носителям информации – телевидению и новым медиа [4]. Потеря интереса и доверия потребителя как фактор экономического благополучия канала информации особенно губительна в информационном поле с ограниченными ресурсами: низкие потребительские способности и малочисленность населения, следовательно, и целевой аудитории. Региональная информационная среда представляет собой сложную структуру, специфика которой заключается не только в пространственной «замкнутости», но и в особых отношениях власти с массмедиа [5]. Декларируемая свобода слова реализуется со значительными оговорками и серьезными препятствиями для журналистов: административные рычаги влияния в регионах имеют вполне реальные очертания. Формы воздействия на сотрудников и редакцию в целом разнообразны и вполне законны.

Медиапространство российского региона, население которого, по данным Росстата, составляло в 2019 году 967 009 человек, формировать сложнее с точки зрения поиска актуальной социально значимой информации, чем на федеральном уровне. В силу сложившегося информационного пространства редакции активно используют материалы пресс-служб организаций и учреждений. В подобном подходе к работе с источниками информации нет ничего предосудительного, проблема заключается в соотношении информационного продукта «собственного производства», созданного на основе журналистского отбора сигналов окружающей действительности, и информации, созданной пресс-службами с целью продвижения товара или услуги или создания положительного имиджа объекта [6]. Можно по-разному интерпретировать понятие «четвертая власть» [7], но суть этого явления заключается в осуществлении журналистами контролирующей функции. Увеличение количества публикаций на основе ререйтинга «ослабляет индивидуальное, творческое начало журналистской деятельности» [8].

Для выявления случаев подмены классических функций журналистики PR-функциями проанализированы новостные сообщения в региональных общественно-политических интернет-СМИ. Так, контент-анализ публикаций двух наиболее популярных информационных ресурсов Якутии News.ykt.ru (Служба новостей News.Ykt) и YSIA.ru (Якутское-Саха информационное агентство) показал, что в будние дни около 50 % публикаций посвящены информационным поводам, организованным пресс-службами различных ведомств. Например, в новостной ленте информационного портала Ykt.ru в сутки в среднем публикуется от 42 до 50 информационных материалов, из них лишь 10–15 можно отнести к разряду актуальных, социально значимых материалов, представляющих интерес широкой аудитории. Остальные материалы носят «фоновый» характер и не представляют собой особой информационной ценности. Все публикации можно условно дифференцировать по функциональной направленности на следующие категории:

а) новости, основанные на информации, собранной, обработанной и осмысленной журналистом, вызывающие интерес широкой аудитории (категория А);

б) аутентичная информация (сообщения МЧС, МВД, метеослужб) (категория В);

в) сообщения пресс-служб органов власти по актуальным вопросам (категория С);

г) сообщения пресс-служб организаций и учреждений о событиях, созданных с целью продвижения товара или услуг (реклама, объявления) (категория D);

д) сообщения пресс-служб организаций и учреждений о событиях, созданных с целью формирования или поддержания положительного/отрицательного имиджа (категория Е).

Рассмотрим повестку дня службы новостей News.Ykt.Ru от 17 декабря 2019 года. Всего было опубликовано 42 материала. К категории А можно отнести 11 текстов, представляющих определенную ценность или пользу для целевой аудитории, к категории В – 2, к категории С – 5, к категории D – 6, к категории Е – 18. Следовательно, 43 % публикаций было основано на материалах, созданных сотрудниками пресс-служб различных организаций, министерств и ведомств. Проблемным аспектом в подобной работе журналистов представляется не выбор информационного повода, а форма подачи материала – практически полное отсутствие этапа верификации и анализа информации, отказ от журналистского подхода к инфоповоду. Подобное соотношение контента мы наблюдаем с 2017 года, когда начался контент-анализ публикаций этого новостного сайта.

В качестве примера предлагаем результаты редакторского и стилистического анализа публикации под заголовком «ГУП „ЖКХ РС (Я)“: котельная в Бердигестях работает в штатном режиме», опубликованную службой новостей News.ykt.ru 29 января 2018 года. В материале освещается ход спасательной операции. По причине аварии в котельной от системы отопления была отключена половина домов села. Отметим, что температура воздуха в двадцатых числах января составляла –45–47°С. Произошедшее в селе Бердигестях представляло особую социальную значимость и вызвало большой интерес аудитории.

Отметим, что заголовок «ГУП „ЖКХ РС (Я)“: котельная в Бердигестях работает в штатном режиме» отражает метод работы журналиста – копирование текста пресс-релиза ГУП «ЖКХ РС (Я)», опубликованного 29 января 2018 года на сайте предприятия. Тип заголовка «Цитата» используется в журналистике с атрибутивной целью с указанием ответственного лица, сделавшего заявление. Следовательно, прочитав такой заголовок, читатель вправе ожидать от материала оценки сказанного, анализа произошедшего, а не попытки оправдать копирование уже опубликованного текста.

Таблица

Логические недочеты в изложении фактов и пробелы в работе с фактами

Факты 1	Факты 2, противоречащие фактам 1	Вопросы и замечания, возникающие в ходе изучения
Монтаж нового оборудования котельной «РИК» завершен 28 января	Монтаж оборудования завершен в 3:30 29 января	1. Что произошло до момента монтажа нового оборудования? Необходимо справка о произошедшей аварии. 2. К утру 29 января весь жилой фонд обеспечен теплом?
Котельная «РИК» работает в штатном режиме	Из двух котлов работает один	3. Примечание: штатный режим означает работу по плану с учетом отклонений некоторых параметров в допустимых пределах. 4. Оба котла несут определенную нагрузку, один котел не может обеспечить теплом все обслуживаемые объекты, поэтому данную ситуацию нельзя назвать работой в штатном режиме
Температура воды, подаваемой в тепловые сети, составляет +75 °С		5. Какая температура воды, подаваемой в теплосети, соответствует СанПиН? 6. Кто из специалистов службы КИПиА может подтвердить данный показатель?
Котельная «РИК» обеспечивает теплом 18 частных, 12 многоквартирных домов и социальные объекты		7. Сколько и какие социальные объекты? Есть ли среди них учреждения, обеспечивающие жизнедеятельность?
28 января здания по улицам Ленина и Строда переключили к котельной «БСШ»	В 21:10 28 января подали тепло в один дом по улице Ленина	8. Что такое БСШ? (Возможно, имеется в виду Бердигестяхская средняя школа.) 9. Сколько домов по улице Ленина подключены к системе центрального теплоснабжения?
	В 00:20 29 января подали тепло в один дом по улице Строда и в Центр духовности	10. Сколько домов по улице Строда подключены к системе центрального теплоснабжения?
Модульная котельная присоединена к электрическим и тепловым сетям	Модульная котельная находится в резерве	11. С какой целью подключали к сетям модульную котельную, если она не обеспечивает теплом дома?
Мощность модульной котельной – 1 МВт. Модульная котельная готова к эксплуатации		12. Сколько домов может обеспечить теплом котельная мощностью 1 МВт? 13. Когда будет эксплуатироваться модульная котельная?
В восстановительных работах принимают участие 80 специалистов		14. Какие виды работ сделаны, какие еще предстоит сделать? 15. Сколько специалистов должно работать? Оптимальный состав оперативных сотрудников?
В котельной «РИК» установлены новые горелки, подпиточный насос, полностью заменено электрооборудование, восстановлены котлы		16. Что такое горелки, подпиточный насос? 17. Все ли готово к работе?
Бригада коммунальщиков из Нюрбинского филиала ГУП «ЖКХ РС (Я)» протягивает новую тепловую сеть к зданию «Сбербанка»		18. Почему протягивается новая тепловая сеть? Старая сеть пострадала?
Работы продолжаются		19. Сколько домов еще остается без теплоснабжения? 20. Когда работы будут завершены?

Table

Logical flaws in the presentation of facts and gaps in dealing with facts

Facts 1	Facts 2, contradicting facts 1	Questions and comments arising in the course of the study
The installation of new equipment for the “RIK” (Investment Corporation of the Republic of Sakha, Yakutia) boiler house was completed on January 28	Equipment installation was completed at 3:30 on January 29	1. What happened before the installation of the new equipment? Additional information of the accident is required. 2. Is the entire housing stock provided with heat by the morning of January 29?
The “RIK” boiler house is operating normally	Only one of the two boilers works	3. Note: normal operation means working according to plan, taking into account deviations of some parameters within acceptable limits. 4. Both boilers carry a certain load, one boiler cannot provide heat to all serviced objects, therefore this situation cannot be called normal operation
The temperature of the water supplied to the heating networks is + 75 °C		5. What temperature of the water supplied to the heating networks complies with sanitary regulations and standards? 6. Which of the specialists of the instrumentation and control department can confirm this indicator?
The “RIK” boiler house provides heat to 18 private houses, 12 apartment buildings and social facilities		7. How many and what social facilities? Are there any institutions providing life support among them?
On January 28, the buildings on Lenin and Stroda streets were switched to the “BSSH” boiler house	At 21:10 on January 28, heat was supplied to one house on Lenin Street	8. What does the abbreviation “BSSH” mean? (Possibly referring to the Berdigestyakh secondary school.) 9. How many houses on Lenin Street are connected to the district heating system?
	At 00:20 on January 29, heat was supplied to one house on Stroda Street and to the Spirituality Center	10. How many houses on Stroda Street are connected to the district heating system?
The modular boiler house is connected to electrical and heating networks	Modular boiler house is in reserve	11. For what purpose was the modular boiler house connected to the networks, if it does not provide heat to the houses?
The power of the modular boiler house is 1 MW. Modular boiler house is ready for operation		12. How many houses can a 1-MW boiler house provide with heat? 13. When will the modular boiler house be in operation?
80 specialists are taking part in the post-accident repair work		14. What types of work have been done, what are still to be done? 15. How many specialists should work? The optimal composition of operational staff?
New burners, a booster pump were installed in the “RIK” boiler house, electrical equipment was completely replaced, boilers were restored		16. What do “burner”, “booster pump” mean? 17. Is everything ready to go?
A team of utility provider from the Nyurba branch of the State Unitary Enterprise “Housing and Communal Services of the Republic of Sakha (Yakutia)” is extending a new heating network to the building of “Sberbank”		18. Why is the new heating network being extended? Has the old network been damaged?
The post-accident repair work continues		19. How many houses are still without heating? 20. When will the work be completed?

Материал нельзя отнести к журналистскому жанру, поскольку он представляет собой копию пресс-релиза. Факты, изложенные сотрудниками пресс-службы предприятия, соответствуют принципам формирования положительного имиджа – демонстрировать позитивные достижения и маскировать негативные моменты. Тем очевиднее становится вывод о том, что журналист нарушил не только этические нормы, но и не выполнил функциональные обязанности, связанные с проверкой фактов, контролем выполнения спасательной операции.

Текст составлен с нарушением законов логики, например закона противоречия. Проведем анализ содержательной части текста (см. таблицу).

В таблице представлены противоречивые факты, изложенные в одном тексте. В данном случае алогизмы являются следствием отказа от верификации. Журналист не проверил информацию, не задался вопросами, которые возникают при прочтении текста пресс-релиза (см. третий столбец таблицы). Показателем неудовлетворительной работы журналиста являются 20 вопросов, на которые не дано ответов. Обязательный перечень методов сбора информации по таким поводам включает: личное наблюдение журналиста, интервью со специалистами, пострадавшими, анализ документов, консультации с независимыми экспертами в конкретной области.

Стилистика данной публикации не подлежит обсуждению, поскольку текст не является журналистским: автор копировал пресс-релиз и внес незначительные правки. Следовательно, квази-журналистский материал написан в официально-деловом стиле, что является грубейшим нарушением. Также нельзя не отметить, что в тексте допущены недочеты в подборе слов [9] (*Получали централизованное теплоснабжение от пострадавшей котельной; Одновременно осуществляли обвязку модульной котельной, доставленной оперативно из Якутска, а именно присоединяли ее к электрическим и тепловым сетям*); плеоназмы (*Она обеспечивает централизованным теплоснабжением 190 потребителей <...>; В 03:30 часов специалисты ЖКХ завершили монтаж*) и т. п.

В работе с данным информационным поводом представляется наиболее эффективным использование жанра репортажа, поскольку актуальное и социально значимое событие требует освещения, во-первых, с места события, во-вторых, требует проверки фактов, изложенных в пресс-релизе ГУП «ЖКХ РС(Я)». Очевидно, что отказ от командировки в населенный пункт, где после взрыва газа в котельной половина жителей села была вынуждена искать приют, не связан с крайней отдаленностью. Поездка из г. Якутска в с. Бердигестях зимой занимает два часа.

На месте событий журналист наблюдал бы иную, чем в пресс-релизе, картину. По свидетельствам пострадавших и очевидцев, ремонтные бригады были расселены в домах селян, в которых и без того было тесно из-за семей, оставшихся без жилья. Рабочие были вынуждены работать сутками, с небольшими перерывами, чтобы не допустить разрыва труб и батарей в домах и квартирах селян. Администрация села не обеспечила рабочих не только жильем, но и питанием. Волонтеры обеспечивали круглосуточное питание бригад за свой счет. Оборудование в первые дни после аварии привозили с перебоями,

не хватало рабочих рук. Однако в пресс-релизе сотрудники ГУП «ЖКХ РС(Я)» намеренно исказили или скрыли некоторые факты, что объясняется стремлением пресс-службы поддержать положительный имидж организации.

Таким образом, большой объем публикаций пресс-релизов (практически без изменений) ставит под сомнение реализацию творческими сотрудниками редакции News.ykt.ru таких журналистских функций, как контролирующая и информационная. Данные результаты были вполне предсказуемы, подобную картину можно наблюдать во многих СМИ, однако анализ позволил наглядно продемонстрировать непрофессионализм составителей квази-новостей. Тем самым приходится констатировать имитацию профессиональной деятельности в практике новостной журналистики, что неизбежно ведет к потере доверия аудитории.

Минимизация практики подмены функций журналистики может быть достигнута при реализации профессиональных и этических стандартов, которые могут вести дипломированные специалисты (с высокой долей вероятности). Об этом пишет Д.Л. Стровский: «Сегодня ситуация практически не изменилась: многие редакции, особенно в небольших городах, по-прежнему заполнены людьми без специального образования. Проблема не в том, что они оказываются не в состоянии подготовить качественный журналистский материал, но в том, что в этом случае нередко утрачивается коллективное начало журналистской деятельности, что в конечном итоге определяет низкую содержательность создаваемой медиапродукции и влияет на доверие к ней со стороны аудитории» [10].

Для нас остается загадкой, почему популярный якутский ресурс News.ykt.ru не использует такие инструменты защиты от стороннего давления, как, например, запрет публикаций пресс-релизов в общей новостной повестке без значительной переработки журналистами. Отметим, что любое внешнее давление редакция чаще всего переносит безболезненно, так как входит в состав диверсифицированной устойчивой ИТ-компании. Для снижения рисков смешения классического журналистского творчества с PR-деятельностью, истощения кредита доверия со стороны общества следует добиваться минимизации реализации властных и бизнес-целей (инструментальная ипостась журналистики) и усиления общественных целей (самоценная ипостась).

Список литературы

- [1] Аникина М.Е. Институциональные роли российского журналиста в начале XXI века // Медиаскоп. 2019. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2592> (дата обращения: 13.09.2020).
- [2] Олешко В.Ф., Олешко Е.В. Особенности профессиональной культуры журналиста цифровой эпохи // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 2 (32). С. 136.
- [3] Свитич Л.Г. Изменение журналистской профессии в процессах медиаконвергенции // Вестник ЧелГУ. 2015. № 5 (360). С. 412.
- [4] Аргылов Н.А. Особенности институционализации медиарынка и формирования информационного пространства Республики Саха (Якутия) // МедиаАльманах. 2017. № 4 (81). С. 139.

- [5] *Вартанова Е.Л.* Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики: монография. М., 2013. С. 277.
- [6] *Мельник Г.С.* Взаимодействие PR-структур и СМИ: формы, принципы, зоны ответственности // *Управленческое консультирование*. 2012. № 4 (48). С. 109.
- [7] *Киричек П.Н.* Журналистика в системе информационного управления // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2015. Т. 4. № 4. С. 381.
- [8] *Тюкова Д.Н.* Считать ли реайтинг «концом журналистики»: мнения исследователей // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2014. № 12 (134). С. 163.
- [9] *Павлова Л.Н.* Редакторский анализ журналистских текстов // *Вестник Якутского государственного университета*. 2009. Т. 6. № 3. С. 40.
- [10] *Стровский Д.Л.* Современная российская журналистика: к проблемам реализации // *Медиапространство региона: история и перспективы развития: сб. науч. тр.* Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. Вып.4. С. 3.

References

- [1] Anikina, M.E. (2019). *Institutsional'nye roli rossiyskogo zhurnalista v nachale XXI veka* [Institutional roles of a Russian journalist at the beginning of the 21st century]. *Mediascope* (issue 4). Retrieved September 13, 2020, from <http://www.mediascope.ru/2592> (In Russ.)
- [2] Oleshko, V.F., & Oleshko, E.V. (2019). *Osobennosti professional'noy kul'tury zhurnalista tsifrovoy epokhi* [Features of professional culture of a journalist in a digital age]. *Znak: Problemnoe Pole Mediaobrazovaniya*, 2(32), 136. (In Russ.)
- [3] Svitich, L.G. (2015). *Izmenenie zhurnalistskoy professii v protsessakh mediakonvergensii* [Change of the journalistic profession in the processes of media convergence]. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Chelyabinsk State University Journal]*, 5(360), 412. (In Russ.)
- [4] Argylov, N.A. (2017). *Osobennosti institutsionalizatsii mediarynka i formirovaniya informatsionnogo prostranstva Respubliki Sakha (Yakutiya)* [Features of institutionalization of the media market and formation of the information space of the Sakha Republic (Yakutia)]. *MediaAlmanah Journal*, 4(81), 139. (In Russ.)
- [5] Vartanova, E.L. (2013). *Postsovetskie transformatsii rossiyskikh SMI i zhurnalistiki* [Post-Soviet transformations of Russian media and journalism] (p. 277). Moscow. (In Russ.)
- [6] Melnik, G.S. (2012). *Vzaimodeystvie PR-struktur i SMI: Formy, printsipy, zony otvetstvennosti* [Interaction of PR structures and the media: Forms, principles, areas of responsibility]. *Administrative Consulting*, 4(48), 109. (In Russ.)
- [7] Kirichek, P.N. (2015). *Zhurnalistika v sisteme informatsionnogo upravleniya* [Journalism in the information management system]. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 4(4), 381. (In Russ.)
- [8] Tyukova, D.N. (2014). *Schitat' li reayting "kontsom zhurnalistiki": Mneniya issledovateley* [Should rewriting be considered as “the end of journalism”: Researchers' opinions]. *RSUH/RGGU Bulletin: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies, Series*, 12(134), 163. (In Russ.)
- [9] Pavlova, L.N. (2009). *Redaktorskiy analiz zhurnalistskikh tekstov* [Editorial analysis of journalistic texts]. *Vestnik of Yakut State University*, 6(3), 40. (In Russ.)
- [10] Strovskiy, D.L. (2017). *Sovremennaya rossiyskaya zhurnalistika: K problemam realizatsii* [Contemporary Russian journalism: Implementation issues]. *Mediaprostranstvo Regiona: Istoriya i Perspektivy Razvitiya [Media Space of the Region: History and Development Prospects]: Collection of Scientific Papers* (issue 4, p. 3). Kurgan: Kurgan State University Press. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Павлова Лена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики филологического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. E-mail: pavlova.lenanikolaevna@mail.ru.

Аргылов Никита Антонович, кандидат политических наук, доцент департамента коммуникаций и медиа Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-3600-3193>. E-mail: argylov.na@dvfu.ru.

Bio notes:

Lena N. Pavlova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Journalism of the Faculty of Philology of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. E-mail: pavlova.lenanikolaevna@mail.ru.

Nikita A. Argylov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Communications and Media of the School of Arts and Humanities of the Far Eastern Federal University. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-3600-3193>. E-mail: argylov.na@dvfu.ru

НОВЫЕ МЕДИА

NEW MEDIA

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-142-148

UDC 070.1

Research article / Научная статья

**Reflection of India-China Relations in Indian Media:
Problems and Perspectives**Vishal Sharma¹, Marina G. Shilina²✉, Manish Kumar¹¹*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation*²*Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanniy Ln, Moscow, 115093, Russian Federation*✉ marina.shilina@gmail.com

Abstract. China and India interactions are dominated by strategic and business concerns. Despite the massive growth of bilateral trade between China and India, tensions over territorial and political issues have also grown, particularly in the last years. These effects are mediated and often inflamed by media depictions and perceptions of these tensions. India and China are both aware that peace and cooperation are essential. But it seems some media are more intent on fanning the flames than focusing on the ties that bind the two ancient civilizations. The media can play a constructive role in promoting mutual understanding. This paper deals with different areas of bilateral competition and convergence covered by the media as well as discusses the key differences between the Indian media's coverage of China and the Chinese media's reporting on India of the last years and especially in 2020. The article proposes to discover the problems and perspectives of the Indian media in India-China relations today.

Keywords: India-China relations, Indian media, Chinese media, journalism, criticism, transparency

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 4, 2020; revised November 2, 2020; accepted December 25, 2020.

For citation: Sharma, V., Shilina, M.G., & Kumar, M. (2021). Reflection of India-China relations in Indian media: Problems and perspectives. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(1), 142–148. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-142-148>

Отражение индийско-китайских отношений в индийских медиа: проблемы и перспективы

В. Шарма¹, М.Г. Шилина²✉, М. Кумар¹

¹Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

²Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
Российская Федерация, 115093, Москва, Стремянный пер., д. 36

✉ marina.shilina@gmail.com

Аннотация. Во взаимодействии Китая и Индии преобладают стратегические и деловые интересы. Несмотря на массовый рост двусторонней торговли между странами, напряженность по территориальным и политическим вопросам возросла, особенно в последние годы. Эти эффекты опосредованы и часто усугубляются изображением противоречий в СМИ. Индия и Китай осознают важность мира и сотрудничества, но похоже, что некоторые медиа больше сосредоточены на конфликтах, чем на узах, связывающих эти древние цивилизации. СМИ могут играть конструктивную роль в продвижении взаимопонимания. В статье отражены различные области двусторонней конкуренции и конвергенции, освещаемые в СМИ этих стран. Обсуждаются ключевые различия между освещением китайской темы в индийских СМИ и сообщениями китайских СМИ об Индии в последние годы, и особенно в 2020 году. Обозначены проблемы и перспективы индийских СМИ в сегодняшних индийско-китайских отношениях.

Ключевые слова: индийско-китайские отношения, индийские СМИ, китайские СМИ, журналистика, критика, прозрачность

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 4 сентября 2020 г.; принята к публикации 25 декабря 2020 г.

Для цитирования: Sharma V., Shilina M.G., Kumar M. Reflection of India-China relations in Indian media: problems and perspectives // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 1. С. 142–148. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-142-148>

Introduction

China and India have been cooperating on many fronts and many factors matter in their relationship. With a combined population of around 2.6 billion, India and China account for over one third of humanity and one fifth of the global GDP as the world's largest populations and important emerging economies, ties run deep. China is one of India's largest trading partners. Both are members of the BRICS and Shanghai Cooperation organization, and leaders from both countries have been stewarding ties by and large masterfully.

India and China are both aware that peace and cooperation are essential. The last years India-China relations have gotten worse. It seems some media are

more intent on fanning the flames than focusing on the ties that bind the two ancient civilizations. According to the experts, this subject assumed importance following an escalation of mutual “demonisation” in media of the two countries [1].

Indian media on India-China relations

In the case of India, the escalation was more pronounced in the electronic and online media than in the print media. In China, the escalation was more marked in the print and online media than in the electronic media. China has not yet seen the kind of explosive growth in 24 hour private news channels that India has and it has no privately-run indigenous news channels. In India, the problem of uncontrolled demonisation of China was seen largely in the 24 hour TV news channels, which merrily lapped up anything critical of China said or written by anybody and organized discussions which tended to be over dramatic and occasionally even hysterical [1].

In India, what appeared to be unbridled criticism of China was largely in the regional language media. English media, which has less readership and viewership than the regional language media, did not show the same interest in China and was not as negative about China as was the regional language media.

In China, the criticism was largely seen in the Chinese language print media and in the thousands of blogs which have come up in the country following the phenomenal growth of the Internet. Most of the blog content was in the Chinese language. Since there are very few Chinese language experts in India, the majority of the negative articles and postings about India did not get translated and circulated. Only some were. If more of them had been translated and disseminated to Indian readers, the alarm caused in India would have been more.

Fortunately, the two governments had a better understanding of the state of affairs and put a stop to this self-feeding rhetoric. But there is still a lot of criticism of each other, which is more due to the low level of trust between the civil societies of the two countries due to historical reasons than due to any malign reasons [2].

The analysis of media reflection in the two countries tended to get distorted due to the following reasons. The lack of transparency about the Chinese media and the widespread perception in India that the Chinese media is still largely owned and/or controlled by the Chinese Government and the Communist Party of China. As a result, anything critical of India appearing in the Chinese media was viewed by large sections of the Indian public as representing the views of the Chinese Government and party. Also there is a lack of adequate knowledge in China about the free press that India has and vice versa. E. g. barring some radio stations and TV channels run by the government, there is hardly any government owned or controlled media in India. Large sections of the Chinese public opinion tend to think that the entire Indian media is owned and/or controlled by the government and the political party in power as is the case in China. They assumed that the negative coverage of China in the Indian media was at the instance of the government, which was not a fact [3–7].

Recently in 2020 pandemic year, when the whole world is facing a crisis, during this worst period China-India border tensions erupted in June along the line of actual control, an unforgiving patch of land in the Himalayas that divides the two nations. The two countries are no strangers to skirmishes in Galwan Valley, but the clash on June, 15 ended in bloodshed for the first time in more than four decades [6].

Although sentiments have been running high since the clash, both China and India have been taking steps to de-escalate the situation via diplomatic and military channels, with the latest being talks between the two militaries on June, 22.

But many media reports in both countries on the topic seem to be stoking tensions between the neighbors or presenting a lopsided version of the events. For example, news reports were first published by Top Indian Media News Line and later bigger media outlets including ABP News and Times Now, quickly joined in to spread fake news. On June, 21 it was published an article with the headline: “Xi plays tough, but can China afford to make an enemy of India?” adding that “the brutal ambush in the Himalayas is the latest aggressive move from Beijing by a nation battling crises on several fronts” [8]. The first two paragraphs paint a grisly picture of Chinese troops laying in wait, setting a medieval trap for unwitting Indian soldiers. It claims the Chinese soldiers unblocked a dam, letting the water hit Indian soldiers before the Chinese side swept down, brandishing sticks encrusted with nails. It isn't until the end of the second paragraph you see that this colorful rendition just so happens to be from Indian media. Starting off with the Indian perspective without saying so or acknowledging it upfront is misleading. Besides, most other media would include a line saying something like, “we can't independently verify this version of the story” [9].

The Times of India newspaper considers it conceivable that “Chinese aggression” could be a warning to India against joining the “absolutely legitimate” international demand for an independent investigation into the origins of the coronavirus outbreak: “If Beijing succeeds in getting India to kowtow to China's diplomatic positions, this would also be a strong signal to the other neighboring countries about who is to decide what in Asia. Therefore, India should do exactly what China does not want it to do, and react with diplomatic countermeasures.” In this context, the author recommends sharp criticism of the “end” of Hong Kong's economy, China's human rights violations in Tibet and Xinjiang, and improving relations with Taipei. “We should also pay China back in kind and use trade as a weapon by imposing sanctions on Chinese imports. Beijing can't kill our soldiers on the Line of Actual Control while benefiting from our huge market” [9].

The Indian express wrote, that “The brutal killing of 20 Indian soldiers by the Chinese army has the potential to undermine the military detente agreed upon only a few days ago between senior officers on both sides.” The writer also referred to the mutual accusation, that the other side had violated the consensus that they had both reached. “Without a doubt, much is lost in the process of translation. At the same time, Chinese adventurism violates the agreement reached at several meetings between Xi Jinping and Narendra Modi. New Delhi should activate all political and military communication channels with Beijing to make this point clear.” The paper also claimed that many politicians in New Delhi have been

lulled into a false sense of security by earlier diplomatic successes in border disputes with China between 2013 and 2017. The Indian government can no longer ignore the “fundamental change in China's world view, according to which Beijing can take on anyone. India can no longer afford its political illusions about China” [9].

The Wall Street Journal on June, 21 published the story later copied by top Indian media news channel and print media this article, “After China Border Fight, India Likely Weighs Closer U.S. Military Ties: South Asian countries also are expected to work with Japan, Australia and others to check its neighbor” [10].

As we like to say, great claims require great evidence. But with words such as “likely” and “expected to” paired with no shred of evidence, except comments from analysts, we're just not buying it. A deeper dive into the article doesn't deliver any convincing evidence either, just a list of ways the U.S. and India have been cooperating over the years. But the more critical issue is that the article appears to be stoking tensions between China and India by throwing the U.S. into the mix. Yes, U.S. President Donald Trump did offer to step in and “mediate” the conflict. But China and India can resolve their own issues via autonomous diplomacy [10].

The headline in Indian media is also missing part of the broader China-India relations picture, which is about cooperation. When you say the “South Asian country also is expected to work with Japan, Australia and others to check its neighbor,” it gives the impression that's all that India is thinking about, does not it?

Conclusion

Despite the border tensions, both Beijing and New Delhi have managed to keep relations at government levels at an even keel and there is constant official exchange of views between the two sides over the last years even setting up a hot-line between the two prime ministers is under discussion. This being so, there may be some justification if a question is asked as to why pay attention to unofficial blogs and fake stories running by private news channels and print media as well.

The aim of this study is not to create panic and cause misgivings in respect of Sino-Indian ties. But at the same time, it may not be wrong to say that analysts in India have a responsibility to take notice and analyze implications if any, of tall claims being made in the Chinese media and blogs in conflict situations like with Arunachal in the 2011–2015 period or Ladakh [11; 12].

The core of India-China relations should be mutual development and to be sensitive toward each-other's sensitivities and core interests. We personally believe the understanding may be opposite to Indian Media that China will respect its interest in the neighborhood has been rather undermined. This could be discerned from China's pivot to South Asia where China's focus is not on consolidating its ties with India but more with the smaller countries in the vicinity. This is reflected in China's investment and diplomatic engagement in the region [13].

It is a good sign that military and diplomatic channels are active. Both have agreed to disengage and deescalate the situation, but this needs to be reflected on the ground – and in media.

References

- [1] Wang, Wenwen. (2020). *Do China-India relations need a reset?* Retrieved July 2, 2020 from <https://www.globaltimes.cn/content/1193341.shtml>
- [2] Narayanan, M.K. (2020). *Interpreting the India-China conversations.* Retrieved September 22, 2020 from <https://www.thehindu.com/opinion/lead/interpreting-the-india-china-conversations/article32663536.ece>
- [3] Spross, H., & Gui, H. (2020). *How Chinese and Indian media reacted to border clashes.* Retrieved June 17, 2020 from <https://www.dw.com/en/how-chinese-and-indian-media-reacted-to-border-clashes/a-53846606>
- [4] Sandhu, P.J.S. (2020). *It is time to accept how badly India misread Chinese intentions in 1962 – and 2020.* Retrieved July 21, 2020 from <https://thewire.in/security/india-china-xi-jinping-lac-border-modi-1962-war>
- [5] EurAsian Times Desk. (2020). *Beijing basts Indian media for worsening India-China ties, triggering a dangerous war.* Retrieved September 7, 2020 from <https://eurasianimes.com/beijing-blasts-indian-media-for-worsening-india-china-ties-triggering-a-dangerous-war/>
- [6] Headline Buster. (2020). *What's the media's role in China-India border tensions?* Retrieved June 26, 2020 from <https://news.cgtn.com/news/2020-06-26/What-s-media-s-role-in-China-India-border-tensions--RDNmclSFna/index.html>
- [7] Jha. P. (2018). *How India is dealing with China: Improve ties but stay alert.* Retrieved July 12, 2018 from <https://www.hindustantimes.com/india-news/how-india-is-dealing-with-china-improve-ties-but-stay-alert/story-ej6Dy9PARfncR5qhoxj4PI.html>
- [8] Menon, S. (2020). *India-China: Time for a reset.* Retrieved July 18, 2020 from <https://www.indiatoday.in/magazine/cover-story/story/20200727-india-china-time-for-a-reset-1701609-2020-07-18>
- [9] *Modi's social media diplomacy: Indo-China relations.* (2015). Retrieved July 6, 2015 from <https://www.hindustantimes.com/world/modi-s-social-media-diplomacy-indo-china-relations/story-sr0UabcAfv8EEw9iRiW66M.html>
- [10] Krishnankutty, P. (2020). *'Perilous, worst clash in decades' – How foreign media reacted to India-China face-off.* Retrieved June 17, 2020 from <https://theprint.in/india/perilous-worst-clash-in-decades-how-foreign-media-reacted-to-india-china-face-off/443257/>
- [11] *Media reports of villages in Arunachal Pradesh near China border being vacated are false, says the Defence Ministry.* (2020). Retrieved September 10, 2020 from <https://www.opindia.com/2020/09/defence-ministry-rejects-report-claiming-arunachal-pradesh-villages-vacating-tensions-ladakh-china-india/>
- [12] *What's driving the military standoff between India, China in Ladakh.* (2020). Retrieved September 11, 2020 from <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/whats-driving-the-military-standoff-between-india-and-china-in-ladakh/articleshow/78044003.cms>
- [13] Hu, Bofeng. (2020). *India-China relations: Looking forward.* Retrieved August 14, 2020 from <https://frontline.thehindu.com/cover-story/looking-forward/article32181699.ece>

Bio notes:

Vishal Sharma, PhD student of the Department of Mass Communication of the Philological Faculty of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-0451-2893>. E-mail: Vishalsharma1393@gmail.com.

Marina G. Shilna, Doctor of Philology, Professor at the Chair of Advertising, Public Relations and Design of the Plekhanov Russian University of Economics. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-9608-352X>. E-mail: marina.shilina@gmail.com.

Manish Kumar, master student of the Department of Mass Communication of the Philological Faculty of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-7115-112X>. E-mail: mannipandey66@gmail.com.

Сведения об авторах:

Шарма Вишал, аспирант кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-0451-2893>. E-mail: Vishalsharma1393@gmail.com.

Шилина Марина Григорьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-9608-352X>. E-mail: marina.shilina@gmail.com.

Кумар Маниш, магистрант кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-7115-112X>. E-mail: mannipandey66@gmail.com.

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-149-157

УДК 82.01

Научная статья / Research article

Основные тенденции развития сайтов кубинских информационных агентств

Н.Е. Расторгуева , Я. Барселай Рамирес

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2*

 rastorgueva-ne@rudn.ru

Аннотация. Анализируются изменения, произошедшие в деятельности кубинских информационных агентств в период дигитализации медиапроизводства. В последние несколько лет они переживают процесс трансформации, меняя свои подходы к предоставлению информации и внедряя новые продукты. Для изучения этих процессов были выбраны цифровые платформы двух информационных агентств – «Пренса Латина» (Prensa Latina) и Кубинского агентства новостей (Agencia Cubana de Noticias), а также сетевого новостного ресурса «Кубадебате» (Cubadebate). Использование сравнительного и аналитического методов исследования позволили выявить особенности функционирования данных медиаресурсов на современном этапе. Авторы приходят к выводу, что несмотря на международную изоляцию, в которой Куба находится уже более шестидесяти лет, и сравнительно небольшие финансовые ресурсы, выделяемые на развитие СМИ, медиарынок страны вступил в период модернизации. Происходящие изменения значительно расширят возможности интеграции кубинских информационных агентств в мировые информационные процессы.

Ключевые слова: Куба, информационные агентства, информационный портал, «Пренса Латина», Кубинское агентство новостей, «Кубадебате», дигитализация

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 11 ноября 2020 г.; принята к публикации 18 декабря 2020 г.

Для цитирования: *Расторгуева Н.Е., Барселай Рамирес Я.* Основные тенденции развития сайтов кубинских информационных агентств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 1. С. 149–157. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-149-157>

The Main Tendencies in the Cuban News Web Sites Development

Natalia E. Rastorgueva^{ib}✉, Yarileisy Barcelay Ramirez^{ib}

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation*

✉ rastorgueva-ne@rudn.ru

Abstract. The changes that have taken place in the work of Cuban news agencies during the digitalization of media production are analyzed. Over the past few years, they have been undergoing a process of transformation, changing their approaches to providing information and introducing new products. To study these processes, the authors resort to the digital platforms of two news agencies – *Prensa Latina* and *Agencia Cubana de Noticias*, as well as the online news portal *Cubadebate*. Comparative and analytical methods of research reveal the specific features of functioning of these media resources at the present moment. The authors conclude that despite the international isolation Cuba experienced for more than sixty years and relatively limited financial resources allocated for media development, the country's media market has entered a period of modernization. All the changes taking place will greatly expand the possibilities for integrating Cuban news agencies into global information processes.

Keywords: Cuba, news agencies, news website, *Prensa Latina*, Cuban News Agency, *Cubadebate*, digitalization

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted November 11, 2020; revised November 30, 2020; accepted December 18, 2020.

For citation: Rastorgueva, N.E., & Barcelay Ramirez, Y. (2021). The main tendencies in the Cuban news web sites development. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(1), 149–157. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-149-157>

Введение

На сегодняшний день Куба является единственным социалистическим государством в Западном полушарии. Это обстоятельство не может не наложить отпечаток на развитие ее медиаиндустрии, которая под контролем правительства находится в авангарде борьбы за позитивный имидж государства на мировой арене. Особые требования по выполнению этой задачи лежат на информационных агентствах, которые занимают важное место на кубинском медиарынке.

В то же время в стране продолжается активная трансформация медиасистемы, обусловленная как изменениями в общественно-политической жизни Кубы, так и развитием технологий для производства контента. Остановимся подробнее на некоторых событиях, которые прямо или косвенно оказали влияние на этот процесс.

Основные причины трансформации кубинских СМИ на современном этапе

Прежде всего на модернизацию медиасферы повлияли финансово-экономические аспекты функционирования СМИ. Испанский историк Николас Марагуес Гонсалес считает, что со времен избавления от колониальной зависимости у кубинских медиа было два крупных хозяина: на первом этапе (1898–1959) ими руководили и их финансировали американские предприятия; на втором, который начался после победы Кубинской революции 1 января 1959 года и длится по настоящее время, все СМИ находятся на службе Революции [1].

Французская исследовательница Мари-Лаура Жоффрей из Института перспективных исследований Америк полагает, что процесс трансформации кубинской журналистики в XX веке начался в середине 80-х годов с появлением финансируемых правительством США «Радио Марти» (1986) и «Телевидения Марти» (1990) [2]. Стали появляться независимые журналистские организации: Кубинская ассоциация независимой прессы (1987), «Кубанет» (1994), Кубинское независимое пресс-бюро (1995) и «Кубапресс» (1995). Кроме того, в этот период (вторая половина – конец 80-х годов XX века) происходит отказ от советских периодических изданий из-за начавшейся в СССР перестройки.

Появление Интернета на Кубе (официальная дата – 1996 год) поначалу не оказало сильного влияния на развитие СМИ, поскольку до 2012 года доступ во Всемирную сеть осуществлялся только с помощью спутниковых каналов и был ограничен туристическими гостиницами и государственными учреждениями. В 2009 году президент Венесуэлы Уго Чавес подписал распоряжение о выделении 70 млн долл. на прокладку оптоволоконного кабеля по дну Карибского моря из Венесуэлы. Работы были закончены в 2011 году, а его полный ввод в эксплуатацию произошел в 2014 году.

Некоторые исследователи, например Сальвадор Саласар Наварро [3], считают, что возможно, новый этап развития кубинских СМИ начался 31 июня 2006 года, когда по национальному телевидению Кубы выступил секретарь Фиделя Кастро Мануэль Карлос Валенсияга. Он зачитал обращение Фиделя Кастро, в котором тот временно передал свои полномочия главы государства, главнокомандующего ВС Кубы и руководителя Коммунистической партии Кубы своему младшему брату Раулю. Смена руководства страны не привела к быстрым и значительным изменениям в сфере деятельности СМИ, однако стала отправной точкой для начала социальных реформ.

Настоящим прорывом в информационно-коммуникационной сфере страны можно считать появившуюся в декабре 2018 года возможность подключения к мобильному интернету. По данным государственного оператора мобильной связи ETECSA («Телекоммуникационная компания Кубы»), «если в конце 2018 года мобильным интернетом пользовались 1,4 млн абонентов, то к концу 2019 года эта цифра уже составляет 3,07 млн при общем населении Кубы около 11 млн человек» [4]. Это явление медленно, но верно влияет на существующую в стране систему СМИ.

В настоящее время кубинская медиаиндустрия представлена системой коммуникационных и информационных организаций, каждая из которых играет

свою особую роль в развитии национальной журналистики. Все эти учреждения являются собственностью государства и используются им для политико-идеологического влияния на население. Несмотря на ограниченность экономических ресурсов страны, кубинские СМИ, как и медиа других стран, проходят через «ломку» устоявшихся технологических процессов, что выражается в том числе в различных формах журналистской конвергенции. Особенно явно это можно проследить на примере деятельности информационных агентств, которые всегда «находятся на передовой», создавая положительный образ страны и воздействуя на общественное мнение как внутри страны, так и за рубежом.

Деятельность кубинских информационных агентств в начале XX в.

Для нашего исследования мы провели анализ содержания цифровых платформ двух информационных агентств – «Пренса Латина» (*Prensa Latina*) и Кубинского агентства новостей (*Agencia Cubana de Noticias*), а также сетевого новостного ресурса «Кубадебате» (*Cubadebate*). Это государственные структуры, распространяющие универсальную информацию, предназначенную для широкой аудитории.

Латиноамериканское информационное агентство «Пренса Латина» начало свою работу через полгода после победы Кубинской революции – 16 июня 1959 года. Оно было создано в противовес крупным западным (прежде всего американским) агентствам с целью поделиться с миром альтернативной информацией о происходящем в стране. Примечательно, что уже через восемь дней после его основания появились отделения «Пренса Латина» в США, однако в 1967 году находившемуся в Вашингтоне корреспонденту Франсиско Портеле отказали в продлении лицензии. С 1969 года представители агентства находились только при штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, ограничиваясь прямым освещением деятельности этой международной организации. В апреле 2017 года деятельность «Пренса Латина» в Вашингтоне была возобновлена. Это стало прямым следствием возобновления дипломатических отношений между обеими странами в 2015 году и начала процесса нормализации двусторонних отношений. В 2017 году агентство имело представительства в 35 странах [5].

Кубинское агентство новостей, было основано 21 мая 1974 года. Более 130 опытных журналистов круглосуточно передают миру новости о событиях в стране и за рубежом через этот веб-ресурс. В дополнение к бесплатным информационным продуктам, которые агентство предлагает в Интернете, и каналу телетекста, оно продает продукты и услуги, на которые подписаны многие международные информационные агентства, национальные телевизионные каналы, газеты и радиостанции.

Принимая во внимание растущую популярность Интернета, а также степень охвата аудитории интернет-сайтами, в 2003 году «Объединение кубинских журналистов против терроризма» (*Círculo de Periodistas Cubanos contra el Terrorismo*) решило создать в стране новостной сайт «Кубадебате», который по сути выполняет те же функции, что и информационные агентства. Его целью является борьба с медийным терроризмом против Кубы. В 2013 году «Кубадебате» стал самым посещаемым кубинским веб-сайтом.

Таблица

Основные характеристики сайтов «Пренса Латина», Кубинского агентства новостей и «Кубадебате»

Критерии	«Пренса Латина»	Кубинское агентство новостей	«Кубадебате»
Характер происхождения	Традиционное	Традиционное	Сетевое
Язык	6 (английский, испанский, итальянский, португальский, русский, французский)	4 (английский, испанский, русский, французский)	8 (английский, арабский, испанский, итальянский, немецкий, португальский, французский, русский)
Популярность по регионам за 12 месяцев*	1. Куба 2. Никарагуа 3. Панама 4. Венесуэла 5. Сальвадор	1. Куба 2. Колумбия	1. Куба 2. Экваториальная Гвинея 3. Ангола 4. Венесуэла 5. Ямайка
Официальные аккаунты в социальных сетях	Официальный сайт, YouTube, Facebook, Twitter	Официальный сайт, Facebook, Twitter, YouTube	Официальный сайт, Instagram, YouTube, Facebook, Twitter, Telegram, flickr
Дизайн сайта	Преобладающие цвета – синий, красно-оранжевый и белый. Используются баннеры	Преобладающие цвета – синий, красный и белый. Используются баннеры	Преобладающие цвета – красный и черный. Баннеры отсутствуют
Разделы сайта	На испанском, английском, португальском языках: ● Новости ● Мнения ● Фото ● Радио ● Телевидение ● Публикации ● Эксклюзив ● Предложения ● Контакты	● Куба ● Экономика ● Мир ● Культура ● Спорт ● Наука (в испанском варианте – «Наука и технология») ● Эксклюзив (только в испанском варианте)	На испанском: ● Куба ● Размышления Фиделя ● Эксклюзив ● Новости ● Мнение ● Фоторепортажи ● Комментарий ● Бесплатные книги ● Политика ● Экономика ● Культура ● Спорт ● Здоровье ● Наука и технология ● Окружающая среда ● СМИ ● Военные материалы ● Общество
Другие составляющие	Радиоканал, телеканал	На сайте анонсирован радиоканал, но ссылка на него не работает. Телеканал	Сервис «КубадебатеТВ» (текст + видео)
Возможность взаимодействия с аудиторией	Юридический адрес, телефон, форма для письма издателю	Юридический адрес, телефон, e-mail, возможность комментировать статьи	Возможность комментировать статьи, отметить понравившийся материал
Наличие ссылок на иностранные СМИ	«Спутник» (Россия), Almayadeen (Ливан), HispanTV (Иран), Agencia Venezolana de Noticias (Венесуэла), Xinhua News Agency (Китай), La Voz de Sandinismo (Никарагуа), El 19 Digital (Никарагуа), Vietnam News Agency (Вьетнам), Agencia Árabe Siria de Noticias (Сирия)	Vietnam+, Bolpress (Боливия), Agencia Venezolana de Noticias (Венесуэла), Argenpress.info (Аргентина)	Отсутствуют

Примечание: * поиск по названиям агентств на испанском языке [6].

Table

The main characteristics of the sites of the “Prensa Latina”, the Cuban News Agency, and the “Cubadebate”

Criterion	“Prensa Latina”	Cuban News Agency	“Cubadebate”
Nature of origin	Traditional	Traditional	Digital
Language	6 (English, Spanish, Italian, Portuguese, Russian, French)	4 (English, Spanish, Russian, French)	8 (English, Arabic, Spanish, Italian, German, Portuguese, French, Russian)
Popularity by region in 12 months*	1. Cuba 2. Nicaragua 3. Panama 4. Venezuela 5. El Salvador	1. Cuba 2. Colombia	1. Cuba 2. Equatorial Guinea 3. Angola 4. Venezuela 5. Jamaica
Official social media accounts	Official site, YouTube, Facebook, Twitter	Official site, Facebook, Twitter, YouTube	Official site, Instagram, YouTube, Facebook, Twitter, Telegram, flickr
Site design	The predominant colors are blue, red-orange and white. Banners are used	The predominant colors are blue, red and white. Banners are used	The predominant colors are red and black. There are no banners
Sections of the site	In Spanish, English, Portuguese: <ul style="list-style-type: none"> ● News ● Opinions ● Photos ● Radio ● Television ● Publications ● Specials ● Offers ● Contacts 	<ul style="list-style-type: none"> ● Cuba ● Economy ● World ● Culture ● Sport ● Science (in Spanish – “Science and Technology”) ● Exclusive (Spanish version only) 	In Spanish: <ul style="list-style-type: none"> ● Cuba ● Fidel's Reflections ● Exclusive ● News ● Opinion ● Photo reports ● Comment ● Free books ● Politics ● Economy ● Culture ● Sport ● Health ● Science and technology ● Environment ● Media ● Military materials ● Society
Other components	Radio channel, TV channel	A radio channel has been announced on the site, but the link to it does not work. TV channel	Service “CubadebateTV” (text + video)
The ability to interact with the audience	Legal address, phone number, form for a letter to the publisher	Legal address, phone number, e-mail, the ability to comment on articles	The ability to comment on articles, mark the material you like
Links to foreign media	“Sputnik” (Russia), “Almayadeen” (Lebanon), “HispanTV” (Iran), Agencia Venezolana de Noticias (Venezuela), Xinhua News Agency (China), “La Voz de Sandinismo” (Nicaragua), “El 19 Digital” (Nicaragua), Vietnam News Agency (Vietnam), Agencia Árabe Siria de Noticias (Syria)	“Vietnam +”, “Bolpress” (Bolivia), Agencia Venezolana de Noticias (Venezuela), “Argenpress.info” (Argentina)	Absent

Note: * search by agency name in Spanish [6].

Рассмотрим подробнее полученные результаты. Для начала остановимся на общих чертах.

Во всех информационных агентствах существует деление новостных лент по тематическому и региональному признакам. На сайтах в основном доминируют сопровождаемые фотоматериалами информационные и информационно-аналитические жанры, реже встречаются публицистические.

Ко всем агентствам обращаются преимущественно жители латиноамериканских стран. В популярности по регионам ожидаемо лидирует Куба и другие латиноамериканские страны.

В оформлении сайтов «Пренса Латина» и Кубинского агентства новостей присутствуют красный, синий и белый тона – цвета национального флага страны.

Анонс новостей на главной странице сайтов «Пренса Латина» и «Кубадебате» представлен в виде комплексов, состоящих из заголовка, фотографии и краткого содержания материала.

В поисках прямого выхода на массовую аудиторию, кубинские информационные агентства активно осваивают интернет-пространство, ведя аккаунты в различных социальных сетях.

Рассмотрим подробнее характерные особенности сайтов каждого из агентств.

Самый современный сайт – «Кубадебате». Тот факт, что информация дается на восьми языках, позволяет нам предположить, что страна всерьез решила бороться за достойное место на мировом информационном рынке. Верность данного тезиса подтверждает и то, что из пяти стран с наибольшим количеством поисковых запросов Cubadebate две не относятся к латиноамериканскому региону. У портала нет собственных мультимедийных платформ, таких как радио и телевидение, однако это не мешает ему лидировать по количеству подписчиков в соцсетях: 581 711 подписчиков в Facebook, 39,7 тыс. – на YouTube, 32,9 тыс. – в Twitter, 32 124 – в Telegram, 29,3 тыс. – в Instagram, 407 – на flickr (здесь и далее – все данные взяты с официальных страниц в соцсетях по состоянию на 25 октября 2020 г.). Для сайта пишут журналисты, работающие в различных кубинских СМИ, также многие материалы предоставлены информационным агентством «Пренса Латина» и Кубинским агентством новостей. В отличие от их сайтов, преобладающие в оформлении «Кубадебате» цвета – красный и черный. Они же представлены в логотипе (круг, разделенный чертой на красную и черную половины с двумя встречающимися белыми стрелками посередине). Слоган «Кубадебате» – «Против медиатерроризма» позволяет нам предположить, что черный цвет в данном случае использован для графического обозначения терроризма. Несколько разделов испаноязычного сайта посвящены материалам, написанным кубинскими революционными лидерами («Фидель – солдат идей», «Размышления Фиделя», «Речи Рауля») а также бывшим президентом Венесуэлы Уго Чавесом («Чавес навсегда»). Хорошим решением, на наш взгляд, является деление материалов на «Самые читаемые сегодня», «Самые читаемые», «Материалы, которыми больше всего поделились» и «Самые комментируемые». В отличие от испаноязычной, большинство иноязычных версий сайта содержат только три-четыре раздела: «Начало», «Размышления Фиделя Кастро», «Сообщения» и «Новости». Также их отличает неоперативное освещение событий (кроме италоязычной версии). Косвенным подтверждением тому, что оперативность не находится среди приоритетных целей агентства при распространении им информации на иностранных языках, является надпись на баннере англо-

язычной версии сайта – «Некоторые из наших статей, вошедшие в топ, переведены на английский язык». Исходя из этого можно сделать вывод, что, несмотря на сравнительно большое количество иноязычных версий сайта, продукция агентства рассчитана в большей степени на национального потребителя.

Испаноязычная версия сайта информационного агентства «Пренса Латина» пестрит большим количеством разноразмерных баннеров, что, на наш взгляд, негативно сказывается на его оформлении. Агентство заявляет себя международным, однако количество поисков словосочетания *Prensa Latina* в европейских странах и США незначительно. Поиск дал результат по 22 регионам, первая европейская страна – Испания – находится на 15 месте, США – на 16. Россия не вошла в число 22 регионов, поиск по названию на русском языке также не дал результатов, что, скорее всего, может говорить о малой популярности агентства в РФ в настоящее время. Косвенным доказательством этого может служить тот факт, что испанская, португальская и французская версии сайта имеют обновленный интерфейс, в то время как итальянская и русская остались в неизменном виде. У агентства 41 214 подписчик на Facebook, 10,9 тыс. читателей в Twitter, 724 – в Telegram. Наличие большого количества ссылок на иностранные СМИ говорит о сотрудничестве агентства с медиа в различных частях мира.

В отличие от рассмотренных сайтов, на главной странице Кубинского агентства новостей новости представлены только в виде комплекса из заголовка и фотографии. Агентством практически не интересуются в других странах – по запросам *Agencia Cubana de Noticias* и *Cuban News Agency* было выдано сообщение об очень малом количестве данных по этому вопросу, поиск по названию «Кубинское агентство новостей» также не дал результатов. Тем не менее по количеству подписчиков в социальных сетях агентство обошло «Пренсу Латину» – 41 493 подписчик на Facebook, 34 тыс. – в Twitter, 7,08 тыс. – на YouTube, что говорит о популярности Кубинского агентства новостей на родине.

Активное развитие сайтов информационных агентств и новостных порталов стало следствием появления на Кубе массового доступа к Интернету. Такие свойства Всемирной паутины, как оперативность, интерактивность, доступность информации безусловно повлияли на кубинские СМИ и общество в целом. Однако специфика медиасистемы страны и полное подчинение средств массовой информации государству внесли свои коррективы в процесс дигитализации и конвергенции журналистики.

Заключение

Сложившаяся в 60–70-х годы XX века система кубинских СМИ практически до начала XXI века сохранялась в неизменном виде. Социально-политические преобразования в стране, а также внедрение Интернета оказали существенное влияние на медиаиндустрию страны.

Действуя не так активно, как на Западе, современные кубинские агентства пытаются «встроиться» в мировой информационный порядок. Основываясь на представленной информации об изменениях в функционировании кубинских информационных агентств, можно говорить о процессе модернизации их структуры, а также об успешном развитии специализирующихся на

сборе и передаче новостей интернет-ресурсах. Самый яркий пример этого – созданный в 2003 году новостной портал «Кубадебате». Исходя из текущей ситуации, можно утверждать, что с появлением на Кубе свободного доступа к Интернету (хотя и платного и дорогого) феномен технологической конвергенции будет расширяться, способствуя модернизации кубинской системы СМИ.

Список литературы / References

- [1] Rojas, L., & Keila, E. (2019). Medio inspirado en la Revolución cubana celebra 60 años [The news agency spawned by the Cuban revolution celebrates its 60th anniversary]. *La Estrella de Panamá*. Retrieved October 1, 2020, from <https://www.laestrella.com.pa/cafe-estrella/cultura/190625/medio-cubana-celebra-inspirado-revolucion> (In Spanish.)
- [2] Geoffray, M.-L. (2019). La transformación de los medios de comunicación en Cuba [The transformation of the media in Cuba]. *Anuario internacional CIDOB*. Retrieved September 22, 2020, from <http://anuariocidob.org/la-transformacion-de-los-medios-de-comunicacion-en-cuba/> (In Spanish.)
- [3] Navarro, S.S. (2017, January – June). Acercamiento al sistema de medios de comunicación en Cuba [About the media's construction of Cuba]. *Estudios Latinoamericanos, Nueva época*, (39), 42 (In Spanish.)
- [4] Novikov, S. (2019). Kak mobil'nyj internet za god izmenil zhizn' Kuby [How mobile internet changed Cuba's life]. *Rossijskaya gazeta [Russian newspaper]*. Retrieved November 12, 2020, from <https://rg.ru/2019/12/06/kak-mobilnyj-internet-za-god-izmenil-zhizn-kuby.html> (In Russ.)
Новиков С. Как мобильный интернет за год изменил жизнь Кубы // Российская газета. 2019, 6 декабря. URL: <https://rg.ru/2019/12/06/kak-mobilnyj-internet-za-god-izmenil-zhizn-kuby.html> (дата обращения: 12.10.2020).
- [5] Prensa Latina reinaugura corresponsalía en EE.UU. tras 50 años [Prensa Latina reopens the news office in USA after 50 years]. *Granma*. Retrieved November 10, 2020, from <http://www.granma.cu/mundo/2017-04-29/prensa-latina-reinaugura-corresponsalia-en-eeuu-tras-50-anos-29-04-2017-07-04-43> (In Spanish.)
- [6] Google Trends. Retrieved November 10, 2020, from <https://trends.google.ru/trends/explore?q=Prensa%20Latina> (In Russ.)

Сведения об авторах:

Расторгуева Наталья Евгеньевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории журналистики Российского университета дружбы народов. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-7540-0848>. E-mail: rastorgueva-ne@rudn.ru.

Барселей Рамирес Ярилейси, аспирант кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-2768-3473>. E-mail: 1042185080@rudn.ru.

Bio notes:

Natalya E. Rastorgueva, PhD in Philology, senior lecturer at the Department of Theory and History of Journalism of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-7540-0848>. E-mail: rastorgueva-ne@rudn.ru.

Yarileisy Barcelay Ramirez, postgraduate student of the Department of Mass Communications of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-2768-3473>. E-mail: 1042185080@rudn.ru.

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ REVIEWS

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-158-162

УДК 821.511

Миф в зеркале литературы народов Севера: рецензия на книгу: Жулева А.С. Мифопоэтическая модель мира в ненецкой литературе: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 328 с.

Р.З. Хайруллин

*Российский новый университет,
Российская Федерация, 105005, Москва, ул. Радио, д. 22
✉ rhairullin@mail.ru*

Аннотация. Дается анализ монографии А.С. Жулевой, в которой исследуется мифопоэтическая модель мира ненцев на материале художественных произведений. Для осуществления этой задачи привлекаются разнообразные источники: мифы, фольклор, эпос, сведения из лингвистики, этнографии и этнологии, истории народа, а также материалы о традиционных представлениях в сознании современного человека. В процессе исследования рассмотрены произведения разных периодов, в том числе таких писателей, как Тыко Вылка, И. Ного, и их последователей: В. Ледкова, Л. Лащуга, Л. Ненянг, Ю. Вэллы, А. Неркаги и др.

Ключевые слова: ненецкая литература, мифопоэтическая модель мира, художественный синкретизм, пространственно-временные отношения, символические первообразы, символика чисел

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 12 октября 2020 г.; принята к публикации 8 января 2021 г.

Для цитирования: *Хайруллин Р.З.* Миф в зеркале литературы народов Севера: рецензия на книгу: Жулева А.С. Мифопоэтическая модель мира в ненецкой литературе: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 328 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 1. С. 158–162. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-158-162>

**The Myth in the Literature of Peoples of the North:
Book Review: Zhuleva, A.S. (2019). *Mifopoeticheskaya
model' mira v nenetskoi literature [Mythopoetic World Model
in the Nenets Literature]*. Moscow: IMLI RAS**

Ruslan Z. Khayrullin

*Russian New University,
22 Radio St, Moscow, 105005, Russian Federation*
✉ rhairullin@mail.ru

Abstract. The analysis of A.S. Zhuleva's monograph is carried out. The author investigates Nenets mythopoetic world model on the basis of pieces of fiction and attracts various sources to fulfill this task: myths, folklore, the epos, data from linguistics, ethnography and ethnology, history of people and also materials about traditional representations in consciousness of the modern person. In the course of the research the author considered works of the different periods, including such writers as Tyko Vylka, I. Nogo and also their followers: V. Ledkov, L. Lapsuy, L. Nenyang, Yu. Vella, A. Nerkagi, etc.

Keywords: Nenets literature, mythopoetic world model, art syncretism, space-time relations, symbolical prototypes, symbolics of numbers

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted October 12, 2020; accepted January 8, 2021.

For citation: Khayrullin, R.Z. (2021). The myth in the literature of peoples of the North: Book review: Zhuleva, A.S. (2019). *Mifopoeticheskaya model' mira v nenetskoi literature [Mythopoetic world model in the Nenets literature]*. Moscow: IMLI RAS. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(1), 158–162. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-158-162>

Проблема «миф и литература» являлась актуальной во все времена. Актуальна она и в настоящее время, особенно для литератур народов Севера. Миф и фольклор – это та основа, на которой развивались эти литературы. Они относятся к разряду так называемых младописьменных литератур, которые обрели письменную форму лишь в 30-х годах XX века и вступили в литературный процесс России, имея за плечами лишь мифологию и фольклор. Их путь к зрелости был стремительным. По отношению к литературам народов Севера мы можем использовать термин, предложенным в свое время Г.Д. Гачевым, «ускоренное развитие литератур», которое происходило, минуя такие литературные направления и эпохи, как классицизм, Просвещение, романтизм, критический реализм. Именно поэтому мифология и фольклор стали тем фундаментом, на котором зиждутся литературы народов Севера, и в которых отчетливо выстраивается мифологическая модель мира. Не случайно проблеме «Миф и литература» посвящены исследования таких крупных исследователей литератур народов Севера, как Б.Л. Комановский, А.В. Пошатаева, А.В. Ващенко, Ю.Г. Хазанкович и др. Этой теме посвящена и недавно вышедшая монография исследователя из Института мировой литературы РАН А.С. Жулевой.

Раскрывая сущность и содержание понятия «Мифопоэтическая модель мира», А.С. Жулева пишет, что оно «вбирает в себя и мир как человека и природу в их взаимодействии, и модель мира как сокращенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции и реализацию этой модели мира в различных семиотических воплощениях мифопоэтического сознания».

Во введении автор четко формулирует задачи исследования:

– раскрыть глубинные смысловые связи, существующие между трансцендентным, то есть недоступным опытному познанию и выходящему за пределы чувственного опыта (сфера религии и метафизики), и имманентным (познаваемым на основе жизненного опыта, при помощи органов чувств);

– выявить «единое мировоззренческое основание, воплотившееся в поэтической концепции мира и человека, общее для писателей разных поколений, разных этапов формирования и развития ненецкой литературы;

– раскрыть знаковый характер восприятия и переживания собственной жизни авторов в биографической повседневности, историко-политической реальности, а также их героев в реалиях и фантазиях».

По поводу первой задачи А.С. Жулева поясняет, что «трансцендентное в жизненном опыте ненецких авторов и героев присутствует как эксплицитно, так и имплицитно, реализуясь то в роли имманентных мифологических персонажей, то в камланиях и заклинаниях шаманов, то в традиционных обрядах, ритуалах, а главное – в процессе коллективного и индивидуального взаимодействия с окружающей природой».

И еще одной, не менее важной задачей, которую ставит перед собой автор, является реконструирование «мифопоэтической модели мира ненцев на основании художественных произведений». Для осуществления этой задачи автор привлекает разнообразные источники: мифы, фольклор, эпос, сведения из лингвистики, этнографии и этнологии, истории народа, а также материалы о традиционных представлениях в сознании современного человека.

В качестве методологии исследования был использован комплексный подход, «соединяющий мифопоэтические и жанрово-системные приемы анализа содержательных аспектов произведения и интерпретации, историко-генетический, компаративистский, герменевтический и биографический методы».

Работа четко структурирована и состоит из введения, шести глав и заключения. В первой главе рассмотрены такие важные аспекты художественного мира, как пространство и время. При этом автор обосновывает и осуществляет раздельный подход к рассмотрению данных категорий в произведениях, обусловленный особенностями традиционного художественного мышления ненецких авторов и героев.

Вторая глава посвящена символическим первообразам (архетипам) восприятия окружающего мира и себя в нем как ненцами, так и другими народами Севера. Это первообразы ветра, небесных светил (Солнце, Луна), земных стихий (Огонь, Вода), Мать, ребенок и др. Среди мифо-фольклорных первообразов выделены слово-песня, слово-сказка, Вездесущая Песня-Мыныко в поэме Лапсуя «Тер». В главе также раскрывается «животворящая сущность Логоса как первообраза и первоисточника, создающего гармонию мира и

активно участвующего в творческом литературном процессе, его роли в переходе сознания от хаоса к космосу, в формировании первообразов и художественного сознания».

В главе «Зооморфные мифологические образы» представлен материал о зооморфной семантике в литературе ненцев, направленный на выявление зооморфных мифологем, определение роли зоонимов в развитии сюжетов, мотивов, создании художественных образов, что дает возможность реконструкции (раскодирования) древних представлений народа об устройстве мира.

Глава «Число как код мировидения ненцев» посвящена выявлению тайного смысла, который тот или иной автор вкладывает в свою интерпретацию магии цифр. Здесь А.С. Жулевой предпринят поиск следов мифопоэтической концепции числа, рассмотрен символизм чисел в мировоззренческих установках ненцев и других народов Севера.

Очень содержательна глава «Мифопоэтика и мир шаманов», в которой рассматривается тесно переплетающийся с мифологией шаманизм, являющийся частью мировидения авторов и героев. Следует отметить, что шаманизм – это религиозное верование не только у ненцев, но и у других народов Севера и Сибири. Вплоть до 70-х годов XX века шаманизм рассматривался в отрицательном плане в духе насаждавшегося тогда атеистического мировоззрения. Отрадно, что в настоящее время ситуация меняется, и в монографии А.С. Жулевой автор с большой симпатией и пониманием пишет, как Лапцук в эпической поэме «Гер» изображает становление образа шамана как человека одаренного, обладающего недюжинными способностями, целительскими умениями, стремящегося всегда помочь и поддержать своих соплеменников в трудных ситуациях

Для воссоздания мифопоэтической картины мира автором рассмотрены произведения разных периодов, в том числе таких писателей, как Тыко Вылка и Николай Вылка, Иван Ного, а также их последователей: Василия Ледкова, поэзия Леонида Лапцуя, Ивана Юганпелика, Алексея Пичкова, Проккопия Явтысыя, проза и поэзия Любви Ненянг, Юрия Вэллы, повести Анна Неркаги. Выбор этих имен дает возможность показать динамику изменения мифологических моделей мира, создаваемых ненецкими писателями на протяжении XX – начала XXI века. В процессе анализа их творчества видно, что писатели первого поколения (Тыко Вылка, Н. Вилка, И. Ного), когда ненецкая литература только формировалась, еще являлись носителями мифологических представлений и отражали это мировоззрение в своих произведениях. У Леонида Лапцуя намечается тенденция к использованию мифа как литературного приема, а в творчестве Юрия Вэллы данная тенденция становится доминантной.

При анализе произведений этих писателей в их творческом методе явно проступают черты магического (мифологического) реализма, хотя А.С. Жулева не использует это понятие, которое предполагает включение магических (мифологических) элементов в реалистическую картину мира. Использование этого понятия позволило бы включить при анализе произведения писателей-северян в более широкий контекст, сопоставляя их с произведениями Д. Визенора, Н. Скотта Момадея, Дж. Форбса, что делал А.В. Ващенко

ко, и даже с произведениями Х.Л. Борхеса, М.А. Астуриаса, А. Карпентьера, Х. Кортасара и других ярких представителей этого литературного направления, создающих свои неповторимые модели мира.

В шестой главе представлен обширный материал о двух знаковых ненецких писателях – Леониде Лапцуе и Юрии Вэлла (Айваседа), которых А.С. Жулева называет «творцами мифа нового времени». С них начинается переход от простого использования мифа в произведении (иногда с незначительными трансформациями) к мифотворчеству. Отдельные произведения Ю. Вэллы отличаются жанровым синкретизмом (сочетанием прозы и поэзии в одном произведении). Кроме того, Юрий Вэлла сочинял загадки в духе народных представлений, используя фольклорные сравнения и метафоры. Автором отмечается также подвижническая деятельность этих поэтов по собиранию и художественной обработке ненецких мифов и фольклора. Мифо-фольклорное наследие родного народа они рассматривали как величайшую ценность и считали своим долгом зафиксировать их, сохранить и передать потомкам, чтобы не прервалась связь поколений.

Обобщая вышесказанное, хотелось бы подчеркнуть особую значимость монографии, которая состоит в том, что в ней автор раскрывает культурные коды ненецкого народа на разных стадиях его развития: дописьменной (фольклорно-мифологической) и письменной (литературной). Выводы, к которым приходит автор, могут быть экстраполированы на исследования и по другим литературам народов Севера.

Монография несет в себе и большой воспитательный потенциал. В поисках нравственных ориентиров современный человек обращается к далекому прошлому, к своим истокам, к мифу. Миф обладает огромной нравственной воспитывающей силой, ибо в нем заключено коллективный духовно-нравственный опыт, своего рода кодекс нравственного поведения. Обращение к мифу способствует пробуждению интереса к литературе, к родному языку, обретению национальной идентичности, возрождению национального самосознания и в конечном счете к укреплению витальности ненецкого народа.

Сведения об авторе:

Хайруллин Руслан Зинатуллович, доктор педагогических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Российского нового университета. E-mail: rhairullin@mail.ru.

Bio note:

Ruslan Z. Khayrullin, Doctor of Pedagogical Science, Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication of the Russian New University. E-mail: rhairullin@mail.ru.

Бланк заказа периодических изданий

АБОНЕМЕНТна газету
журнал

36435

(индекс издания)

Вестник РУДН.

Серия: Литературоведение.

Журналистика

(наименование издания)

Количество
комплектов

На 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Линия отреза

ДОСТАВОЧНАЯ

36435

ПВ место литер

КАРТОЧКА

(индекс издания)

на газету
журналВестник РУДН. Серия:
Литературоведение. Журналистика
(наименование издания)

Стои- мость	подписки	руб.	Количество комплектов
	каталожная	руб.	
	пере- адресовки	руб.	

На 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

город

село

почтовый индекс

область

район

код улицы

улица

дом

корпус

квартира

фамилия, инициалы

Бланк заказа периодических изданий

АБОНЕМЕНТ на газету
 журнал (индекс издания)

Вестник РУДН.
 Серия: _____
 (наименование издания)

Количество комплектов	<input type="text"/>
-----------------------	----------------------

На 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<input type="text"/>											

Куда
 (почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____
 (фамилия, инициалы)

Линия отреза

<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
ПВ	место	литер

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА (индекс издания)

газету Вестник РУДН.
 на журнал Серия: _____
 (наименование издания)

Стоимость	подписки	руб.	Количество комплектов	<input type="text"/>
	каталожная	руб.		
	пере-адресовки	руб.		

На 2021 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<input type="text"/>											

<input type="text"/>															
город															
село															
почтовый индекс						область									
район															
код улицы						улица									
дом				корпус				квартира				фамилия, инициалы			